

И ПРУП

ПЬЕСЫ

Ⓒ

Иосиф Леонидович Прут — известный советский драматург старшего поколения. По его сценариям поставлено семнадцать кинофильмов, четырнадцать пьес И. Л. Прута ставились на сценах театров СССР и стран народной демократии.

Две первые пьесы настоящего сборника относятся к эпохе формирования нашего государства, к годам гражданской войны. «Князь Мстислав Удалой» — оптимистическая трагедия, песнь о мужестве простых советских людей, с оружием в руках защищающих от белогвардейщины разных мастей завоеванные народом свободы. «Год девятнадцатый» — драма о мудрости партии, о большевистском подполье в тылу врага. Действие героической эпопеи «Секретарь райкома» переносит читателя в гущу событий Великой Отечественной войны, когда партизаны поднялись на борьбу с фашизмом. И, наконец, «Тихий океан» — пьеса о буднях моряков нашего военного флота, об их великолепном товариществе.

- [Пьесы](#)

-
- [«КНЯЗЬ МСТИСЛАВ УДАЛОЙ»](#)
  -
  - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
- [ГОД ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ](#)
  -
  - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
- [СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА](#)
  -
  - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
- [ТИХИЙ ОКЕАН](#)
  -
  - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
  - [ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [4](#)
  - [5](#)
-

С П

И. ПРУТТ

ПЬЕСЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1963

«КНЯЗЬ МСТИСЛАВ УДАЛОЙ»

Пьеса в четырех действиях, шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лосенко Никита Андреевич — комиссар бронепоезда
Державин Григорий Михайлович — командир бронепоезда
Державина Мария Павловна — его жена
Суслов Степан — сибиряк, пулеметчик
Кацман Яков Моисеевич — политрук
Гусев Антон Петрович — машинист
Вавилов Федор Матвеевич — механик
Калантадзе Сико — пулеметчик
Федотов Иван — артиллерист
Куликов Семен — артиллерист
Ленка — помощница машиниста
Журба Зиновий — кочегар
Начальник дивизии
Начальник штаба дивизии
Взводный
Женщина-врач
Первый красноармеец

Второй красноармеец

Будочница

Мамонтов — генерал

Лучин — полковник

Барон Нолькен — подполковник

Адъютант генерала — подпоручик

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Рапорт Ленину

Вагон бронепоезда. Он не имеет ничего общего с современными площадками. Это — обломок крушения Российской империи. Справа основание скорострельной трехдюймовой пушки. Само орудие под чехлом. Рядом пустые снарядные ящики. Вагон сильно пострадал в бою — это видно по двум дырам в задней стене и пробитой крыше. Со стен еще не совсем содраны плакаты ОСВАГА и портреты белых генералов — Корнилова, Алексеева. При поднятии занавеса Л е н к а, девушка-подросток, и Ж у р б а срывают какое-то объявление со стены и бросают его на пол. Они настораживаются, так как стоящие на переднем плане В а в и л о в и С у с л о в продолжают начатую раньше беседу. Ф е д о т о в и К у л и к о в, играющие за столом в шашки, прекращают игру и слушают.

В а в и л о в. Ну, приехал ты в Москву... Дальше?

С у с л о в. Ну, значит, приехал я в Москву. Город, конечно, огромный — столица. Жителей в нем — миллион.

Л е н к а *(робко)*. Пожалуй, два.

С у с л о в *(резко, Ленке)*. Три. Ты почему знаешь?

Л е н к а. Так говорят.

С у с л о в *(отмахнувшись от девушки, Вавилову)*. Ну, значит, спрашиваю у первого военного: «Как, товарищ, в Кремль пройти?» Он мне, конечно, объясняет. Ну, я, конечно, иду. Через весь город иду, осматриваю. Дошел. Подхожу, конечно, к воротам, через которые Николашка ходил. Меня, конечно, не пускают. Тады я говорю, кто я есть. Меня, конечно, пропускают. Вхожу я, конечно, в Кремль! Иду. Мимо царей разных: царь-пушки, царь-колокола... Все иду. Прямо в здание. А здание огромное...

В а в и л о в. Долго что-то идешь, браток.

С у с л о в. А куды торопиться? Ну, и иду. Через палаты разные иду, через Грановитую, через Ледовитую. Иду и иду. Через комнаты, помещения, иду, иду.

В а в и л о в. Много еще иттить-то?

С у с л о в. Дошел. Прямо на дверях написано: «Гражданин председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин Владимир Ильич».

Ленка и Журба подошли ближе. Вавилов приосанился и сел на ящик.

(Поправил гимнастерку, привел в порядок неподдающиеся прическе патлы волос и подтянул ремень.) Стоят в дверях два наших парня, земляки, и не пускают меня. Я говорю, конечно, кто я такой есть, и они меня, конечно, пропускают. Вхожу в кабинет. *(Делает два шага вперед.)* Полагаю, что дражемент здоровый будет и уверенность не та. Как думаете?

Л е н к а. Зачем дражемент? Ведь свой человек.

С у с л о в. Все-таки. *(Оборачивается к вошедшему Калантадзе. После секундной паузы*

продолжает.) Подхожу и прямо (*руку под козырек*) «Настоящим доношу, товарищ председатель Владимир Ильич, что белый бронепоезд «Князь Мстислав Удалой» взят частями Тринадцатой армии после боя при станции Пески. С девятнадцатого октября тысяча девятьсот девятнадцатого текущего года введен в строй нашей доблестной Красной Армии. Мы, бойцы и командный состав, на общем собрании порешили переименовать его в «Смерть паразитам». Еще было предложение кочегара Журбы назвать «Да здравствует повсюду и везде мировая революция». Отклонили большинством голосов: хотя верное название, но длинно больно. Мы обещаем, товарищ председатель, как вам, так и всему советскому народу, драться на нем до победы над врагами рабочих и крестьян, до победы коммуны на всей земле». (*Кончил и замер.*)

В а в и л о в. Спасибо, товарищ! (*Протягивает ему руку и жмет.*) Спасибо от пролетариата нашей республики.

Стоят так несколько секунд.

С у с л о в. Должно быть, еще чего спросит?

Л е н к а. Обязательно спросит. (*Вавилову.*) Говори вопрос или чего-нибудь важное, Федор Матвеевич.

Ж у р б а. Погодите, ребята. Кажется мне, что нечего товарищу Ленину про наши дела особенно рассказывать. (*Обращается к Суслову.*) Ну какой ему интерес, как я, Зиновий Журба, предлагал назвать нашу коробку? Ни к чему, прямо скажем. Запомнит и при встрече еще смеяться надо мной будет.

С у с л о в (*резко*). Ему до всего есть интерес. Ему и про все знать необходимо! (*С досадой.*) Не перебивай. Ну ты в болото! (*Вавилову.*) Говори, Федор Матвеевич.

В а в и л о в (*подумав*). М-да! И как же у вас, на бронепоезде: все в порядке?

С у с л о в. Все, Владимир Ильич!

Пауза. Ленка подмигивает Вавилову: «Спрашивайте, мол, еще что-нибудь».

В а в и л о в. Обязанности свои знаешь?

С у с л о в. Знаю, товарищ Ленин. В послужном списке отмечен: пулеметчик первый сорт, даже сказать про себя неудобно.

В а в и л о в. Так. Ну, а как с приварком у вас?

С у с л о в. Ничего, Владимир Ильич. Конечно, нельзя сказать, чтобы так уж очень особенно, но — ничего.

Журба шепчет ему что-то на ухо.

Да, вот хотел сказать: воблы не всегда хватает. Приходится, понимаешь, шесть рыб на одиннадцать человек делить, ну а у нас мало кто, конечно, в точных науках разбирается: неправильная дележка иногда бывает. Хотя должен отметить, что ученый человек у нас есть: старик, наш машинист, Гусев Антон Петрович. Партийный человек. Он чего хочешь знает. Разделить аль умножить, сколько откеда докеда верст — все знает. Ученый человек.

В а в и л о в. Так. Ну, иди отдохни. Вон полежи на диванчике, а то у меня, парень, делов страсть много.

С у с л о в. Понимаю, Владимир Ильич. Нас — много, вы — один.

В а в и л о в. Ну, тут он снова за работу взялся, а тебе неловко там, в кабинете, торчать. Ты ему скажи напоследок, чтоб надеялся на нас, — не подведем. Ему ведь с нами, с бронечастями, всегда хорошо было. Я как раз был в Питере и слышал товарища Ленина, как только он с границы приехал. И ты думаешь он до пехоты пошел или до кавалерии? Подъехал броневик. Поднялся. Владимир Ильич на него и начал говорить.

Пауза.

Вот кончим войну — часто его речи слушать будем.

Пауза.

Ф е д о т о в. А кончим скоро.

Все смотрят на него.

Мы еще когда в Козлове стояли, я от папани письмо получил. Пишут они, что к зиме кончится, а потому решили быков не продавать. У нас быков трое. Для стада многовато. Коров — пять. А ежели война кончится — бык в цене: опять же на случку или на мясо.

Ж у р б а. Только, пожалуй, не управимся мы к будущей зиме. Клади на Россию полгода.

К у л и к о в (*в раздумье*). Большая страна! В нашей губернии под лесом шестьсот тысяч десятин. Большая страна!

В а в и л о в. А потом Европа... вся заграница... придется на одну Африку год стратить. Хотя в ей негры сплошь. Они голые ходят. Это народ угнетенный. Негры скорей пойдут. Вот Антон Петрович быстро бы прикинул. Он про все страны знает. По этой части особые книги читал.

Л е н к а. Конечно, кто постарше — тому бы поскорей интересно. А мне всего шестнадцать лет — я увижу. Подождать и лишний годок можно.

Часы-ходики бьют двенадцать. Когда отзвучал последний удар, на паровозе раздается голос машиниста Гусева: «Ленка... твоя смена...» Ленка нахлобучивает шапку и почти бегом уходит в дверцу, соединяющую площадку с паровозом.

В а в и л о в. Вот приедем в Москву — в ремонт станем. А может, и в Питере ремонтировать будем. Бывал ты в Питере?

С у с л о в. Нет, Федор Матвеевич. Я, оно сказать по правде, только вот теперь землю повидал. Никуда раньше не ездил.

Со стороны паровоза, слева, выходит Гусев.

Г у с е в (*Журбе*). Ты хорошо заправил топку, Зиновий?

Ж у р б а. Хорошо, Антон Петрович.

Г у с е в. Тогда ложись спать. (*Обращаясь к остальным.*) Кто у нас ноне дневальный?

С у с л о в. Я, Антон Петрович.

Г у с е в. Тогда часа через полтора заправишь еще уголька. Тебе уж придется, а то кочегару смены пока нет: комплектоваться будем в Москве. (*Снимает с себя рубаху и*

проходит в угол — к ведру. Позвав жестом Сико, просит слить на руки. Долго моется.)

С у с л о в. А много еще до Москвы, Антон Петрович?

Г у с е в. Со следующего разъезда двести восемьдесят две версты. Ну, а ехать, конечно, как поедем.

С у с л о в. А все-таки послезавтра будем?

Г у с е в. Опять же как поедем. *(Обращаясь к остальным, вытираясь.)* А вы чего спать не ложитесь? Ночь ведь! *(Смотрит на часы.)* Первый час. Пошли, пошли, ребята, завтра делов много!

Один за другим поднимается команда и устраивается на шинелях по углам. Остаются сидеть только дневальный Суслов и Гусев.

Г у с е в. Курить у тебя есть, Степа?

С у с л о в. Есть, Антон Петрович, в Козлове разжился. Закуривайте.

Гусев берет кисет и закручивает козью ножку. Суслов пристально смотрит в угол, затем идет туда и возится у патронного ящика. Что-то звенит. Быстро прячет за ящик какой-то небольшой предмет.

Г у с е в *(оборачивается)*. Ты чего там, Степа?

Суслов смущается, отдергивает руки и, неестественно улыбнувшись, тихо смеется. Неловкая пауза. Гусев смотрит на Сусллова — не понимает.

С у с л о в *(ищет выход из положения, наконец находит и почти радостно скороговоркой выпаливает)*. Хотел у вас спросить, Антон Петрович. Понимаете, какое дело — домой подарок везу. В Козлове на рынке сменял: рубаху отдал! Хочу мамане... Пушай в избе висит.

Г у с е в. А чего купил-то?

С у с л о в *(достает из-за патронного ящика портрет человека в старинном костюме со шпагой)*. Вот — смотрите.

Г у с е в. Это кто же такой?

С у с л о в. Тот старичок, что мне продавал, так объяснил: портрет, говорит, этот старинный — вождя народного, только не нашего — английского. Там революция тоже в свое время была. Короля, что ли, своего они выгнали. Вот этот вел народ за собой! Карл Иванович их звать. Фамилию мне старичок не сказал.

Г у с е в *(трогает пальцем портрет)*. Маслом писанный. Хороша штучка, работа тонкая. Раньше очень этим занимались. Теперь, конечно, труднее, потому что художник, так он не кисточкой, а больше пулеметом по врагу рисует. *(Присматривается к портрету.)* Верующий был человек, твой Карл Иванович: вишь — крест какой на груди?

Пауза.

Читал я в свое время про их дела: была революция в Англии, факт. Кронвелем ихнего предводителя знаю. А этого — не знаю.

С у с л о в. Карл Иванович. Может, слыхали? Из мясников, наверно. Видите: баран у

него на цепочке висит? Не слышали: Карл Иваныч?

Г у с е в (*отрицательно качает головой*). Нет... Ну ладно, дежурь. И я на покой пойду. Комиссар не заходил?

С у с л о в. Минут двадцать, как ушел спать.

Гусев кряхтя встает, уходит в дверь направо. Суслов ждет, пока он уйдет, затем встает, оглядывается, смотрит на товарищей. Снова идет в свой угол. В это время раздается тяжелый вздох. В углу приподнимается Сико. Суслов хватая стоящую у патронного ящика балалайку и как ни в чем не бывало начинает наигрывать какую-то песенку. Мурлычет себе под нос слова. Сико не спит: его душит кашель, тяжелый чахоточный кашель. Он слушает игру Сулова. Суслов играет, как бы не замечая Сико.

С и к о. Красиво...

С у с л о в (*ухмыляется и отвечает значительно*). М-да! Интересная музыка. (*Продолжает перебирать струны.*)

С и к о. Ты хорошо играешь.

С у с л о в (*соглашается*). Очень! (*Смотрит на Сико.*) Спи, Сико. Тебе-то покой больше всего нужен.

Сико снова ложится и поворачивается лицом к стене. Суслов встает и, продолжая играть, подходит к углу. Не выпуская балалайки и не переставая играть, смотрит на портрет. Улыбается.

Вот житуха была небось у тебя, Карл Иванович? (*Кладет на место балалайку. Осматривается. Тишина. Тогда он снова лезет за патронный ящик и возится там.*) Еще разобьется...

Вдруг поезд тормозит. Предметы слегка закачались.

(Вскакивает, подбегает к амбразуре, смотрит в темноту.) Что такое?

Л е н к а (*выглядывая в окошко*). Подойди сюда!

Подходит будочница.

Ну, а теперь громче говори.

Б у д о ч н и ц а. Понимаешь, товарищ, это дело было ще, когда свит бул. Так я гусив гоняла на вирхний пруд, потому там вода чище...

Л е н к а. Длинный рассказ, гражданка!

Будочница хочет что-то сказать.

Подожди, я тебя все равно не пойму. Вот с тобой наш комиссар поговорит. Дневальный, зови комиссара.

С у с л о в (*отрывается от амбразуры*). Щас!

В дверях стоит комиссар бронепоезда Лосенко.

А я за вами, товарищ комиссар.

К о м и с с а р. Что такое?

С у с л о в. Поговорите с будочницей. Красный огонь дала: поезд остановили.

К о м и с с а р (*быстро подходит к амбразуре, высовывается и кричит*). В чем дело, мамаша?

Л е н к а. Иди, иди, вон комиссар наш.

Б у д о ч н и ц а. Здравия желаем. Так я уже сказала, що як я — тады еще свит бул — гусив гоняла на верхний пруд, потому там вода чище; вони, подлюги, люблять чистую воду...

К о м и с с а р (*с досадой*). Знаю я про гусей. Только не думаю, чтобы они поезда останавливали.

Б у д о ч н и ц а. Не, не то. Как влипла я на бугорок — а с его усе видать, с бугорка — бачу: в лощине конные едут, вроде ховаются, да к лесу, к лесу усе больше. Вот и думаю: чего б это хорошим людям от народу ховаться? И коляски у их були... с орудиями...

К о м и с с а р. А может, так надо. Ишь какая... какой стратег нашелся.

Во время беседы в вагон слева вошли командир и политрук.

Спасибо все-таки. Давай, Ленка, ходу.

Б у д о ч н и ц а. Счастливого пути!

К о м и с с а р. Благодарствую!

Поезд трогается. Комиссар оборачивается и видит вновь пришедших.

Слыхали? Что скажешь, Григорий Михайлович? Ведь ты у нас — голова.

К о м а н д и р. Нет абсолютно никаких данных, чтобы сделать какие-нибудь выводы. Вас, очевидно, интересует: чем можно объяснить присутствие в этом районе сводной кавалерийской части — ведь, кроме конного отряда, я слышал, были пулеметы и тачанки. Не думаю, чтобы это была артиллерия. Под колясками с орудиями будочница подразумевала, конечно, пулеметные тачанки. Трудно что-нибудь сказать. Скорее всего это наши новые формирования.

Пауза.

Но, с другой стороны, нам известно, что где-то на южном участке был прорван фронт. Прорыв, правда, быстро ликвидировали, однако крупное вражеское соединение, сплошь кавалерийское — это данные оперода армии, — пробилась в наш тыл. Им командует Мамонтов. Я помню его по боям под Харьковом.

Пауза.

Думаю все-таки, что это наши части, направляющиеся для уничтожения белого отряда в нашем тылу. Вот и все.

К о м и с с а р. Так-с. По-моему, тоже так.

Пауза.

Только все же напрасно я не дал распоряжения будочнице связаться по телефону с Узловой — все спокойнее было бы.

П о л и т р у к. У вас есть мысль, что это белые?

К о м и с с а р. Нет, у меня, Яша, никаких мыслей. Я сказал: «было бы спокойнее». Предосторожность — она никогда не вредит! (*Идет к дверям, политрук за ним.*) Скажи Ленке, чтоб больше десяти верст в час не делала, пока солнце не покажется.

П о л и т р у к. Слушаюсь!

Комиссар уходит направо, а политрук проходит на паровоз.

Пауза.

К о м а н д и р (*Суслову*). Дневалишь?

С у с л о в (*рапортуя*). Так точно, товарищ командир. За время моего дежурства...

К о м а н д и р (*перебивая его*). Ладно... Знаю — все в порядке. А все-таки, Степа, ленту в пулемет заправь. Черт его знает, может быть, банда какая-нибудь.

С у с л о в. Слушаюсь, товарищ командир. (*Идет к башенке и заправляет ленту.*)

Командир, осмотрев спящих, уходит вслед за комиссаром.

Пауза.

С и к о (*поднимаясь с пола*). Темное дело. Теперь вспомнил, еще вечер был — у меня глаза очень хорошие — видел, конный человек... Я видел, внимания не обращал. Мы проехали — а он в сторону поскакал.

С у с л о в (*отмахиваясь*). Будет тебе! Ну чего панику наводишь? У страха глаза велики.

С и к о (*встает, исподлобья смотрит на Сулова*). Кто сказал, что Сико — трус?

С у с л о в. Ну вот и полез в бутылку. Спи, тебе говорят. У меня глаз открытый — видишь? (*Лезет в башенку с пулеметом, смотрит в открытое оконце.*) Ночь-то какая! Как днем светло. Луна, звездочки. У тебя на родине есть такое небо?

С и к о. Небо — всюду одинаковое, люди разные: хорошие есть, плохие есть.

Поезд идет медленно, слегка притормаживая: близится спуск. Вдруг резко останавливается. Сулов спокойно всматривается, целится — и вмиг заработал его пулемет. Сико хватается винтовку и стреляет почти в упор в показавшегося в дверях белого фельдфебеля. Белый падает. Сико быстро захлопывает дверь. Все вскочили, схватились за оружие. Вбегает к о м и с с а р. Грудь голая — не успел надеть рубаху, в руках маузер. Пулемет Сулова снова работает. За комиссаром — к о м а н д и р и машинист Г у с е в. Машинист сразу же проходит в дверцу, соединяющую площадку с паровозом.

К о м и с с а р. Отбились?

С и к о. Сулов пулеметом прогнал.

Л е н к а (*вбегая*). Рельса разобрана.

К о м и с с а р. Полный ход назад!

Ленка убегает.

К о м а н д и р (*быстро, скороговоркой*). К бою готовсь! Закреть навесы, дать прожектор!

Вавилов дает свет в поле.

Поднять ленту во второй пулемет!

Сико кладет винтовку и занимает свое место у второго пулемета.

Приготовить орудие!

Федотов и Куликов переглядываются.

К о м и с с а р (*тихо*). Поезд шел в ремонт. Орудие без замка.

Командир с досадой хрустнул пальцами.

Пулеметные башни не вертятся. И с патронами аккуратно надо, ребята. Не густо у нас патронов-то.

К о м а н д и р. Заложить заднюю дверь!

Журба закрывает дверь.

(Вернувшемуся с паровоза политруку.) Почему так медленно идем назад?

П о л и т р у к. Если рельсы разобраны спереди, они могут быть разобраны и сзади.

К о м а н д и р. Правильно! Куликов, Федотов, на правую сторону! Сико, ты готов?

С и к о. Готов, товарищ командир.

К о м а н д и р. Журба! Останешься, на левом краю. Вавилов, приготовь ручные гранаты!

Товарищ политрук, вы тоже останетесь здесь...

К о м и с с а р. Мне куда, Григорий Михайлович?

К о м а н д и р. Я — справа, вы — слева, товарищ комиссар. Готовы, товарищи?

Спокойно.

Тишина. Вдруг заднюю дверь пытаются открыть. Командир выхватывает наган и, подняв левую руку, тихо идет к двери. Прислушивается.

Кто там?

Все насторожились. Голос Марии Павловны: «Гриша! Это я!»

К о м а н д и р. Маша! (*Быстро открывает дверь и впускает жену. Захлопывает броневую плиту и закладывает засов.*)

М а р и я П а в л о в н а (*смотрит с удивлением*). Чуть жену не забыл.

Комиссар смущенно качает головой.

Все живы?

К о м а н д и р. Спасибо, Машенька.

К о м и с с а р. Иди сюда, Мария Павловна. *(Устраивает ее у башенки, у ног Сулова.)*

Значит, не наши были эти самые конные, Григорий Михайлович?

К о м а н д и р. Ненужный вопрос, товарищ комиссар.

Поезд резко останавливается. Слышен треск. Ломается задний товарный вагон: налетел на что-то. Паровоз делает рывок вперед. Один, другой... Вбегает Гусев.

Г у с е в. Сзади тоже разобрали путь, Григорий Михайлович. Мы в ловушке, податься некуда.

К о м а н д и р. Понимаю!

Пауза.

Положение серьезное.

Все прислушиваются к словам командира; стоят настороженно, не спуская глаз с еще не видимого противника.

Стоящий бронепоезд — прекрасная мишень для обстрела. Хотя, если бы мы двигались на таком маленьком участке, тоже была бы не бог весть какая радость. *(Думает.)* Я не представляю себе, чтобы кто-нибудь в тылу решил произвести нападение на бронепоезд. Да в этом районе всегда было тихо. Значит, это — Мамонтов.

К о м и с с а р. Позволь мне, командир.

Командир кивает головой.

Тут дело ясное, товарищи. Мне начальник дивизии говорил, когда мы еще отъезжали, что потеряли они врага. А мы его нашли. Жалко, что я не предупредил с последней будки. На Узловую надо сообщить, потому ускользнет он снова. *(Смотрит на командира.)* Врага надо задержать любой ценой. И мы должны это сделать!

К о м а н д и р. Совершенно с вами согласен.

Комиссар оглядывает команду. Спокойные, невозмутимые лица.

М а р и я П а в л о в н а *(трет глаза, трясет головой)*. Я очень крепко спала, никак не могу еще прийти в себя! И все-таки я не пойму: как это случилось? Ведь с Узловой мы поехали в московском направлении, а выходит, что приблизились к фронту.

Никто ей не отвечает, только комиссар повернул голову и Федотов прислушивается.

Кто же мог допустить такую ошибку? *(Обращаясь к мужу.)* Кто говорил с дежурным по станции, Гриша? Антон Петрович или... Лена?

К о м а н д и р. С дежурным по станции... говорил я!

М а р и я П а в л о в н а *(немного смущена неожиданным ответом)*. Ну тогда другое дело...

Ф е д о т о в (*тихо, Куликову*). Слыхал, Семен? Это командир взял направление на станции.

К у л и к о в. Ты что же, думаешь...

Ф е д о т о в. Все возможно, почему мы знаем! У него с нами, серыми, не может быть дороги.

К о м и с с а р. Ты точно, Григорий Михайлович, договорился с дежурным? Не могло путаницы выйти?

К о м а н д и р. Я лично дал дежурному направление в письменной форме, и он сам отправил поезд.

М а р и я П а в л о в н а (*стараясь быть спокойной, подходит к Сико*). Как вы себя чувствуете, Сико?

С и к о. Ничего, спасибо. За все тебе спасибо. (*Всматривается в темноту ночи.*) Сейчас время горячее, голова круги делает, потому думать надо. Как мы сюда попали? Чей вина?

Командир вздрогнул, он смотрит на жену.

Спасибо, у меня легкие не болят.

В а в и л о в. Окружение есть — шагах в двухстах залегли по обе стороны.

К о м а н д и р (*как бы оправдываясь*). Никто не мог предполагать, что белым удастся так глубоко прорваться в наш тыл. Это, конечно, в том случае, если считать, что мы идем верным путем, то есть приближаясь к Москве, а не удаляемся от нее. Должен заметить, что военная история знает несколько случаев глубоких кавалерийских прорывов. Можно привести, скажем, Мюрата, Гнейзенау, рейд прусской конницы в семьдесят первом году. Недавно в Галиции, наконец, казачий рейд в тыл австрийской армии, чрезвычайно удачно закончившийся. Если же дежурный по станции — преступник и мы идем к фронту, тогда в этом нет ничего удивительного: эти двадцать — тридцать километров могут сыграть решающую роль.

В дверях появился Гусев. Он слушал, качал головой и, не выдержав, перебил командира.

Г у с е в. В чем дело? Я, кажется, машинист, старший машинист бронепоезда. Я и отвечаю за путь. Едем правильно. Ехали, вернее сказать. И дежурный правильное направление дал. К Москве шли. Уж я-то не ошибусь — эту дорогу знаю, как свой карман, слава богу.

К о м и с с а р. Тщательная проверка — основа всего. Надо всегда быть начеку.

Г у с е в. Правильно. Так вот я тебе скажу: находимся мы на расстоянии от Москвы двести восемьдесят одна верста без малого. Если хочешь, могу сказать, от Козлова сколько. Да, если хочешь, и до Иркутска сосчитаю.

С у с л о в (*с башенки*). Туча здоровая идет... быстро идет. Плохо видно совсем. Наведика сюда точку, Федор Матвеевич.

Вавилов наводит свет.

Закопошились чего-то.

Командир идет влево, комиссар — вправо.

К о м и с с а р (*вынимает маузер*). Ложись, Мария Павловна.

Мария Павловна быстро ложится.

С у с л о в. Нет, опять спокойно все. Совсем звезды ушли, темнота одна.

К о м а н д и р. Готовятся к развитию операции. Удивительно, что так долго.

К о м и с с а р. Не стреляют, сволочи. Может, думают голыми руками взять?

Поднимается ветерок. На прошедшего к середине комиссара неожиданно обрушиваются потоки набежавшего ливня: ведь крыша пробита. Комиссар вскакивает на стол и затыкает брезентовым навесом отверстие, затем отряхивается и, схватив чье-то полотенце, висящее на орудии, вытирается.

В а в и л о в (*качая головой*). Большой ремонт бронепоезду требуется: крыша совсем не годится.

К о м и с с а р. Довести бы до места, а там уж все сделаем, будь спокоен.

С и к о. Дождь большой будет. Темно долго будет. В горах лучшее время. Партизаны всегда темной ночью работают.

К о м и с с а р (*оживившись*). Подожди. (*Вдруг сразу.*) Кто пойдет, товарищи?

К о м а н д и р. Куда пойдет? Не понимаю.

К о м и с с а р. Сложное дело. Но, раз ночь и дождь, может, удастся что-нибудь. Задание в общем простое: до Узловой дойти. Там штаб! (*Посмотрев на всех.*) Ну?

В а в и л о в. Давайте пойду.

С у с л о в. Я помоложе.

П о л и т р у к. А я ростом меньше, незаметней... Змейкой, змейкой, за камешек, под насыпь...

Ф е д о т о в. Может, Ленке... или мне...

К о м и с с а р. Здоров больно — тебя сразу видно.

Г у с е в. Чего там спрашивать: каждый пойдет. Либо назначайте, либо давайте жребий тянуть.

М а р и я П а в л о в н а (*спокойно*). Женщину не тронут! Не надо жребия, пойду я.

Командир смотрит на жену с некоторым беспокойством.

К о м и с с а р. Не женское это дело, Мария Павловна.

М а р и я П а в л о в н а (*резко*). А разве я не живу мужской жизнью, товарищ комиссар? Чем я хуже других?

К о м и с с а р. По этому поводу ничего не говорю... Только, знаешь: не надо тебе идти. Без тебя народу хватит.

Г у с е в. Ну это как сказать: «хватит»! У белых — тысяч пять, может, а нас — двенадцать человек. (*Подумав.*) Всё по четыреста шестнадцать с хвостиком на одного приходится, если Марию Павловну и Ленку за людей считать.

С и к о. Разрешите! Темно бывает недолго, а потом свет идет. Дождя льет немного, а потом хорошая погода идет. Я пойду, потому мне жить мало — у меня легкие больные!

Какой я боец! Так, шутка какой-то. Но у меня глаз кавказский, кошкин глаз: я ночью лучше вижу. Иди кто-нибудь мне на смену.

К о м а н д и р. Туберкулез, по последним данным, излечивается, товарищ Калантадзе.

С у с л о в. Э, брат, еще проживем!

Г у с е в. На курорт отправим.

В а в и л о в (*Суслову*). И ты не забудь, Степа, когда в Кремле будешь, скажи товарищу Ленину, что есть у нас боец больной. Может, поедет Владимир Ильич отдохнуть или лечиться куда — пушай с собой Сико захватит.

С у с л о в. Обязательно скажу.

С и к о. Давай, комиссар, смену — я пойду. Давай.

К о м и с с а р. Ну иди, товарищ. Подожди. Кто у нас пулеметчик? (*Осматривается.*) Ты, Яша, кажись?

Политрук встает и утвердительно кивает головой.

Только близорук ты больно.

П о л и т р у к. Не очень, положим! Три диоптрии. Но у меня есть очки. Это телескопы, а не очки! Замечательные очки! (*Надевает очки и сменяет Сико.*)

К о м и с с а р (*берет Сико за руку*). Добрый путь, товарищ. Помни: Узловая, штаб кавалерийской дивизии. За три часа, если все сложится удачно, доберешься!

М а р и я П а в л о в н а (*подходит к Сико и укутывает ему шею своим теплым платком, аккуратно закрывая грудь. Сико пытается сопротивляться, но Мария Павловна протестует*). Теперь самая опасная погода для легочного больного. Надо беречь себя.

С и к о. Спасибо. Много счастья тебе желаю. (*Обращаясь к комиссару, вынимает документы и бумажник.*) Когда будешь около наша родина, скажи про меня ласковое слово.

К о м и с с а р. Брось ты, Сико, увидимся еще, чудак ты этакий!

С и к о (*мудро*). Все, конечно, может быть... (*Надевая шинель, перекидывает маузер через плечо.*) Готов, товарищ комиссар. До свидания, Мария Павловна. Спасибо тебе. До свидания, товарищи!

Все молча кланяются.

(*Сико подходит к командиру, кашляет и, поднеся руку к козырьку, рапортует.*)
Разрешите доложить: отбываю в командировку на станцию Узловая. Срок три часа.

Командир жмет ему руку.

К о м и с с а р. Тушить свет! (*Подходит к нижнему люку и берется за кольцо.*) Давай!

Свет гаснет. В темноте слышен голос Сико: «Спокойной ночи, товарищи!» Свет вспыхивает через несколько секунд — Сико уже нет. Пауза.

Так-с. Дойдет?.. Как думаешь, Григорий Михайлович? Дождь перестал, как бы луна не вышла.

К о м а н д и р. Шансов мало, но парень — ловкий. Ничего не могу сказать определенного.

Пауза.

Не понимаю только, почему они не стреляют? (*Заметив портрет в углу.*) Это что за чучело?

С у с л о в (обиженно). Это не чучело, товарищ командир! Это ихний вождь.

Командир подходит ближе. Суслов, взглядываясь в ночь, прислушивается.

Английский вождь.

К о м а н д и р. Да что ты, Степа. Это портрет английского короля — Карла Первого.

С у с л о в (*недоверчиво*). Нет, товарищ командир, это Карл Иванович. Мне так старик сказал.

К о м а н д и р (*улыбаясь*). Хорош вождь! Ты посмотри, у него ордена на груди самые высокие: «Золотое руно». Видишь, цепь с барашком?

Г у с е в. А ты думал, мясник он, Степа?..

С у с л о в. Ну и черт с ним! Невидаль какая! Скину его на первой остановке.

К о м а н д и р. Зачем же скидывать? Лучше в музей отдать.

П о л и т р у к. Вы так говорите, как будто мы уже в Москве. Еще не совсем доехали, товарищи.

Раздается далекий крик. Все вздрагивают. Слышны выстрелы.

К о м и с с а р. Это маузер. Сико отбивается.

Крики: «Держи! Лови!»

Факт — Сико.

Прислушиваются. Федотов срывается с места к люку.

Ты куда?

Ф е д о т о в. Товарищу помочь.

К о м и с с а р (*сурово*). Там, где одному умирать, нечего двум соваться. Иди на место!

Пауза. Снова выстрел и чей-то голос: «Спите, сволочи!» Комиссар смотрит на командира.

Прорвался? Как скажешь?

К о м а н д и р (*не отвечает, думает*). Почему они не стреляют?

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина вторая

„Почему они не стреляют?“

Поле. Палатка. Ночь. Полог палатки чуть приподнят, и оттуда пробивается свет. У палатки стол. За ним в складном кресле сидит сидящий полковник с аксельбантами — Л у ч и н. Он читает книгу. На столе разбросаны бумаги, горят две свечи в стеклянных колпаках. Появляется а д ъ ю т а н т — молоденький подпоручик. Полковник отрывается от книги: адъютант кашлянул.

П о л к о в н и к (с книгой в руках, вслух читает). «Il y a bien peu de souverains, dont on dût écrire une histoire particulière. En vain la malignité ou la flatterie s'est exercée sur presque tous les princes — il n'y en a qu'un très petit nombre dont la mémoire se conserve. Et ce nombre serait encore plus petit, si l'on se souvenait que de ceux, qui ont été justes»^[1]. (Закрывает книгу.) Замечательно писал мсье Вольтер, господин подпоручик! (Адъютант хочет заговорить, но полковник его перебивает.) Вернулась карательная экспедиция?

А д ъ ю т а н т. Так точно, господин полковник.

П о л к о в н и к. Комбедчики?

А д ъ ю т а н т. Взяли пять человек. Сюда доставили. Но где...

П о л к о в н и к (снова перебивая его). Надеюсь... (делает в воздухе знак креста) все в порядке?

А д ъ ю т а н т. Сам лично полчаса тому назад, господин полковник.

В палатке кто-то сморкается.

Позвольте доложить, господин полковник, «Князь Мстислав Удалой»...

П о л к о в н и к. Знаю, знаю, милый!

Из палатки выходит г е н е р а л М а м о н т о в. Адъютант вытягивается в струнку.

Ну что, Степан Антонович? Как чувствуете себя? Сегодня прекрасная ночь. Дождь быстро прошел. Такое лето хорошо в Кисловодске провести... Замок Коварства, нарзанчик...

Г е н е р а л. В Кисловодске сейчас, господин полковник, одна шваль находится. Например — Шкуро! Устал он от трудов праведных: больше погромы, вот и отдыхает. А я — солдат, господин полковник, я в могиле отдохну.

Пауза.

Чего это вы тут шумите?

П о л к о в н и к. Вольтера молодому офицеру читал. (Начинает читать.) «Lorsque Pierre le Grand s'approcha...»^[2]

Г е н е р а л (останавливая полковника). А мне это все равно: я ведь не понимаю по-

немецки.

П о л к о в н и к. Вольтер был французом и писал по-французски, ваше превосходительство. Удивляюсь, как вы не изучили этот замечательный язык?

Г е н е р а л. Учили когда-то, забыл. Наше дело — военное, а по-французски только на балах да приемах болтать. Кое-что знаю, однако: парлэ ву франсэ?

П о л к о в н и к. Зря все же, ваше превосходительство. Мы вообще не пользовались теми благами, кои были предоставлены дворянству Российской державой.

Г е н е р а л. Проще сказать: царем нашим.

П о л к о в н и к (*наклоняя голову в знак согласия*). Именно. Ведь если им дать наши возможности, они бы свет перевернули.

Г е н е р а л (*с усмешкой*). Пытаются. Крупную игру ведем, господин полковник.

П о л к о в н и к. Во всякой игре, есть проигравший, равно как есть и выигравший, ваше превосходительство. Пока военное счастье на нашей стороне.

Г е н е р а л. Военное счастье, господин полковник... в него верят только дураки. Я на него не надеюсь. Не надо мне военного счастья. Снаряды чтоб подходили к орудиям — вот что надо. А дорогие союзнички нам одно дерьмо шлют! (*Смотрит на адъютанта.*) Что нового?

Адъютант пытается что-то сказать, но полковник перебивает его.

П о л к о в н и к. Честь имею сообщить вашему превосходительству, что «Князь Мстислав Удалой» — прямой потомок Рюриковичей — вернулся из большевистского плена и вновь занял свое место в нашей доблестной армии.

Г е н е р а л (*довольно улыбаясь*). Приятно, приятно. Поздравьте «Князя Мстислава» с возвращением. Кто командовал взятием бронепоезда?

Адъютант делает безнадежное нетерпеливое движение.

П о л к о в н и к. Штаб-ротмистр князь Туганов. Разведка донесла о немногочисленности команды, и Туганов со взводом произвел нападение.

Г е н е р а л. Рискованно. Можно было лучше организовать. Однако победителей как будто не судят.

П о л к о в н и к. Я дал разрешение князю Туганову.

Г е н е р а л. Ну, тогда дело другое. Что взяли?

П о л к о в н и к. Доложите, подпоручик.

А д ъ ю т а н т (*побледнев*). Ваше превосходительство. Господин полковник... Я уже давно хочу сказать.

Генерал и полковник с напряжением смотрят на него.

Разрешите доложить, ваше превосходительство... (*Собравшись с силами, выпаливает сразу.*) Попытка князя Туганова взять бронепоезд окончилась неудачей: князь убит, равно как и восемь человек солдат... один фельдфебель...

П о л к о в н и к. Что вы рассказываете?

А д ъ ю т а н т. Бронепоезд попытался было уйти, но наши саперы разобрали сзади рельсы. Больше доложить ничего не могу. (*Стоит навтытяжку, ждет приказаний.*)

Г е н е р а л (*вне себя*). Герой! Керосинщик! Ему бы только в карты играть... С взводом, проститутка, на железо полез!.. Все дело, сучий рот, мне испортил! (*Чеканя слова.*) Я больше ничего не хочу слышать по этому поводу, полковник. Вы забываете, что это война, а не увеселительная прогулка в шантан. Там мы все — молодцы.

Полковник делает протестующий жест.

Молчать! Нолькена сюда!

Адъютант делает полуоборот налево и исчезает в ночи. Генерал ходит перед палаткой.

П о л к о в н и к (*смущенно*). Я не думал, Степан Антонович...

Г е н е р а л (*в бешенстве*). Какой я вам... в задницу, «Степан Антонович»? Потрудитесь обращаться как полагается, господин... Вольтер!

Появляются адъютант с офицером. Это подполковник Нолькен, начальник контрразведки.

Вот что, батенька, надеюсь, вы-то это дело не просвистите. Сейчас же предложите бронепоезду обычные условия сдачи. Теперь (*смотрит на часы*) двадцать минут первого. Через час чтобы все было кончено! На вашу личную ответственность. И чтобы без стрельбы, черт вас подери. Вы забыли, где мы находимся, что ли? Стрелять батареям в самом крайнем случае и то перед тем, как будем сниматься! Я не хочу, чтобы нас обнаружили. Поняли? Марш!

Нолькен двинулся.

Стой!.. Если сдадутся сразу, — каждому по двести шомполов. Коммунистов — налево. Если будут артачиться — всех.

Н о л ь к е н. Разрешите доложить, ваше превосходительство, в нашем арьергарде нет артиллерии. Она ушла вперед...

Г е н е р а л. Вернуть одну батарею — хватит.

Нолькен кланяется и уходит. Адъютант — за ним. Пауза.

П о л к о в н и к (*тихо*). Я не знал, ваше превосходительство, что дело так кончится. Больше того: я не знал, что оно так окончилось! Об этом печальном факте услышал одновременно с вами. Верьте мне, я принял бы меры!

Г е н е р а л. Не знали... А я думал, что в вашей книжке Вольтер про все написал. Плохой он писатель, ежели ничему вас, полковник, хорошему не научил. Может, в конце книги написано, посмотрите все же: нет ли там чего такого полезного. Ушами хлопаете, ваше высокоблагородие, аксельбантики носите, книжечки читаете, а именица да дома ваши — вам подай! Вы посмотрите на себя. Пенсне у вас на носу, обруч золотой, чемоданов сто штук, несессерчики. Вот про что подумайте да про это книжечки читайте. Тогда поймете то, о чем нигде еще не сказано! (*Идет в палатку.*) В суровое время живем, ваше

высокородие. Вот поймают вас красные, и скажет ихний комиссар: «А ну-ка, поднимите-ка мне этого полковника повыше». Вздернут вас на березке на собственном вашем аксельбантике, и прочитает вам большевик перед смертью по-французски из вашей же книжки последнюю главу. (*Уходит в палатку.*) Может, несвязно сказал, так я не оратор. А если обидел, извините, господин полковник, je ne parle pas français!^[3]

Картина третья

Партбилет № 1279

Та же декорация, что и в первой картине, — ничто на броневой площадке не изменилось: все на своих местах. Только ходики подвинулись на сорок минут вперед. Мария Павловна сидит у башенки около Сулова — на авансцене. Томительное ожидание.

К о м и с с а р. Действительно: почему они не стреляют?

Ему никто не отвечает. Он неожиданно тихо улыбается. Командир вопросительно смотрит на комиссара.

Дурацкая мысль, понимаешь, пришла: так, ерунда. Может, у них тоже нет снарядов? Как думаешь, Григорий Михайлович?

К о м а н д и р (*смеется*). Действительно, вы фантазер, товарищ комиссар. (*Он подходит к башенке политрука.*) А как с вашей стороны?

П о л и т р у к (*он о чем-то перешептывался с Ленкой*). Прекрасно. Я даже удивляюсь им: никакого движения. Однако замечаю — окружение самое плотное. Но я еще учил в школе — в детстве, конечно — известно, что нет неразрывного круга.

К о м а н д и р (*усмехнувшись*). Скажите, какой оптимист!

П о л и т р у к. А зачем хуже думать, чем надо думать?

К о м а н д и р. Вы говорите со мной, товарищ политрук, как с человеком, который потерял всякую надежду. Это, конечно, не так. Я знаю, что нет такой ситуации, из которой не было бы выхода, — воюю ведь шестой год. Но наше положение нельзя не признать очень серьезным. Что это я хотел сказать? (*Морщится, вспоминая.*)

С у с л о в (*на миг отрывая взгляд от поля, смотрит влюбленными глазами на Марию Павловну, тихо*). Горюю, ох, горюю, Мария Павловна, что попала ты в такую заваруху. Мог бы — вмиг бы тебя отсюда умчал.

Мария Павловна удивленно смотрит на него.

Да, да, правду говорю. Эх, если б не товарищ командир...

М а р и я П а в л о в н а. Перестаньте, Степа.

К о м а н д и р (*политруку*). Вспомнил! Нас окружили в Галиции года четыре назад. Я командовал тогда пулеметным взводом. Австрийцы — гонведы. Это, собственно говоря, венгерские части. Ну, деваться прямо-таки было некуда. И представьте себе, товарищ

политрук, — вывел пулеметы... Один потеряли все же.

П о л и т р у к (*довольно*). А я что говорю?

Г у с е в. Всяко бывает. Уж куда хуже было в девятьсот пятом: четырнадцать лет назад, не четыре года. На Пресне совсем капут был, — ушли же от семеновцев. Я сам налицо — фактический свидетель.

К о м а н д и р. Совершенно с вами согласен, Антон Петрович, можно набрать еще много подобных примеров. Но мне кажется, что людей в нашем положении не может интересовать прошлое. Мне думается, что Суслова интересуется хотя бы следующий факт: будет или не будет висеть Карл Иванович в его родной избе? Правда ведь, Степа?

С у с л о в. Оно конечно: дом ведь, родные...

К о м а н д и р. Вот видите. Прошлое не интересуется никого. Единственный вопрос — будущее.

К о м и с с а р. Прошлого нам никогда не забыть, Григорий Михайлович. Четырнадцать лет назад лилась наша кровь, мы этого забыть не можем.

К о м а н д и р (*морицится*). Пахнет митингом... А потом, кстати, кровь льется и сейчас. Весьма возможно, что через четырнадцать лет она тоже будет литься, — страна выдержит.

Г у с е в. Все может быть, если нас не оставят в покое. А потом — четырнадцать лет срок большой, Григорий Михайлович. Тогда были такие, что за Гапоном ходили, а теперь... сами соображаем.

К о м а н д и р. Откровенно вам скажу: я не представляю себе такого срока. Это очень много — четырнадцать лет. Вы, наверно, почти уверены, что тогда будет социализм?!

Г у с е в. А это как пройдем первые версты — какая скорость.

Пауза.

Чего будет, говоришь? А очень даже хорошо все будет. Сначала в Москву приедем — отсюда вырвемся: Сико подмогу приведет...

Задумался.

Да, Сико подмогу приведет... В Москве, значит, отремонтируемся, и пойдет наша старушка по всем фронтам врагам нашим хвост крутить. Всегда вперед, и только вперед, к победе! Потом загоним белых в разные моря... Англичан — прочь из Архангельска, японцев, американцев — с Дальнего Востока...

К о м а н д и р. Всего четырнадцать держав! На юге — французы и греки!

Г у с е в. И тех — вон! Вон навсегда! А войну кончим — собою займемся. Хорошо заживем.

Ф е д о т о в. Если бы так.

Г у с е в (*как бы не услышав, бодро продолжает*). На дороге спокойствие наступит. Новых линий понастроим, старые починим, а то смотрите: на таком участке, а в двух местах прорехи. И паровоз — никуда...

Л е н к а. Вот я давно хотела сказать насчет паровоза, Антон Петрович. Слабый нынче паровоз. Часто думаю: «Хорошо бы тебе, Ленка, этим делом заняться». Я бы тогда, Антон Петрович, паровоз построила такой: в три раза нашего больше. Чесс-слово, построила бы!

Г у с е в. Ну и дурочка! Ведь такая махина всю линию разворотила бы сразу! Рельса,

девушка, она — вещь деликатная. Тут все рассчитано, сколько чего полагается. Много надо учиться, дочка, чтоб все это понять.

К о м и с с а р. А мы Ленку учиться отправим. Обязательно отправим. Выпишем ей направление: мол, такая-то, значит, командирится, как участник гражданской войны, боевой помощник машиниста! И чтоб выучили ее — как товарища командира — инженером!.. Чего ты хочешь, Ленка?

Л е н к а. Паровозы строить охота, товарищ комиссар.

К о м и с с а р. Ну вот: чтобы ее выучили паровозы строить. Заслужила она это.

М а р и я П а в л о в н а. Я с удовольствием помогу тебе, Леночка! В объеме пяти классов гимназии.

Л е н к а. Спасибо, Мария Павловна! Век вам буду благодарна... Тогда я форму себе сошью... Заплету в косы красивые ленточки...

В а в и л о в. И ранец мы тебе справим... Пенал, ручки... Книги, тетрадки купим.

М а р и я П а в л о в н а. А по математике — Григорий Михайлович.

К о м а н д и р. Буду рад! Но... если каждый, кто захочет учиться, начнет этого требовать, учебных заведений может не хватить...

К о м и с с а р. Ленка — девица толковая. Должны ее принять, как думаешь, Григорий Михайлович?

К о м а н д и р. Я не хиромант. Ничего не могу сказать.

К у л и к о в *(он лежит около Марии Павловны)*. А вот я давно хотел тебе сказать, Мария Павловна...

М а р и я П а в л о в н а *(сердито смотрит на него)*. И вы тоже...

К у л и к о в *(удивленно)*. Я про рубаху... Зашей, пожалуйста, рубаху: на спине треснула. Тебе сейчас мало дела.

Мария Павловна улыбается и, достав из кармана мешочек, достает оттуда иголку с ниткой.

Наклонившись к Куликову, зашивает на нем рубаху. Командир вынимает папиросу. Вавилов чиркает зажигалкой. Командир прикуривает.

В а в и л о в. Вот она, наша продукция, матери ее черт! У нас теперь на Люберецком — это двадцать верст от Москвы — зажигалки делают. Стыдно! Думаю, что скоро наладим плуги! Завод, правда, старинный, но для плугов, я скажу, совсем подходящий! Люберецкий завод!

Ф е д о т о в. Плуг — вещь полезная. Раньше он дорогой был. Наши подешевле быть должны!

В а в и л о в. Ясно. И опять же — свои. Ведь это тоже приятно.

Ф е д о т о в. Тогда хорошо в деревне будет. Выеду я на своей паре — у нас кони орлы — вашими плугами землю пахать.

К у л и к о в *(приподнимаясь слегка)*. Думаю, что и нам плуги попадутся... что и бедняков не забудут.

К о м и с с а р. На них опираться будем, на пролетариев земли.

К у л и к о в. Я тоже так соображаю: не всегда коту масленица. *(Смотрит вызывающе на Федотова.)*

Ф е д о т о в *(почувствовав смысл слов Куликова)*. Ага! Значит, отдай свое —

получается?

Комиссар повернул голову, хотел было что-то сказать, его перебила Мария Павловна.

М а р и я П а в л о в н а. Вы, товарищи, сначала медведя убейте, а потом уже шкуру делите.

К о м а н д и р. Правильно, Маша.

К о м и с с а р. Неправильно, Мария Павловна. Не во всем слушай мужа: он — старый душой человек. Не понимает многого. Медведя, милая, убить недолго, а вот что со шкурой делать — подумать и раньше не мешает.

Пауза.

Ж у р б а (*неожиданно, неуверенно*). Дети у меня хорошие. Гулять любят, чертята. И порешили мы, еще перед тем как на фронт ехать, — я на пригородных поездах кочегарил, — так порешили мы за Тверской заставой с правой стороны на пустыре садик разбить. Думаю, разобьем, пушай ребята бегают. Около Тверской заставы, сразу направо, как от завода идти. Хотя мои тогда уже большими будут, ну, другим радость. Например, Ленкиным. У тебя много будет детей, Леночка?

Л е н к а. Да что вы, дядя Зиновий...

Г у с е в. Чего спрашиваешь? Она сама еще дите.

Ж у р б а. Ленка замуж пойдет, товарищ политрук, тоже себе чего-нибудь подходящее заведет — и будут ихние дети зеленью пользоваться.

П о л и т р у к (*бросив робкий взгляд на Ленку*). Я так скоро жениться не собираюсь.

Ж у р б а. А на это времени не требуется. Раз — и в дамки. Баба, знаете, она не любит, чтоб тянули.

Командир кашлянул и показал на Ленку и Марию Павловну. Журба смутился.

Не всякая, конечно.

К о м и с с а р. О чем думаете? Ничего не говорю — важно и это. А вот, что с нас другие пример возьмут, — думаете?

Ж у р б а. Конечно! Ведь границ не будет, едрена мать...

К о м а н д и р (*с укориной*). Женщины!

Ж у р б а. Ну и что? Пусть, товарищ командир, и женщины знают, что границ не будет и паспорт для всего мира будет одинаковый, всюду годный. Вот что будет.

В а в и л о в. Красиво сказал, Зиновий!

С у с л о в. А у нас ничего не будет. Нет такой силы, чтобы наши места изменить. Страшен наш край. Звериная местность. Второй такой не видел. Под самой горой живем. Оттуда бежать надо. Ничего там не будет. Потому идет человек, скажем, сто верст и никого не встретит на горе той Магнитной, кроме медведя или другого друга какого. Долго идет человек... (*Вглядывается в ночную тьму.*) Идет человек, а за ним другой — с палкой, а на палке — белый платок.

К о м и с с а р. Не понимаю я тебя, Степа.

С у с л о в (*прицелившись*). Идет, говорю, человек, а за ним другой с белым платком на палке.

Комиссар и командир подбегают к Сулову. Действительно, по центральному проходу зрительного зала идет офицер — это полковник Нолькен, за ним адъютант генерала с белым флагом — парламентары.

Снять их обоих с учета?

Командир. Вы с ума сошли? Ведь у них белый флаг! *(Кричит.)* Стой! Кто идет?

Нолькен. По поручению его превосходительства генерала Мамонтова я направлен для ведения переговоров! Могу ли встретиться с вашим командиром?

Командир сделал было шаг вперед, но задержался. Посмотрел на комиссара. Они смотрят друг на друга. Все ждут. Пауза.

Комиссар. Иди, Григорий Михайлович!

Командир слегка покачал головой и вышел на авансцену через маленькую дверцу — бронированную дверь левой, невидимой, стенки вагона. Комиссар подошел поближе. Особенно внимательно прислушивается Мария Павловна.

Командир *(в зрительный зал)*. Подойдите ближе.

Нолькен и адъютант с флагом подходят к рампе.

Я — командир. В чем дело?

Нолькен. Его превосходительство генерал Мамонтов поручил мне договориться с вами об условиях сдачи бронепоезда «Князь Мстислав Удалой».

Командир. О чем?

Нолькен. О сдаче бронепоезда «Князь Мстислав Удалой».

Командир. Почему же о сдаче? Не понимаю.

Нолькен. Потому что ничего другого не могу вам предложить. Не имею иных полномочий. Положение вашей боевой единицы трудно назвать выгодным. Бронепоезд находится в центре нашего экспедиционного корпуса. Ни вперед, ни назад он двигаться не может. Однако, не желая проливать лишней русской крови, его превосходительство предлагает вам сдаться без боя.

Командир. Мне очень досадно, но тут происходит явное недоразумение. Вас, очевидно, ввели в заблуждение. Во-первых, это не «Князь Мстислав Удалой». Бронепоезд называется «Смерть паразитам» и является воинской частью бронетанкового управления Красной Армии. Это раз. Во-вторых, у меня совершенно другие директивы: я веду состав в Москву. Это два. И в-третьих: не вижу никаких причин для сдачи. Посудите сами: площадки — последней конструкции, орудия и пулеметы — снабжены достаточным запасом снарядов и патронов. В чем же дело, не понимаю?

Нолькен. Значит, вы отказываетесь? Предупреждаю вас: наша артиллерия расстреляет в упор ваш состав. Оставшиеся в живых понесут суровую кару и ответят за слова своего командира.

Командир. Каждый красноармеец отвечает в бою за действия своего командира, равно как и всякий командир отвечает за своих бойцов.

Н о л ь к е н. Значит, насколько я вас понял, бой неизбежен?

К о м а н д и р (*с сожалением разводя руками*). Выходит, так. Хотя подождите, есть предложение...

Комиссар, услышав эти слова, подходит еще на шаг.

Я прошу вас передать генералу Мамонтову следующее: ваши саперы исправляют путь, и мы проходим в московском направлении. Обещаю вам, что ни один выстрел не будет произведен с нашей стороны, хотя мне трудно будет удержать бойцов при виде врага.

Комиссар улыбнулся.

Н о л ь к е н (*сжав кулаки*). Я здесь не для того, чтобы выслушивать дерзости.

К о м а н д и р. Простите, так уж нас воспитывали.

Н о л ь к е н (*неожиданно*). Ваше имя?

К о м а н д и р. А разве это так важно?

Н о л ь к е н. Да нет, черт возьми... Но голос... Скажите, прошу вас.

К о м а н д и р. Державин Григорий Михайлович.

Н о л ь к е н. Воспитанник Санкт-петербургского кадетского корпуса?

К о м а н д и р. Да, я учился там.

Н о л ь к е н. Гриша!

К о м а н д и р. Кто говорит со мной?

Н о л ь к е н. Нолькен. Гриша! Это я, Нолькен.

К о м а н д и р (*после паузы*). Здравствуй, Костя!

Н о л ь к е н. Гриша! Как это случилось? Почему мы не вместе?

К о м а н д и р. Не знаю. В Красной Армии много бывших офицеров.

Н о л ь к е н. Гриша, это ошибка! Неужели ты не видишь, что ошибаешься? Ты же культурный человек! Как же ты не понимаешь? Все твои товарищи по школе, по фронту — с нами. Я, наконец. Ты помнишь Белозерского? Он адъютант генерала.

К о м а н д и р. Помню. Мы его Глистой звали. Вместе под строгим арестом сидели: Ивана Антоновича — химика — я с Белозерским чернилами облил. Ох, и плакал Глиста в карцере. (*Смеется.*) Хорошее тогда время было, молодое.

Н о л ь к е н. А помнишь, как я — это уже в школе, когда сдавал топографию, — в чистом поле горы вывел? Скандал ведь какой получился!

К о м а н д и р. Я все помню.

Пауза.

А где Крокодил?

Н о л ь к е н. Фон Крок у Колчака... Правильно — фон Крока звали Крокодилом. Он теперь полковник — хитрый немец.

К о м а н д и р. Где Вольский?

Н о л ь к е н (*вздыхнув*). Застрелился. Его кексгольмцы-солдаты кашеваром выбрали.

Пауза.

Ну, так как же будет, Гриша?

К о м а н д и р (*после долгой паузы, тихо*). Какие условия сдачи?

Комиссар положил руку на маузер и подошел вплотную к двери. Мария Павловна рванулась вперед.

Н о л ь к е н (*оживляясь*). Прекрасные условия: вся команда переходит на службу в нашу армию. Ты получаешь прежний чин. Может даже идти речь о повышении.

Пауза.

С коммунистами и комсомольцами я поговорю сам. Им никаких льгот предоставлено не будет.

К о м а н д и р. Хорошие условия.

Пауза.

Но они, подполковник, ни меня, ни моих солдат — не устраивают... А коммунистов и комсомольцев — тоже!

Н о л ь к е н (*от неожиданности заикнувшись*). Ах, так? Тридцать минут на размышление. Если через полчаса не будет ответа, мы открываем огонь, господин товарищ.

Командир ничего не ответил и вошел в вагон. Нолькен круто повернулся и пошел обратно по проходу. Финал этой сцены настолько неожидан, что комиссар не успел отойти. Он протянул руку командиру.

К о м и с с а р. Спасибо тебе, Григорий Михайлович! Хорошо сказал. Лучше не придумать.

К о м а н д и р (*не подает руки*). А разве... вы ожидали другого ответа, Никита Андреевич? Хм! Благодарю!

Мария Павловна подходит к мужу и берет его под руку. Это не ласка — это благодарность и вера в него.

(*Гладит голову жены и, волнуясь, почти кричит комиссару.*) Поймите, товарищ комиссар, мое положение! Вокруг меня — вечное недоверие. Почему я должен терпеть все это? За что? Только потому, что я — другой крови? За то, что я человек с высшим образованием, интеллигент? Что ж вы молчите?

К о м и с с а р. Предосторожность, Григорий Михайлович.

К о м а н д и р (*резко обрывает комиссара*). Это не предосторожность! Это расплата за грехи моего класса. Я плачу по счету. Я отвечаю перед вами, перед народом-победителем. Столетия лучшая мысль и ее представители держались за дворянство, помещиков и буржуазию. Вместе с моим классом, — а интеллигенция — это класс, товарищ комиссар, — я отвечаю за его вину перед пролетариатом!

У комиссара прорвался жест, выражающий сомнение по поводу того, что

интеллигенция — это класс. И все же он промолчал. Но, увидев стоящего с высоко поднятой головой командира, комиссар улыбнулся.

К о м и с с а р. Так-с! Формулировочка, конечно, сомнительная, но спорить сейчас не время. Значит, ты считаешь себя виновным, Григорий Михайлович?

К о м а н д и р *(прямо)*. Да.

К о м и с с а р. Грех, говоришь, перед нами на тебе есть?

К о м а н д и р. Безусловно!

К о м и с с а р. У нас людей, Григорий Михайлович, судят по поступкам.

Пауза.

Хочешь, я тебя прощу?

Командир растерялся. Он смотрит на команду: искренне, тепло улыбаются ему бойцы — Суслов, Антон Петрович, Вавилов; политрук даже рукой помахал.

(И, широко улыбаясь, заканчивает комиссар.) Прощает тебя рабочий класс, и нет на тебе больше вины твоего класса! *(Вторично протягивает руку командиру. Командир взволнованно жмет ее. Комиссар улыбается.)* Так как, говоришь, Белозерского звали?

К о м а н д и р *(смущенно)*. Глистой. Очень худой был.

К о м и с с а р. Значит, сказал: коммунистам и комсомольцам пощады не будет?

Пауза.

Тридцать минут их превосходительство нам предоставило. Не мало! За это время наши могут подойти! *(Смотрит на командира.)* Ну, так давайте решать, товарищи! Коммунисты и комсомольцы — налево. Становись отдельно.

К о м а н д и р. Как вам не стыдно, Никита Андреевич!

С у с л о в. Вы что, товарищ комиссар, всерьез?

Л е н к а. Это он смеется! Не понимаешь, что ли?

К о м и с с а р. Я не смеюсь. Вы все слышали...

Ж у р б а *(в сердцах)*. Что ты, нас первый день знаешь, Никита Андреевич?

К о м и с с а р. Ну, спасибо, ребята, не подкачали. Значит, решено. Кто «за»?

Все поднимают руки.

Единогласно! Действительно, глупость я, кажется, сказал.

Федотов встал, потянулся и вдруг в два скачка очутился у задней двери. Он молниеносно откинул засов. Этого никто не успел предупредить, этого никто не ожидал.

С у с л о в. Ушел... Держи!..

Но с башенки политрук прыгнул на спину Федотову, они оба покатались по полу. Куликов и комиссар сразу схватили Федотова и оттащили от политрука.

П о л и т р у к (*держась за глаза*). Он мне, кажется, оправу сломал!

К о м и с с а р (*Федотову*). Ты что ж, гад? Первым руку «за» поднимал, а теперь?

Ж у р б а. Дай, товарищ комиссар, мне, тихому человеку: я ему, сволочи, пулю пуцу за нас всех и за детей наших.

Ф е д о т о в. Не хочу за коммунистов жизнь отдавать. (*Со злобой на Журбу.*) Не дождутся твои дети... Не будут они, нехристи, в зеленых садах гулять. Всех перебьют...

Комиссар вынимает маузер. Командир задерживает его руку. Комиссар вопросительно смотрит на него.

К о м а н д и р (*волнуясь*). Этот человек — подлец. Это совершенно ясно. Но то, что вы хотите сделать, называется убийством!

К о м и с с а р (*резко оборачиваясь*). Так что ж, мне теперь с него допросы снимать, что ли?

К о м а н д и р. Обязательно. Это важно для следствия и суда.

Ф е д о т о в. Плюю я на ваш суд.

К о м и с с а р (*не обращая внимания на слова Федотова, уже спокойно*). Садись к столу, Ленка, и пиши...

Ленка примостилась к столу, ждет.

(*Диктует.*) «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, 26 октября 1919 года мы, нижеподписавшиеся: командир бронепоезда «Смерть паразитам» Державин Григорий Михайлович...» Пишешь, Ленка?

Ленка кивает головой, пишет. Комиссар продолжает.

«...комиссар бронепоезда...» Пиши: «того же бронепоезда, Лосенко Никита Андреевич и политрук...»

Л е н к а. Знаю, напишу... (*Скрипит пером.*)

Пауза.

К о м и с с а р. «Сняли допрос с красноармейца Федотова, обвиняющегося... (*смотрит на Федотова, который прижался к дверце, ведущей в сторону паровоза*) ...обвиняющегося в измене и предательстве дела рабочего класса...»

Ф е д о т о в (*упрямо*). Плюю я на вас... и... и... и... не подчиняюсь я вам.

К о м и с с а р (*Ленке*). Написала?

Ленка утвердительно кивает головой. Комиссар смотрит на политрука, тот жестом выражает одобрение. Тогда комиссар оборачивается к Федотову.

«...Обвиняемый показал...» Обвиняемый! Как ваша фамилия?

Ф е д о т о в. Забыл, что ли?

К о м и с с а р. Обвиняемый, как ваша фамилия?

Ф е д о т о в (*издевательски*). Лапоткин — моя фамилия. Разве не знаешь меня? У тебя

второй месяц служу.

К о м и с с а р. У меня никогда не служил человек, совершивший тот поступок, в котором вы обвиняетесь. Как ваша фамилия?

Ф е д о т о в. Федотов. *(С ненавистью.)* У-у...

Ленка пишет.

К о м и с с а р. Обвиняемый, как ваше имя?

Ф е д о т о в *(очевидно, осознав, что с ним не шутят)*. Иван.

К о м и с с а р. Отчество?

Ф е д о т о в. Данилыч.

К о м и с с а р. Военная специальность?

Ф е д о т о в. Пушки-игрушки.

К о м и с с а р. Артиллерист. Какой губернии?

Ф е д о т о в. Нижегородской.

К о м и с с а р. Уезда?

Ф е д о т о в. Арзамасского.

К о м и с с а р. Волости?

Ф е д о т о в. Сливинской.

К о м и с с а р. Деревни?

Ф е д о т о в. Из самого села. Из Сливина.

К о м и с с а р. Семейное положение?

Ф е д о т о в. Холостой.

К о м и с с а р. Хозяйство имеешь?

Ф е д о т о в *(после паузы)*. Нет.

Ленка пишет.

К у л и к о в *(Ленке, перебивая уже начавшего что-то говорить комиссара)*. А тебе что ни скажи, ты, попка, и пишешь? Он, сука, врет, есть у него хозяйство.

Ф е д о т о в. Нет у меня ничего.

К у л и к о в. А у кого три быка? У кого пять коров?

Ж у р б а. Пиши, Ленка: «три быка, пять коров, две лошади». Пара коней — орлы, сам хвалил.

Ленка пишет, комиссар кивнул ей головой.

С у с л о в. Товарищ комиссар!

К о м и с с а р *(поднимая голову)*. Ну?

С у с л о в. Еще народу пригнали. Гуще цепь стала.

Комиссар посмотрел на командира.

К о м а н д и р. Без моего приказа не стрелять, Степа. Патроны жалеть. Что у вас, товарищ политрук?

П о л и т р у к *(вглядываясь)*. У меня тихо. Наверное, с того боку в гости собираются!

Пауза.

Федотов решил воспользоваться этим моментом. Он, не двигаясь с места, незаметно открыл засов двери.

Комиссар. Прочти-ка, Ленка, с начала.

Ленка (читает). «Именем РСФСР, 26 октября 1919 года мы, нижеподписавшиеся: командир бронепоезда «Смерть паразитам...» Название ведь еще не утвержденное, товарищ комиссар?»

Комиссар недовольно махнул рукой, и Ленка продолжает.

«...Державин Григорий Михайлович, комиссар того же бронепоезда Лосенко Никита Андреевич и политрук Кацман Яков Моисеевич, при секретаре Лобовой Елене Савельевне...»

Комиссар скосил глаза на Ленку.

Это я, товарищ комиссар. «...Сняли допрос с красноармейца Федотова, обвиняющегося в измене и предательстве дела рабочего класса. Обвиняемый показал: фамилия — Федотов, имя — Иван, отчество — Данилыч, артиллерист, Нижегородской губернии родом, Арзамасского уезда, Сливинской волости, села Сливина, холостой. Семья имеет три быка, пять коров, две лошади...»

Федотов (озлобленно). Еще пишите: две избы, две овцы, пять коз, четыре свиньи, одного борова и птицы — утей, гусей и курей с петухами — сорок штук. И еще мельница у нас есть. Хватит?

Комиссар (спокойно). Пишите, Елена Савельевна... Пиши: «две избы, две овцы...»

Ленка. Я помню, товарищ комиссар, не беспокойтесь! *(Пишет.)*

Комиссар. Как будто бы все, Григорий Михайлович?

Командир (вспоминая). Как будто бы. Да, еще про возраст забыли спросить.

Федотов (как бы смутившись, со вздохом). Молод я еще, товарищи... Ошибся... *(Опять вздыхает.)* Мне, товарищ комиссар, тридцать будет. *(В это время он открыл дверь и скользнул в нее.)*

Комиссар. Не будет тебе тридцать. *(И выстрелил.)*

Федотов как бы повис в воздухе с простреленным затылком, а затем тяжело рухнул в дверь.

(Опустил оружие и спокойно повторил.) Не будет тебе тридцать.

Пауза.

Пиши, дочка, двадцати девяти лет.

Пауза.

Командир. Что ж вы наделали, Никита Андреевич?

К о м и с с а р (*смотрит на командира и не отвечает. Затем, собравшись с мыслями, обращается к Ленке*). Пропусти строчку.

Пауза.

«...Обвиняемый Федотов при попытке... при вторичной попытке...» Нет, не надо... Как я раньше сказал?

Л е н к а. «При попытке...»

К о м и с с а р. Так и пиши: «при попытке к бегству был застрелен комиссаром бронепоезда Лосенко. Партбилет номер одна тысяча двести семьдесят девять, выданный Московским губернским комитетом партии, в чем и подписываемся...»

Ленка заканчивает и молча протягивает перо командиру. Он подписывается. Затем ставит свою подпись комиссар. Ленка встает и подносит папку и лист политруку.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина четвертая

„Куликовская битва“

Эта картина — естественное продолжение предыдущей. Идут ходики — осталось всего десять минут до срока, предоставленного генералом.

К о м и с с а р (Куликову). Убери-ка, сынок!.. (Показывает на сапоги, виднеющиеся из двери: это ноги Федотова.)

Куликов выталкивает тело за дверь.

Ж у р б а. Скинь его с паровоза. Чтоб и памяти о нем не было.

Пауза.

Собаке — собачья смерть.

Г у с е в. Жалеть действительно не приходится.

В а в и л о в. Смотри-ка. Жив бы остался — на наших плугах землю хотел пахать. А мы, может, не плуги, а чего посложнее наладим. Какое орудие такой сволочи досталось бы? Ведь никто такого хорошим словом и не помянет.

Пауза.

К у л и к о в. А вот, ребята, если меня убьют, — будете жалеть?

К о м и с с а р. Конечно, будем. Ты человек правильный.

К у л и к о в. Меня жена тоже будет жалеть. Она очень замечательная баба. Красавица. И страсть меня любит. Я ее — тоже. Год всего пожил вместе... А потом ушел я до красногвардейцев с помещиков спесь сшибать.

Ж у р б а. А мне мои чертята сказали: «Иди, говорят, батя, не сомневайся. Мы, говорят, мамку сами прокормим»... У меня их трое, есть кому вспомнить...

Г у с е в. Каждого бойца жалеть будут. Товарищи, например, на заводе, память почтут вставанием.

С у с л о в. Ясно! За дело деремся. За свое дело. (Вглядывается в ночь.) За наше общее дело.

К о м а н д и р. Прекратим этот глупый разговор! Он деморализует команду.

В а в и л о в. Зря ты на нас так думаешь, товарищ командир. В сознании умирать будем, не дрогнем. Будь спокоен, не прежняя серая кобылка. А поговорить — и поговорить можно. Что ж такого?

К о м а н д и р. Я рад, что моя команда столь сознательна в своих убеждениях. Но, кроме сознания, есть еще одно чувство. Ну, как бы вам проще сказать? Это... биологическое начало. С этим чувством лучше не заигрывать: оно шуток не любит. Я утверждаю, что у

товарища Кацмана не стало лучше настроение от ваших разговоров.

В а в и л о в. Ты что, товарищ политрук?

П о л и т р у к. Я — ничего. Мне только стало немножечко грустно. А почему — сейчас скажу... Я — холостой! Нет отца, матери, братьев! Сестер тоже нет.

Пауза.

Меня никто не будет жалеть. У меня нет никого.

К о м а н д и р. Вот видите.

П о л и т р у к. Ничего я не вижу! И биология здесь совершенно ни при чем. А потом... *(Он садится и говорит весело.)* ...у меня есть тетя в Перми. Замечательная тетя. Мамина сестра. Тетя Люба. Она будет очень опечалена, если меня убьют. Мы с ней остались одни. Совершенно правильно: тетя Люба.

Л е н к а *(она сидит у башенки политрука, с укором смотрит на него и дрожащим голосом шепчет)*. Нехорошо! А я?

К о м и с с а р. Да если бы даже и не было тети Любы твоей, Яша, так наши жены, наши матери и дети жалели бы тебя с нами наравне. Будь спокоен.

П о л и т р у к *(улыбается, бросив взгляд на Ленку)*. А я и не волнуюсь.

К о м и с с а р. Вот и хорошо. Нам долго жить надо, товарищи. Для революции жить. А ежели умирать — так ведь знаем, что не зря. Шутка сказать: на себе все внимание его превосходительства задерживаем. Это большой почет.

К о м а н д и р. Тут вы правы. *(Сулову.)* Степа!

Сулов слегка наклоняет голову.

Что у тебя?

С у с л о в. Все в порядке, товарищ командир. Лежат спокойно.

К о м а н д и р. Товарищ политрук?

П о л и т р у к. Наверно, готовятся? Пока — тихо.

К о м а н д и р. Время истекает. *(Поворачивается к комиссару, официально.)* Разрешите?

Комиссар молча кивает головой.

Антон Петрович, Лена — на паровоз!

Ленка и Гусев уходят с винтовками.

Что за шум?

С у с л о в. Снова дождь, товарищ командир.

К о м а н д и р. Глаза — в поле. Готовы, товарищи?

Бьют ходики.

Время истекло. Спокойно.

Комиссар занимает свое место на правом краю. Раздается далекий раскат грома и

вслед за тем оглушительный удар. Это первый снаряд.

Спокойно! Стрелять только по команде!

Раздается второй удар. Всё содрогается. Тишина.

Спокойно. Они бьют по паровозу!

Пауза. Затем дверь открывается — на пороге стоит Гусев: у него лицо в крови, вытирает рукавом кровь.

Гусев (*тихо*). Давай смену, товарищ командир! Не придется Леночке нашей паровозы строить.

Мария Павловна стремительно поднялась, но комиссар жестом остановил ее.

Политрук (*тихо*). А... что с ней!?

Гусев. С ней уже ничего... Преставилась... Только вскрикнула — и все!

Политрук опускает голову. Мария Павловна тихо плачет. Пауза.

Комиссар. Иди, Журба, быстро. А про паровозы мы помним — построим.

Журба уходит.

Командир (*смотрит в глазок*). Спокойно. Приготовить ручные гранаты! Стрелять только по наступающему противнику! Только по моей команде!

Раздается третий удар — снова по паровозу.

Света не видно, Степа?

Суслов. Темно, товарищ командир!

Снова открывается дверь паровоза. Журба втаскивает, тяжело раненного Гусева. Устраивает его в правом углу — под башенку политрука. Кладет на шинель.

Командир. Оставить паровоз! Дверь заложить! Журба — в цепь. Маша — к Антону Петровичу.

Журба закладывает дверь и ложится в цепь. Мария Павловна быстро подходит к умирающему машинисту, склоняется над ним.

Гусев. Так!.. Значит... напишешь домой... адрес в документах... Что, мол, жив, здоров... Первому моему шестнадцать лет уже... Напиши, что я велел идти добровольно... И чтоб скорей остальные подрастали...

Мария Павловна (*перевязывая рану*). Я все передам, Антон Петрович. Лежите

СПОКОЙНО.

Пауза. Снова далекий гром. И снова удар по паровозу.

(Смотрит на Гусева и говорит тихо мужу.) Он умер, Гриша.

К о м а н д и р. Это бывает — война, Машенька!

К о м и с с а р. Накрой старшего машиниста шинелью, Мария Павловна, и отойди оттуда; дай человеку покой.

П о л и т р у к *(кричит)*. Тронулись с моего бока!

К о м а н д и р *(бросается к глазку, поднимает руку)*. Спокойно. Подпустить!
(Напряженно.) Слушай мою команду! *(Надевает белые перчатки.)* Правый борт по контрреволюции — огонь!

Заработал пулемет политрука. Стреляют бойцы.

Целиться лучше! Прекрасно. Бить наверняка! Патроны — жалеть!

К о м и с с а р. Близко подходят?

К о м а н д и р. Хорошо подходят! Офицеров снимать в первую очередь. Стой!

Политрук выключил пулемет.

К о м и с с а р. Если поднапрут, может, выскочить с лимончиками?

К о м а н д и р. Это против тактики ведения боя. Пока еще рано. *(Жене.)* Маша! У вас спустился чулок. *(Снова комиссару.)* Сейчас вылазка не может дать ничего полезного: побережем на крайний случай! Спокойно!

П о л и т р у к. Снова пошли.

К о м а н д и р. С одного бока идут. Понятно. Спокойно. Огонь!

М а р и я П а в л о в н а. Куда мне, Гриша?

К о м а н д и р. Сидите спокойно! Без вас как-нибудь...

П о л и т р у к. Товарищ командир, совсем близко...

К о м а н д и р. Левый борт не оголять. *(Смотрит в глазок.)*

П о л и т р у к. Ленту!

Мария Павловна подает ему ленту. Политрук молниеносно перезаряжает пулемет; он снова заработал.

Сорок шагов: аж в пот ударило!

К о м а н д и р *(приказом звучат слова)*. Ручные гранаты! Журба, Куликов! За мной!

Командир хватает ручные гранаты, открывает люк и прыгает. Куликов и Журба — за ним. Комиссар бросается на правый борт.

К о м и с с а р. Давай, Яша. Давай, давай! *(Стреляет сам.)* Своих не покалечь, политрук. Стоп! *(Пулемет замолкает.)*

С у с л о в *(в отчаянии)*. А я, как дятел, здесь без дела торчу.

К о м и с с а р. Будет тебе дело, придет твой черед. Что там видно, Яша?

Мария Павловна обратилась вся в слух.

П о л и т р у к (*прильнув к глазку*). Здорово, понимаете, здорово.

К о м и с с а р. Что здорово, говори?

П о л и т р у к. Отступают они... Вот товарищ командир побежал.

К о м и с с а р. Куда побежал?

П о л и т р у к. Не видно теперь. (*Протирает очки.*)

К о м и с с а р. А другие?

П о л и т р у к. Все равно ничего не видно. Очень сильный дождь.

К о м и с с а р. Побежал? (*Смотрит в сторону и наталкивается глазами на взгляд*

Марии Павловны; она почувствовала сомнение комиссара.) М-да. Тяжело нам придется, если белые про нас правду узнают...

М а р и я П а в л о в н а. Мой муж не может быть предателем. Вы же сами...

К о м и с с а р. А если он в плен попадет? Пытать начнут?

М а р и я П а в л о в н а. Все равно!

К о м и с с а р. Значит, ты, сельская учительница, дочь рабочего, ручаешься за своего мужа, бывшего царского офицера?

Пауза.

М а р и я П а в л о в н а. Да!

К о м и с с а р. Это хорошо! (*Политруку.*) Что-то тихо, Яша. Не видать наших?

П о л и т р у к. Ничего не замечаю. Наверно, грома ждут. Им все спокойнее под гром палить. А то, конечно, артиллерия — она слышна далеко.

К о м и с с а р. Хорошо бы побольше снарядов на себя принять. Может, не дошел Сико — хоть так наши услышат.

С у с л о в. Продержимся как-нибудь.

К о м и с с а р. Уж попляшут они от наших ребят! В дивизии три полка, парни — один в один. Половина коммунистов. (*Смотрит на Марию Павловну.*) Да, интересное положение.

Тихий стук. Мария Павловна бросается к люку.

М а р и я П а в л о в н а (*кричит*). Гриша!

К о м и с с а р (*преграждая ей путь*). Стой! (*Подходит к люку, наклоняется.*) Кто там?

Голос Журбы: «Это я, товарищ комиссар!» Комиссар отодвигает засов и быстро открывает крышку.

Ж у р б а (*вскакивает в вагон, закрывает за собой люк, осматривается*). Что, больше никто не вернулся?

К о м и с с а р. Ты первый, Зиновий!

М а р и я П а в л о в н а. А где Григорий Михайлович?

Ж у р б а (*очищаясь от грязи*). Товарищ командир, как мы только выскочили, бросил две гранаты и побежал. Потом бросил третью. Куликов тоже бросил. Я кинулся с ним влево...

К о м и с с а р. Ну?

Ж у р б а. Он метнул два раза, споткнулся.

Пауза.

Наверно, убили Куликова!

Пауза.

Значит, я один? (*Сразу посмотрел на Марию Павловну.*)

Мария Павловна повернулась и легла около башенки Сулова.

К о м и с с а р. А командир?

Ж у р б а. Ничего не знаю, товарищ комиссар. Куды в такой горячке по сторонам глазеть!

К о м и с с а р. Конечно! (*Решительно.*) Иди на свое место.

Журба ложится в цепь.

П о л и т р у к. Ползет кто-то.

Комиссар бросается к глазку.

Кажется, это Куликов. Иди, милый, иди... Опять упал! Он ранен... Конечно — ранен!

Ж у р б а. Позвольте, товарищ комиссар, вмиг его доставлю. Уж очень я счастливый, раз вернулся.

К о м и с с а р. Не позволю. Конец с этим разговором. Не могу людей зря расходовать. Не мои люди — революции.

П о л и т р у к. Лег лицом в землю. Кончено.

К о м и с с а р. Правильный был человек.

Ж у р б а (*закладывая новую обойму*). Вся обойма — имени крестьянина товарища Куликова.

С у с л о в. И моя лента того же имени. Молодец парень!

В а в и л о в. Первый люберецкий плуг — его семье...

П о л и т р у к (*радостно*). Опять сюда ползет! Жив!

Пауза. Стук в люк.

К о м и с с а р (*наклоняясь*). Кто?

Голос командира: «Я!»

М а р и я П а в л о в н а. Гриша! (*Бросается к люку.*)

Комиссар поднимает крышку. Появляется к о м а н д и р. Комиссар и Мария Павловна подхватывают его и втаскивают в вагон. Комиссар захлопывает люк, закрывает на засов.

Гришенька, родной!

Комиссар, подняв командира на руки, кладет на стол.

К о м а н д и р (*лежа*). Прорваться можно. Надо еще попробовать! (*Повернув голову, смотрит только на жену. Шепчет.*) Маша... моя!

Пауза. Командир лежит на столе. Мария Павловна стоит как вкопанная. Тишина.

М а р и я П а в л о в н а. Почему он молчит?

К о м и с с а р. Закрой глаза мужу, Мария Павловна.

Мария Павловна не двигается с места.

К о м и с с а р (*берет одеяло, накрывает командира*). Ну, до свидания, товарищ командир!

Мария Павловна продолжает оставаться в той же позе.

Боевое время сейчас, Мария Павловна.

Пауза.

(*Решительно.*) Державина — в цепь, на левый край! (*И уже более мягко.*) Вон туда, к башенке.

Мария Павловна покачнулась, потом, протерев лицо и глаза, еще ближе подошла к телу мужа. Она открыла одеяло и посмотрела мгновение в глаза. Поцеловала. Сжались руки у прильнувшей к телу женщины, но быстро оторвалась она от мужа.

М а р и я П а в л о в н а. Прощай, Гриша. (*Легла у ног Суслова.*)

Пауза. Комиссар взял пакет с бумагами и, достав тетрадку приказов, быстро стал записывать что-то. Мария Павловна лежит в цепи, и взгляд ее ищет в поле врага.

Вот и нет Григория Михайловича, Степа.

С у с л о в (*тихо*). Я давно хотел сказать тебе, Мария Павловна. Все мы тебя любим, как сестру родную. Вот был бы с нами товарищ командир...

К о м и с с а р (*кончив писать*). А он с нами... Вот он. (*Показывает на тело командира.*) Уж полтора часа, как Сико ушел. Подвезло им, чертям, с непогодой — светло скоро не будет. Хоть бы добрался!

Пауза.

Слушать мой приказ! (*Читает.*) «Приказ по бронепоезду «Смерть паразитам» за номером восемнадцать. С сего числа принял обязанности командира бронепоезда». Число и время. Подпись — моя!

„Пролетарий, на коня!“

Лес. Костер. Пост красноармейцев. Они сидят у огня — два человека.

П е р в ы й. Выскочил тады Бова Королевич из хаты и — прямо в овин. Нема нигде Елены Прекрасной. Он туды-сюды — нет жены, как корова языком слизала. Кинулся тады Бова на улицу и закричал страшным голосом: «Эй, вы, други-молодцы!»...

В т о р о й. Тише кричи.

П е р в ы й (*тихо*). «Эй, вы, други-молодцы! Кто видел жену мою — лапушку Елену Прекрасную?» Но никто не видел жены его, потому все село крепко спало, а караульного одного подкупил генерал Кашеев-Бессмертный. Кинулся тады Бова Королевич на живот и стал носом нюхать сырую землю. «Ой! — закричал он страшным голосом, — чую я вражеские ноги. Ходили тут кони добрые — только не наши рабоче-крестьянские, а генеральские, врага нашего Кашеева-Бессмертного». Вскочил тады Бова, красный королевич, советский богатырь...

В т о р о й. Королевичей советских не бывает...

П е р в ы й (*безапелляционным тоном*). Бывают! Вскочил на крепкие ноженки да как свистнет! И сразу перед ним сорок лучших ребят призывного возраста: год рождения одна тысяча восемьсот девяносто восьмой, сорок молодцов выстроилось. И сказал им тады Бова Королевич: «Не догнать пешим конного, пеший конному — не товарищ. Выводите, други-молодцы, лошадок, седлайте их красными седлами, берите в руки сабли да винтовочки и айда за мной: генерала Кашеева-Бессмертного с земли нашей гнать». И кинулись сорок молодцов за лошадами да за саблями с винтовками. А сам Бова Королевич снял со стены пистолет системы «Маузер» — еще в ту войну у Вильгельма отнятый — и вывел Семена Ивановича — коня своего. А у Семена Ивановича — глаза как звезды, грива ночью раскинулась, и рост, между прочим, такой, что от тени его пошли по деревне сумерки. Вскочил на коня и крикнул...

В т о р о й. Страшным голосом?

П е р в ы й. Ага... «За мной, дорогие друзья!» Выехали за околицу и погнали коней.

Пауза.

Двадцать дней ищет Бова со товарищи генерала Кашеева и найти никак не может, потому хитрость большая у Бессмертного. Серчает Бова Королевич, ругается в маму: «Не может, грит, быть. Не вернуса, пока белые генералы на земле нашей свободно гулять будут». А только Кашеева все равно нет. Что ты будешь делать? Едут наши лесочком, а навстречу им — кто?

В т о р о й. Не знаю!

П е р в ы й. О! Серый волк.

Слышны далекие раскаты грома, рассказчик прислушивается.

Гроза надвигается. Небо сильно затягивает.

В т о р о й (*быстро*). Может, боком дождь пройдет. Валяй дальше! Серый волк им навстречу...

П е р в ы й. Да. Остановился Бова, а серый волк говорит: «Здрасте! Послали меня московские рабочие, вам на помощь. Потому, грит, я зверя вумная, я генерала Кашеева вмиг найду. Он, стерва, хитрый, а я, грит, еще хитрей». И побежал. Ну, наши, конечно, за ним. И — представьте себе: в два дня отыскал генерала волчуга. Сидит этот злодей под деревом, а у ног его Елена Прекрасная, связанная. «Будешь, грит, моей женой, а не то — душа с тебя вон». Молчит Елена Прекрасная, только головой мотает да слезы у ей с глаз текут. Тады схватил вострый нож генерал Кашеев и замахнулся на нее. А наши — в засаде! «Эх, — крикнул Бова страшным голосом, — быть Бессмертному смертным!» Как ахнет с маузера три патрона! Кашеев — только брык на землю. И пошла всеношная — белых рубать.

В т о р о й. Ну?

П е р в ы й. Ну что — ну? Ослобонили Елену Прекрасную. Домой пригнали, стали жить да поживать да хорошую жизнь наживать. Сказка, конечно...

В т о р о й. Это сказка из жизни. Про нас старики сложили. Хорошая сказка, я ее запомню и запишу.

Слышен чей-то стон. Красноармейцы насторожились.

Показалось, что ли?

П е р в ы й. Вроде стонет ктой-то?

В т о р о й. Показалось.

Пауза.

А ведь верно: силен наш враг, хитер, ловок. Трудно генерала словить. Он — как угорь, собака.

П е р в ы й. Ну и мы тоже не лыком шитые. Какую силу создали в месяц, не больше.

В т о р о й. Я ничего не говорю. Сцепиться бы, а там уж посмотрим, чья возьмет: наша звездочка красноармейская аль офицерский погон!

П е р в ы й. Хорошо бы, а то он вчера, сука, опять улизнул! Ищи ветра в поле.

В т о р о й. Найдем, куды он денется?

Опять слышен стон, на этот раз отчетливый. Красноармейцы бросаются вперед.

В кустах — здесь!

Выходят из темноты и вытаскивают какого-то человека. Подносят его к костру. Это С и к о.

В т о р о й. Совсем худой... Крови-то сколько!

П е р в ы й. Ну-ка, пусти. (*Разрывает рубаху.*) Подай котелок. (*Кладет холодный компресс на голову и грудь.*) Откуда он взялся?

С и к о (*слабо*). «Князь...»

П е р в ы й. Чего он говорит?

В т о р о й. Вроде «князь» как будто.

С и к о. «Князь...»

В т о р о й. Опять «князь» сказал. (*Сообразив что-то, говорит первому.*) Дуй до взводного. Быстро! И — зорко смотри! Проверь по дороге четвертый, пятый и шестой номер. (*Показывая на Сико.*) Как он попал сюда незамеченным?

Первый, кивнув головой, исчезает. Пауза.

Товарищ! Слышишь меня?

Сико молчит. Красноармеец щупает его тело, руки, ноги. Сико застонал.

Э, брат! Да у тебя и в бедре рана, бедняга ты этакий.

Возвращается первый красноармеец, с ним — взводный.

П е р в ы й. Лошадь только чья-то. Наверно, его. А так ничего ребята не видели. Говорят, наверное, раньше лежал. До того, значит, как мы пришли. (*Бросается в лес.*) Стой, стерва! Ростом как собака, а с норовом. Тпру!

В з в о д н ы й (*наклоняется над Сико*). Открой глаза, товарищ. Кто ты?

С и к о. «Князь Мстислав...»

В з в о д н ы й. Ясней говори, дорогой... Очень силится человек. Ты спокойно... Надо в штаб сообщить... начальнику дивизии. (*Тихо.*) Потому не доставить его туда: тело как сито! Айда!

Первый красноармеец исчезает. Слышен топот удаляющихся копыт.

Кровь задержать бы подольше... Очень много, наверное, потерял.

В т о р о й. А может, он не наш человек, товарищ взводный?

В з в о д н ы й. Это ни при чем.

Пауза.

Чего говорил вначале?

В т о р о й. Вроде «князь» сказал.

В з в о д н ы й (*наклоняется над Сико и шепчет ему на ухо*). Князь?

С и к о. Да...

В з в о д н ы й. Может, это он про себя говорит, что он — князь? А может, он — сам князь, и думает, что к белым попал? (*Радостно.*) Если он князь какой-нибудь, это важная персона. От него и узнать чего можно.

С и к о. Плохо... (*Бормочет что-то по-грузински.*)

Взводный прислушивается.

В з в о д н ы й. Теперь совсем непонятно, чего говорит.

Раздается конский топот. Выходит начальник дивизии, за ним —

начальник штаба и первый красноармеец. Взводный вскакивает, идет навстречу начальнику.

Человека нашли, товарищ начальник.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и (подходя к Сико). Сейчас доктор будет. Здорово ранен, говорят?

В з в о д н ы й. Очень сильно побили человека, товарищ начдив. Едва дышит. Может, уже кончился.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и (наклоняется к Сико). Поднимите ему голову. Я — начальник сводной кавалерийской дивизии тринадцатой армии. Слышите вы меня?

С и к о. «Князь...»

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Кто князь?

С и к о. Бро... (Пытается подняться.)

Далекие раскаты грома. Сико поднимают, он почти сидит. Пауза.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Не дотянет, пожалуй. (Наклоняется к нему.) Ну что? Сказать хочешь?

С и к о (собирает последние силы и медленно выдавливает). На двести восемьдесят первой версте — белые... «Князь...» Я лошадь достал... Бронепоезд берут... Товарищ Лосенко просил передать... (Голова валится набок.)

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Он назвал имя комиссара бронепоезда... Раньше назывался «Князь Мстислав Удалой»! Значит, говорит правду. Ваше мнение, Петр Федорович?

Н а ч а л ь н и к ш т а б а. Части — мамонтовские, нет никакого сомнения. Но когда это было? Может быть, все уже кончено давно?

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. На какой версте Узловая?

Н а ч а л ь н и к ш т а б а. На двести шестьдесят пятой.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Значит, шестнадцать верст. Мы от станции Узловой в двух — всего четырнадцать. За сорок минут мы там. Надо использовать все шансы, чтобы нагнать дорогого гостя. Быстро! Взводный! Передай мой приказ.

Взводный делает шаг вперед.

Развернуть дивизию! Мы выступаем... (смотрит на часы) через пять минут!

Взводный исчезает.

(Начдив, кивнув на Сико, начальнику штаба.) Приказом по дивизии — ходатайство об ордене. Он его заслужил. Как ваше имя?

Сико молчит. Входит в р а ч. Это седая женщина в военной форме.

В р а ч. Кому я нужна? (Увидела, подходит к Сико, наклоняется над ним, выслушивает, затем осматривает Сико.) Перелом в двух местах: берцовая кость. Прекрасно, придется удалить пули. Прекрасно... (Произносит латинскую фразу.) Рана в грудной области —

одним ребром меньше будет. Прекрасно... Через месяц танцевать начнет. *(Встает, отходит в сторону и что-то записывает.)*

Слышны трубы, сигналы.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и *(обращаясь к начальнику штаба)*. Не потерять бы теперь контакт, Петр Федорович! *(Хлопает по плечу.)* И наших бы выручить!

Н а ч а л ь н и к ш т а б а. Постараемся, товарищ начальник.

В р а ч *(первому и второму красноармейцам)*. Давайте! *(Видя, как ловко они подхватили Сико.)* Прекрасно!

Красноармейцы уносят Сико. Слышен топот конных сотен. Появляется в з в о д н ы й.

В з в о д н ы й. Дальнейшие распоряжения, товарищ начальник?

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. По коням!

Все уходят. Сцена пуста. Под звуки фанфарного победного марша слышны голоса отдельных команд. Прносятся тени идущих в бой полков и эскадронов.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина шестая

Привет жизни

Идут ходики. В цепи С у с л о в, п о л и т р у к, Ж у р б а и В а в и л о в. К о м и с с а р стоя укладывает в папку приказ № 18. Не успел он завязать ленточки, как стреляет М а р и я П а в л о в н а. Комиссар повернул голову, вопросительно посмотрел на нее.

К о м и с с а р. Зачем стреляла?

Мария Павловна целится, прижимая приклад карабина к щеке.

Зачем стреляла, Мария Павловна?

С у с л о в (объясняя с башенки). А там один поднялся, товарищ комиссар, и — упал... (Марии Павловне.) Хорошо ты его!

Мария Павловна снова стреляет.

Есть второй! Два патрона — два человека!

М а р и я П а в л о в н а. Гриша говорил, чтобы патроны жалеть! (Стреляет в третий раз.)

К о м и с с а р. Ты что, ошалела?

С у с л о в. Есть третий! (Улыбаясь.) Ты, Мария Павловна, аккуратней, а то всю белую армию поубиваешь.

Ж у р б а (тихо, политруку). Злобы в ней много! По товарищу командиру тоскует.

П о л и т р у к (глубокомысленно). Жизнь!

И на слове «жизнь» наступает смерть: раздается четвертый выстрел.

С у с л о в. Четвертый номер пошел. Сколько задумала, Мария Павловна, а? (Всматривается.) Ой нет, кажись, встал.

Мария Павловна заканчивает обойму: пятый выстрел.

Вот теперь лег. Добила.

Пауза. Комиссар подходит к политруку.

К о м и с с а р. Ну что, политрук? А мы с тобой решили в пути «Анти-Дюринг» подчитать. Лекции провести про Марксово учение. Поубавилась наша аудитория.

Пауза.

Живы останемся — расскажешь небось все это тете Любе твоей. В Перми она у тебя?
П о л и т р у к (*тихо*). Вы будете смеяться, товарищ комиссар, но... (*еще тише*) насчет тети Любы — я выдумал.

Комиссар смотрит на него.

Нет у меня никого.

К о м и с с а р (*смущенно*). Ага... Ну, ничего. Да и не в тете счастье...

Мария Павловна быстро заряжает новую обойму.

С у с л о в (*громко*). Стой! Не стреляй! У них флаг белый. Товарищ комиссар, опять с флагом идут.

К о м и с с а р. Окликни их.

С у с л о в. Стой! Кто идет?

Подходят Нолькени и адъютант.

Н о л ь к е н. По поручению его превосходительства генерала Мамонтова я направлен для вторичных переговоров с вами. Могу я видеть вашего командира?

Пауза. Мария Павловна приподнялась и смотрит на стол, на котором лежит командир. Комиссар соображает что-то. Все повернули головы и смотрят на него. Комиссар поправил на себе одежду и вышел на площадку.

К о м и с с а р. Здравствуйте. О чем речь будет?

Н о л ь к е н. Бесцельно дальше проливать вашу кровь. Через пять минут мы превратим весь поезд в гору железа. Это ясно! Генерал вновь предлагает те же условия. Где ваш командир?

К о м и с с а р. Григорий Михайлович ужинает. Они просили по пустякам их не беспокоить.

Н о л ь к е н. Значит, вы отказываетесь вторично? Тогда можно поставить точку. Это последнее слово его превосходительства.

К о м и с с а р (*весело*). Скажите пожалуйста! Ну и шутник же ваш генерал! Так, говорите, опять сдаваться предлагает? (*Кричит в вагон.*) Слышите, ребята?

Вавилов толкнул напряженно слушающего Журбу, и весь вагон расхохотался. Хохочут баском — Вавилов, Журба. Суслов — баритоном, политрук — тенорком, молчит одна Мария Павловна.

К о м и с с а р (*уходя, бросает Нолькени*). Будьте здоровеньки, всего вам наилучшего. А ну-ка, хлопцы, проводите веселой песней его благородие.

Нолькен замер, а затем стал медленно пятиться — он ожидал выстрела. Но выстрела не последовало.

К о м и с с а р (*вошел в вагон и кивнул Суслову, подавая ему балалайку*). Веселей, ребята!
Благородию!

Суслов подхватил балалайку, вертанул ее в руках и заиграл «Журавля».

К о м и с с а р (*пристукнул каблуком и запел*).

Соберемся-ка, друзья, да споем про журавля.
Жура, жура, журавель, журавушка да молодой.
Начнем с первых да мы полков,
С кавалергардов-дураков!

В с е (*хором*).

Жура, жура, журавель, журавушка молодой.

А д ъ ю т а н т. Весело у них!

Н о л ь к е н (*круто повернувшись*). Молчите... Идиот! (*Пошел назад, но остановился, услышав голос комиссара.*)

К о м и с с а р (*высунув голову, кричит*). Какого полка, ваше благородие?

Н о л ь к е н. Я — кирасир ее величества.

К о м и с с а р. Ах, кирасир? (*Поет.*)

У кого стоянка, как сортир?
У мариинских кирасир.

В с е.

Жура, жура, журавель, журавушка молодой.

Хор гремит. Кажется, что поет пятьдесят, сто, двести человек. Нолькен идет по проходу и исчезает.

К о м и с с а р.

Вместо носа — одна рана
У гвардейского улана.

В с е.

Жура, жура, журавель, журавушка молодой.

С у с л о в. Ушел!

Песня и музыка обрываются сразу. Суслов берет последний аккорд. Раздается какой-то странный звук. Все вздрагивают. Комиссар с маузером в руке бросается к башенке Суслова.

К о м и с с а р. Что такое, Степа?

С у с л о в. Это струна на балалайке лопнула.

К о м и с с а р (*облегченно вздыхает*). Фу ты! А я испугался, думал ударили с двенадцатидюймового орудия.

С у с л о в. Нет, это басовая. Она всегда так шумит, ежели лопается.

Пауза.

Совсем не видно кирасира...

К о м и с с а р. По местам!

Шесть человек: в публику смотрят Суслов, Мария Павловна и комиссар, в другую сторону — Журба, Вавилов и политрук.

Сейчас опять начнется. Задаром не стрелять! (*Журбе.*) Зиновий!

Журба поворачивает голову.

Положи, друг милый, гранаты поближе: вот сюда, под стол!

Журба подползает и кладет гранаты.

Так! (*Взгляд комиссара падает на тело командира и задерживается на нем.*) Командир велел, чтоб еще на связь пошли. Может, попробовать? (*Смотрит кругом.*) Надо попробовать.

С у с л о в. Кому?

К о м и с с а р. Вот и думаю.

М а р и я П а в л о в н а. Слишком долго думаете Приказы исполняются быстрее.

К о м и с с а р (*как бы не слыша, еще раз осматривается*). Небогатый выбор. Я не могу: командир и комиссар — отпадает. Мария Павловна — подозрительно: женщина. Тоже не годится.

П о л и т р у к. Я — пулеметчик и Степа — пулеметчик. Нам совсем никак нельзя.

К о м и с с а р (*смотрит на Вавилова*). Придется тебе, Федор Матвеевич!

Вавилов оборачивается.

Возраст у тебя только...

В а в и л о в. А что возраст? Возраст мой совершенно средний — пятьдесят годов. (*Встает.*) До свиданья, товарищ комиссар!

К о м и с с а р. Подожди. И ты собирайся, Зиновий.

Журба вскакивает.

Счастливый ты больно, — может, доберешься!

Ж у р б а. А чего не добратся? Не в кабак идем. Доберемся! Только давай скорей, пока офицер не дошел до батареи ихней.

Ходики бьют два раза.

К о м и с с а р. Через полчаса свет будет.

Оглушительный взрыв. Снаряд упал за бронепоездом.

Пристреливаются. Держись, ребята!

Второй снаряд.

Все живы?

О с т а л ь н ы е. Все.

К о м и с с а р. Третий ждать надо: бьет батарея.

Третий снаряд. Он разрывается на крыше вагона. Отрывает куски дерева и железа. Они валяются в вагон. На сцене сразу стало темнее. Пауза.

Ну, как? *(Осматривается.)* Степа?

С у с л о в. Живой пока.

К о м и с с а р. Мария Павловна?

Мария Павловна молчит. Комиссар ползет к ней. Кладет руку на затылок. Ползет обратно. Пауза.

С у с л о в. Она — что? Что она, товарищ комиссар?

К о м и с с а р. Она! Она очень замечательная женщина была, Степа. Сельская учительница.

Пауза.

Что это там, а?

В а в и л о в. Зиновий чтой-то расстроился вроде.

Журба начинает всхлипывать: его бьет нервная дрожь. Комиссар ползком перебегает к нему и садится рядом.

К о м и с с а р. Что с тобой, Зиновий?

Ж у р б а. Убили ее... сволочи. Вот она, смерть... какая...

К о м и с с а р. Ну что ты! Успокойся, голубчик... Нельзя бойцу такие нервности иметь. Ну, посмотри на меня... Хошь, я тебя убаюкаю, верзилу такую. Нашел время нюни пускать!..

П о л и т р у к. Тронулись, товарищ комиссар.

К о м и с с а р (*отскакивает от Журбы*). К бою готовься! Слушай мою команду! Давай!

Работает пулемет политрука.

Журба! Гранаты!

Журба сразу вскочил и кинулся к ручным гранатам.

Забыл, что плакал, стервец!

П о л и т р у к. Наседают.

К о м и с с а р (*подбегает к углу, берется за выключатель*). Давай, счастливчик! Давай, Федор Матвеевич!

Журба и Вавилов бросаются к люку. Свет гаснет.

Стой, Яша!

Слышны разрывы ручных гранат. Снова свет.

П о л и т р у к. Ой, ловко он их пускает!

К о м и с с а р. Лучший метальщик наш Зиновий!

Работает пулемет белых.

П о л и т р у к. Не идут белячки. Остановились.

К о м и с с а р. Наших видать?

П о л и т р у к. Нет, — как в землю ушли.

К о м и с с а р. Укрыться, чем только можно.

Пауза.

Смелый человек Зиновий, правильный боец! Разволновался только. Оно, конечно, понятно!

Пауза.

Ну, вот трое нас теперь.

Пауза.

Если меня убьют, ты, Яша, будешь за командира. Если и тебя не будет, тебе уж, Степа, одному придется тут распорядиться. Обязанность нашу помните. Последнему ее поручаю. Все.

С у с л о в. Пожалуй, скоро теперь офицеры не соберутся. Им с орудия все спокойней. И потерь для них меньше.

К о м и с с а р. Конечно. (*Смотрит на Сулова. Тот сидит сосредоточенно, спокойно.*

Тогда комиссар переводит взгляд на Яшу. Он тоже застыл на месте.) Крепкая молодежь! Надежная смена у нас, хорошая! Побольше таких — какие дела бы завертели!

П о л и т р у к. Будет смена. Растет она.

К о м и с с а р. Безусловно, растет.

Пауза.

Чтой-то ты, Яша, вроде у тебя уши вытянулись?

П о л и т р у к *(спокойно)*. А это, когда я немного волнуюсь, я всегда худею!

Пауза.

Разрешите попросить.

К о м и с с а р. Что?

П о л и т р у к. На одну минуту в паровоз пройти... На Лену посмотреть... Ведь, может, в последний раз...

К о м и с с а р. Не разрешаю!

П о л и т р у к. Виноват!

К о м и с с а р *(смотрит вдруг на портрет)*. Степа!

С у с л о в. Слушаю вас!

К о м и с с а р. А твоего Карла Ваныча осколком прямо в лоб угораздило. Порвалось полотно-то.

С у с л о в. Свои же в его и стреляли. Так ему и надо, ежели он король.

К о м и с с а р. Небось обидно королю от своего класса смерть получить.

Разрыв снаряда. Света на сцене еще меньше.

Опять началось. Держись, хлопцы!

Второй снаряд и тотчас же — третий.

Ничего? *(Смотрит.)* Крепко взялись!

Пауза.

Увидим, Яша, хорошие дни, а?

П о л и т р у к. Мы не увидим — другие увидят.

К о м и с с а р. Хочется, Яша.

П о л и т р у к. Наступят они... Будет прекрасное время...

Пауза.

С у с л о в. Товарищ комиссар, я прошу...

К о м и с с а р. Воды тебе?

С у с л о в. Нет. Я прошу, понимаешь, давно думаю...

К о м и с с а р. Что такое?

С у с л о в. Давно... гложет меня дума и гложет... С вами хочу...

К о м и с с а р. Да ты и так с нами, Степа.

С у с л о в. Ближе хочу... в партию.

Пауза.

К о м и с с а р. Как у тебя, Яша?

П о л и т р у к. Спокойно.

К о м и с с а р. А у тебя, Степа?

С у с л о в. А с моего боку не идут. С моего боку — болото. По тропинке офицер ходит.

Не разойтись тут многим. Ну, так как же, товарищ комиссар?

К о м и с с а р. А! Ну да... Не время сейчас, Степа.

С у с л о в. Как раз сейчас хочу.

К о м и с с а р. Рано тебе, Степа. Не подходишь ты еще.

С у с л о в. Почему, товарищ комиссар?

К о м и с с а р. Понимаешь, сознания в тебе мало. Кто в Козлове разгром на рынке устроил под пьяную лавочку? Не можем, Степа: нам в партии пьяниц не надо.

Разрыв снаряда. Пауза.

С у с л о в. Ты живой, товарищ комиссар?

К о м и с с а р. Живой, Степа.

С у с л о в. Тогда я скажу. Насчет сознания — это правильно: темный я человек. Но только меняются люди. Поучусь — пойму много чего. А пить брошу, не притронусь. Вот честное слово, товарищ комиссар.

Новый снаряд. Он разорвался около задней стенки.

П о л и т р у к. Мне очки разбило. Одно стекло осталось.

Пауза.

Я считаю, что товарищ Суслов всем доказал, что он преданный сын пролетариата, верный защитник своего класса. Потому я считаю, что его в партию кандидатом принять можно, и я голосую «за».

Еще снаряд — он пришелся по паровозу.

К о м и с с а р. Балластом не будешь, Степа?

С у с л о в. Слова этого не знаю, но если оно плохое — не буду, товарищ комиссар.

К о м и с с а р. Смотри, Степа!

С у с л о в. Спасибо, товарищ комиссар. Не подведу. *(Расправил плечи и удобнее устроился у пулемета. Он еще внимательнее смотрит вперед.)*

П о л и т р у к. У меня что-то ладонь чешется.

К о м и с с а р. Какая?

П о л и т р у к. Левая.

К о м и с с а р. Это к деньгам. Получать тебе, Яша, наградные. С вас причитается.

П о л и т р у к. Я хоть с долгами расплачусь. У Вавилова брал. Теперь отдам.
К о м и с с а р. Подожди отдавать — получи раньше.

Пауза.

Здесь у меня нет канцелярии, Степа. Приедем в Москву, там тебе кандидатский билет выпишем.

Новый удар: он поднимает и гнет плиту над башенкой политрука.

Ну, как ты, Яша?

П о л и т р у к (*лежит на пулемете*). Я — ничего. Я... ничего... (*Замолкает.*)

Комиссар прыгает к башенке, поднимается на ступеньки, снимает оттуда Яшу. Он опускает его рядом с телом Гусева, лежащим под шинелями. Бережно укрывает политрука, целует крепко в губы и взбирается на башенку. Занимает место Яши. Проверяет ленту.

К о м и с с а р (*про себя*). Хорошо еще пулемет не покалечили.

Длинная пауза.

Ты о чем думаешь, Степа?

С у с л о в (*после паузы*). О пельменях.

К о м и с с а р (*удивленно*). А чего это тебе на ум взбрело?

С у с л о в. Не знаю. Хотя если подумать, так опять же понятно. Я сам сибирский, вы же знаете, с-под Магнитной. У нас настоящая Сибирь. Мы пельмени очень уважаем. Роскошная блюда!

К о м и с с а р. Может, есть охота? Так вон — хлеб лежит.

С у с л о в. Нет, есть я не хочу.

Пауза.

Ведь это не простая вещь — пельмень! Ее готовить долго надо. Много ума в нее вложено. Какая пельмень, конечно.

К о м и с с а р. А что, разные бывают?

С у с л о в. Разные. Бывают, что в середке мясо сырое — бычье. Бывает — теленка молочного. Поросся еще. Птицей можно: гусятина, скажем, — очень хорошо. Готовят их помногу. Мешками. Она ведь не большая. Во какая. Опять же как делать. Соберутся, скажем, гости к папане про дела говорить. Ну, маманя, конечно, сразу — пельмени. У нас всегда пельмени. Босые, нищие ходим, а пельмени есть. Чудно!

Пауза.

Вроде утро приближается!

К о м и с с а р. И мне тоже так показалось. Теперь недолго ждать, Степа.

С у с л о в. Пожалуй!

Пауза.

Пельмень по-разному подают. У богатых, конечно. Мы все вареные ели. А у тех — иначе. Сперва-наперво в жиру проварят, тогда она плавает. Потом в соленой воде с уксусом. Тогда уже пельмень скользит. Под его водки страсть сколько можно выпить.

Пауза.

Потом еще в казанок заправляют — в топленое масло. Тогда пельмень «бúхнет» называется. А уж напоследок, уже светает...

К о м и с с а р. Да, начинается...

С у с л о в. Нет, это я про Сибирь говорю. Когда уже светает, тогда хозяин идет на улицу, в садок, и берет с собой бутылку чистого спирту. Он ищет в саду веточку рябины, обязательно воробушками наклеванную. И кладет веточку в бутылку. Идет хозяин обратно в дом и ставит спирт с веточкой на стол. И к этому питию подают пельмень другой: на сковородь, накаленную на крутом огне, бросают пельмень. И она, стерва, свой сок дает и подрумянивается. Тогда пельмень — скачет. И под нее пьют спирт. И уж это конец — расходятся гости...

Пауза.

К о м и с с а р. М-да...

С у с л о в. Я вот вез домой родным бутылку спирту, берег, прятал. Вон она за Карл Ивановичем стоит. А что товарищ политрук молчит?

К о м и с с а р (*посмотрел на мертвого политрука*). Отдыхает наш Яша. Умаялся очень.

Пауза.

Может, выпить напоследок?

Суслов опускает голову.

Как ты думаешь, Степа?

С у с л о в. Вы как хотите, а я не буду.

К о м и с с а р. Почему?

С у с л о в. Плохой тот партейный, который вино потребляет. Балласт...

К о м и с с а р (*смутившись*). Так ведь я всего рюмочку...

С у с л о в. Все равно, что рюмка, что четверть: не в «сколько» дело. (*Пауза. Вдруг Суслов оживился.*) Наконец-то!

К о м и с с а р. Что?

С у с л о в. С моего боку пошли. Ну, держись теперь, ваше благородие.

К о м и с с а р. И с моего. Давай, Степа.

Заработали оба пулемета сразу.

Давай!

С у с л о в. Даю, товарищ комиссар.

Снаряд падает снова на то же место. Комиссар застонал. Он судорожно вцепился в ручки пулемета.

Отступают!

Бьют оба пулемета. Суслов прекращает огонь.

Товарищ комиссар!

Комиссар молчит, только бьет его пулемет.

С у с л о в. Товарищ комиссар, как у вас?

Комиссар не отвечает. Он убит. Но пулемет продолжает стрелять. Вот у него кончилась лента — и все стихло.

(Кричит.) Товарищ комиссар! (Тишина.) Господи! Ведь он уже мертвым стрелял!

Пауза.

Значит, я один!

Еще снаряд. Суслов, хотевший было сойти, замер на месте. Вместо того чтобы спуститься по ступенькам, он сползает на пол. Щупает грудь. Хочет что-то сказать. Раздается тихий хрип. Свет почти погас. Суслов, пошатываясь, подошел к столу и зажег свечу. Он спалил вынутые из стола документы.

Что-то я уже ничего не соображаю!

За стеной глухие раскаты грома: это наша артиллерия сбивает белые батареи. Слышно далекое «ура». Топот тысяч копыт. Сигналы трубачей.

И ничего не слышу.

Медленно опускается на пол. Кладет рядом маузер. Идут ходики. Гирька уже у пола.

Помнить последнюю обязанность!

Достает из ящичка в стене шнур.

Будь спокоен, Владимир Ильич; все в порядке!

За стеной — голоса.

Голос Журбы: «Открывайте, ребята, свои!»

Суслов ничего не слышит. Он чиркает спичкой. Спичка гаснет.

Голос Вавилова: «Степа! Отпирай!»

Голос Журбы: «Надо через паровоз попробовать».

Голос Вавилова: «Верно».

Суслов зажег наконец спичку и поднес ее к шнурку — фитилю. Тишина. Ходики остановились. Голоса слышатся со стороны паровоза. Суслов резко поворачивает голову: он услышал. Хватает маузер. Дверь тихо открывается. Суслов целится и стреляет.

Ж у р б а (отшатнувшись, кричит). Стой! Свои! Степа!

С у с л о в. Извините, товарищи! (Рука его опустилась, и он замер в своем углу.)

Ж у р б а входит. Оглядывается. За ним В а в и л о в и К у л и к о в. Голова его перевязана.

К у л и к о в. Кто тут есть?

С у с л о в (слабо). Я.

Фитиль горит. Огонь ползет к ящику в стене. Вавилов и Журба наклоняются к Суслову и пытаются привести его в чувство. Куликов осматривается, замечает фитиль и быстро тушит его. Качает головой.

К у л и к о в (в недоумении, Суслову). Ты что ж это, милый, чуть нас всех на воздух не пустил?

С у с л о в (слабо). Последнюю обязанность помнить...

К у л и к о в. Степушка, друг, это я, Семен Куликов! Видишь, вернулся. И Сико жив...

Голос начальника дивизии: «Открывайте дверь!»

Журба открывает дверь. Входит н а ч а л ь н и к д и в и з и и.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Благодарю вас, товарищи. Вы прекрасно выполнили боевое задание. Теперь уже не упустим врага, будьте спокойны.

Пауза.

А где команда бронепоезда? Где комиссар — товарищ Лосенко?

К у л и к о в. Все молчат, товарищ начальник. Тут один только живой. (Озирается. Видит на башенке комиссара.) Вот он!

Пауза.

Ох, не вовремя, Никита Андреевич, умерли. Как мы теперь бронепоезд без вас поведем? Вот какая беда!

Н а ч а л ь н и к ш т а б а (входя). Путь исправлен, товарищ начальник.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Спасибо, Петр Федорович! Как паровоз?

Н а ч а л ь н и к ш т а б а. Сейчас сменим. Запасной пришел с Узловой!

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Есть кем заменить команду?

Н а ч а л ь н и к ш т а б а. Есть, товарищ начальник. *(Подходит к двери, кричит.)* Давай!

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и *(Куликову)*. Ну вот и пойдет бронепоезд!

Входят в з в о д н ы й и уже знакомые нам по сцене у костра к р а с н о а р м е й ц ы; они вводят пленного Н о л ь к е н а.

В з в о д н ы й *(обращаясь к начальнику дивизии)*. Вот, товарищ начальник, с первой партии — господин офицер. *(Передает начальнику дивизии документы.)* При нем были.

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и *(смотрит документы)*. Это ваши бумаги?

Нолькен молчит.

Я спрашиваю: это ваши бумаги?

Нолькен не отвечает, он смотрит вокруг себя.

Вы оглохли, что ли?

Н о л ь к е н. Я ничего не скажу... Сколько их было в бронепоезде?

Н а ч а л ь н и к д и в и з и и. Я вам отвечу: двенадцать человек.

Нолькен опускает голову и устало садится на патронный ящик. Суслов очнулся на миг. Вавилов и Куликов обнимают Суслова. Журба подхватил его на руки и понес. Они на авансцене. Становится светло. Оркестр грянул марш. Начальник дивизии смотрит в дверь. Оркестр приближается.

С у с л о в. Когда... доживете, братцы, до хороших дней...

К у л и к о в. Ну что, дорогой?

С у с л о в. Расскажите молодым, как мы побеждали!

К у л и к о в *(смотрит на Суслова и говорит в зал)*. Расскажем, товарищ!

Начальник дивизии подал знак. Раздается свисток. И под звуки победного марша трогается вперед, к новым боям и новым победам, бронепоезд, носивший раньше название «Князь Мстислав Удалой».

З а н а в е с.

ГОД ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ (ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА)

Пьеса в четырех действиях, семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лукин Андрей Матвеевич — член Реввоенсовета

Тетя Шура

Нестор

Ивин

Акопян

Багиров

Шайтан

Штабной

Ася

Нюся

Инженер

Ильинична

Василий

Леня

Партизан

Курсант

Женщина из детдома

Пленный генерал

Рогацкий — коммерсант

Залиев — журналист

Капитан

Лейтенант

Английский офицер

Агент

Полицейский

Пристав

Первый военный

Второй военный

Сухарев

Комиссар, бежавший с фронта

Шофер

Вестовой

Женщина-политработник

Красноармеец

Два матроса

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

„Нефть! Нужна нефть“

Июнь 1919 года. Астрахань. Комната Лукина. Темнеет. За окном звучит военный марш. Проплыли знамена и штывки уходящего на фронт отряда. Глухо доносятся орудийные выстрелы. У стола сидит Ильинична. С балкона входит Шайтан.

Ильинична (*крестится*). И когда все это кончится?

Шайтан. Скоро!

Ильинична. Дай бог. Пять лет воюет народ... То с немцами, теперь — друг с дружкой. (*Пожав плечами.*) И чего это они не поделили?

Шайтан. Очень много всякой нечисти водится на земле, мамаша. Вот и подчищаем!

Ильинична. А они — вас! Так никого в живых и не останется.

Шайтан. Останется, не беспокойся!

Пауза.

Их меньше! А нас — вся Россия! Так что нам полегче будет их... к ногтю прижать!

Ильинична. Очень ты личность сердитая!

Шайтан. Должность у меня, мамаша, такая. Состою на страже диктатуры... Так что к ним добрым быть — я извиняюсь!

Ильинична. Не зря тебя в городе чертом зовут! Шайтаном! Бьешь народ?

Шайтан (*резко*). Народ не бью. Бью врагов народа! Уничтожаю их без всякой жалости... Чтобы потом жилось хорошо...

Пауза. Звонок телефона.

(*Снимает трубку.*) Ну? Нету его! Что ты, чудило! Он с пяти утра части объезжает. (*Положил трубку.*) Вы, мамаша, хоть свет бы зажгли.

Ильинична. Мне видать!

Шайтан. Да не об вас моя забота! Через несколько минут соберутся.

Ильинична. Ну тогда и зажгем!

Орудийные выстрелы совсем близко.

Все перепуталось: семьи — врозь, мужья на войне, в домах слезы! Где сын мой единственный?

Шайтан. Не знаю я, где ваш сын, и... куда занес его ветер от такой мамаша?

Входит Ленья.

Чего тебе, Леня?

Л е н я. Идите вниз, товарищ комендант. Пришли двое.

Шайтан и Леня уходят.

И л ь и н и ч н а (*не заметив, что Шайтан вышел, отвечает ему*). Куда занес его ветер! Разве скажет кто? Полгода назад, ночью, вбежал, дрожит. «Мама, говорит, прощайте!» — и ушел задними дворами! (*Повернула голову и увидела входящих Нестора и Ивина.*)

Н е с т о р. Здравствуйте, хозяйка.

И л ь и н и ч н а. Здравствуйте.

Н е с т о р. Никак мы первые?

И л ь и н и ч н а. Ну и будьте гостями.

И в и н (*Нестору*). Это кто?

Н е с т о р. Вроде... как бы сказать... Ну...

И л ь и н и ч н а (*услышав их разговор*). За хозяйством я здесь смотрю.

И в и н. Ага!

И л ь и н и ч н а. Если хотите, чай приготовлю.

Н е с т о р. Можно и чай.

И л ь и н и ч н а. Только еды к нему никакой не будет.

Н е с т о р (*улыбнувшись*). Ну что ж, можно и без еды!

Ильинична уходит.

И в и н. Значит, так и неизвестно, зачем вызвал?

Н е с т о р. Не знаю! (*Выходит на балкон.*) Вон уходят белые корабли! Уж третий раз обстрелять город пытаются.

И в и н. Это, наверно, больше для видимости, для паники... А чего наши миноносцы? Прижались к пристаням, и... Вышли бы!

Н е с т о р (*вздыхнув*). Топливо, брат, топливо! Каждый фунт на счету!

Входит штабной.

Ш т а б н о й. Приказано было ровно в девять. Я не опоздал?

Н е с т о р. Часов, товарищ, не имею. Должно быть, девять!

Ильинична вносит чайник и кружки. Ставит на стол.

И л ь и н и ч н а. Кипяток — заваренный. (*Вынимает из фартука кулечек, кладет рядом с чайником.*) Сахар кушайте аккуратно. Каждый больше одного куска не берите. (*Зажигает свет и уходит.*)

Далекий гул, похожий на гудок. Нестор и Ивин прислушиваются Смотрят на штабного.

Н е с т о р. Это что такое?

Ш т а б н о й. Конец стрельбы. Отбой! (*Смотрит на свои часы, говорит с удивлением.*)

Орудия били сорок шесть минут, выпустили около сотни снарядов, и, представьте себе, попаданий не было!

Н е с т о р (*переглянувшись с Ивиным*). А вам это нравится?

Ш т а б н о й. Нет... но прямо, знаете, удивительно! Кадровое офицерство, а стрелять разучились!

И в и н (*тихо, Нестору*). Ишь об чем они заботятся! (*Штабному.*) А может, дорогой товарищ, на белых кораблях прислуга интересу не имеет, чтобы в нас попадания были? Тогда что?

Н е с т о р. Так оно, наверно, и есть! (*Штабному.*) Вы не учитываете этого факта, товарищ?

Ш т а б н о й. Я не учитываю такого факта, голубчик, потому что в старой теории артиллерийской стрельбы о возможности такого факта ничего не сказано.

Входит Ася. Нестор кивнул ей головой, улыбнулся. Ася ответила ему и села у рояля. Вынула книгу, читает.

И в и н (*Нестору*). А детей сюда зачем же?

Ася покосилась на Ивина. Тот смущенно замолчал. Ася продолжает читать.

Ш т а б н о й. Действительно, странно! (*Асе.*) А вы... что... тоже на заседание?

А с я (*не отрываясь от чтения*). Да!

Ш т а б н о й. Вам... сколько же лет?

А с я (*читает*). Восемнадцать.

Ш т а б н о й. И что же вы можете... в таком возрасте?

А с я. Очень немного!

И в и н. На пианино играете?

А с я. Играю.

Пауза. Ася читает.

Ш т а б н о й. А что вы делали до сих пор?

А с я. До шестнадцати лет училась.

Ш т а б н о й. А потом?

Ася не нашлась сразу, ее выручил Нестор.

Н е с т о р. А потом она делала революцию.

И в и н (*штабному, кивнув на Асю, полушутя*). Серьезный ребенок!

Ш т а б н о й (*Нестору*). Революции происходят от классовых сдвигов, так, кажется, а не от... ручек хорошенькой барышни?

Н е с т о р (*объясняя штабному*). Эта хорошенькая барышня, товарищ дорогой, прошла уже кое-какой путь! Из Баку — нелегально в Тифлис, оттуда в Батум, на английском миноносце с чемоданом, полным листовок, в деникинский Новороссийск!

Пауза.

Из Новороссийска в Ростов. Оттуда через фронт ее переправила наша подпольная организация! В общем (*взглянув на Ивину*), действительно серьезный... ребенок!

Ш т а б н о й (*смущенно, Асе*). Простите... я не думал... Не знал. И вас, что... не раскрыли?

А с я. Нет. На миноносце даже офицер ухаживал. Англичанин.

Входит в е с т о в о й, передает пакет штабному. Штабной вскрывает, хмурится, кивнул вестовому. Тот уходит.

Пауза.

Ш т а б н о й (*Асе*). Англичанин? Вы знаете языки?

А с я. Нет. Он свободно говорил по-русски!

Входит Н ю с я.

Н ю с я. Здравствуйте. (*Асе*.) Что ты читаешь?

А с я. Толстого.

Н ю с я (*смотря в книгу*). «Кзаки»?

А с я. Ага!

Н ю с я. Замечательная книга. (*Садится рядом с Асей*.)

Входит т е т я Ш у р а.

Т е т я Ш у р а (*Ивину*). Здравствуй, парень! (*Крепко жмет ему руку. Нестору*.) А, и ты здесь? Здравствуй, парень. Молодец какой! (*Здоровается с Нестором. Хлопает по плечу штабного, сидящего к ней спиной*.) Здравствуй, парень!

Ш т а б н о й (*оборачиваясь*). Я — не парень! Моя фамилия — Тихонов. Из штаба армии.

Пауза.

Т е т я Ш у р а. Знаю вас. (*Смотрит внимательно*.) Встречались! Генерал-майор Тихонов?

Ш т а б н о й (*слегка смутившись, встает*). Да... Был генералом.

Т е т я Ш у р а. Командир четырнадцатой бригады. Стояли вы... в Барановичах, на Западном фронте... Не помните меня?

Ш т а б н о й. Нет.

Т е т я Ш у р а. Я была там... Мой муж служил у вас... в пятнадцатом году.

Ш т а б н о й. Он был офицером?

Т е т я Ш у р а. Нет, рядовым... в дисциплинарном батальоне. Его пригнали из ссылки... С туберкулезом в последней стадии...

Пауза.

Я просила вас уволить его в отпуск. Дать ему хотя бы... умереть спокойно...

Ш т а б н о й. Не помню...

Т е т я Ш у р а. Вы подумали... и разрешили. Вас считали добрым... тогда.

Ш т а б н о й. Это просто было... человечно...

Т е т я Ш у р а. Да... тогда это был... очень хороший поступок... Спасибо. (*Нестору.*)

По каким делам нас сюда?

Н е с т о р. Не знаю.

Дверь открывается, стремительно входит Лукин, за ним двое военных.

Л у к и н (*первому военному*). Зря спрашиваешь! Резервов нет: ни одной роты! (*Штабному.*) Александр Васильевич! Завтра на Джимбайский участок подкиньте батарею! Тридцать снарядов на орудие!

П е р в ы й в о е н н ы й. Андрей Матвеевич!

Л у к и н (*первому военному*). Лети обратно! Держитесь тем, что есть! И — ни шагу назад! (*Второму военному.*) Соберешь с утра комиссаров первого полка и накрутишь им хвост! Хватит отдыхать! К вечеру двинем на северный участок! Все!

П е р в ы й в о е н н ы й. Андрей Матвеевич!

Л у к и н. Все! Все!

Оба военные козыряют и уходят. Лукин провожает их до дверей, затем возвращается.

Здравствуйте, товарищи! (*Проходит к столу.*)

Т е т я Ш у р а. Здравствуй, Андрюша! Что случилось?

Л у к и н. Сейчас... (*Штабному.*) Новости?

Штабной передает ему пакет. Лукин быстро пробегает глазами ленту прямого провода.

Н е с т о р (*тихо, Нюсе*). Ты его давно не видела?

Н ю с я. Давно! Мы ведь только сейчас... из-за границы!

Штабной услышал эти слова, быстро посмотрел на Асю, а затем подвинул Нюсе свой стул.

Ш т а б н о й (*с уважением*). Садитесь, пожалуйста.

Н ю с я. Спасибо! (*Села.*)

Звонок телефона.

Л у к и н (*снимает трубку*). Я, Лукин! Нет бензина! (*Бросает трубку.*) Чай пили?

Н е с т о р. Нет еще.

Л у к и н. А где баранки?

И в и н. Не было баранок, товарищ Лукин.

Л у к и н. Я ведь сказал, чтобы давали баранки.

И в и н. Нет, баранок все-таки не было.

Л у к и н (*покосившись на дверь*). Это — Ильинична...

Пауза.

Так, вот, товарищи... Нам... нужна... нефть!

Пауза.

И с бензином стало чертовски туго! Из Москвы куча телеграмм. Самых тревожных. Сейчас нефть определяет исход боев! Без преувеличения говорю: бензин решает судьбу революции! И нам отсюда, из Астрахани, надо дать этот бензин!

Пауза.

Вчера... Десятая армия вынуждена была оставить... Царицын.

Все переглянулись. Тетя Шура встала.

Создалась опасность соединения сил Деникина и Колчака. Здесь, в Астрахани, нас пытаются взять в кольцо! С Гурьева нажимают казаки полковника Хлудова. В Кизлярском направлении проявляет активность группа генерала Эрдели! С моря...

В дверях появляется Сухарев.

Сухарев! Ты еще здесь?

С у х а р е в. Еду вечером.

Л у к и н. Ну что, наскреб?

С у х а р е в. Двадцать бочек, товарищ Лукин.

Л у к и н. Это я знаю. А еще?

С у х а р е в. Больше ничего нет... ни одной капли! Как же мы... Не знаю, не смею с этим вернуться! Надо минимум пятьдесят! Все бронечасты и самолеты из-за этого без движения! На вас была вся надежда!

Пауза.

Что прикажете доложить товарищу Фрунзе?

Л у к и н. Доложишь: будет бензин... через три недели!

С у х а р е в. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Пауза.

Ш т а б н о й. Разрешите сказать?

Лукин кивнул головой.

На Каспийском море сейчас двадцать шесть неприятельских судов! Превосходство сил неприятеля — втрое.

Л у к и н. Мы окружены здесь со всех сторон... но... мы должны и мы будем снабжать армию бензином и нефтью.

Н е с т о р. Это все понятно, но... ее же нет в Астрахани.

Л у к и н. Здесь ее нет. Наша нефть в Грозном и Баку. Грозный — у белых... О Баку поговорим. Там теперь фактически правит английский генерал-губернатор за спиной у местной буржуазии. На нефтепромыслах застой: нефти девать некуда. Так вот: надо наладить снабжение Астрахани нефтью и бензином из Баку немедленно и любой ценой!

И в и н. Ну и давай! В чем же дело?

Лукин посмотрел на Ивина. Тот смутился.

Я говорю, может, купить можно... у этих... как их... турок?

Л у к и н. Нельзя. С Деникиным у них шуры-муры, да и английская контрразведка не зекает...

Ш т а б н о й. К тому же между Астраханью и Баку — белые крейсера... *(Нестору.)* Обо всякой открытой сделке будет тут же сообщено в Дербент и Петровск... *(Поправил френч, снова посмотрел на Асю и, указав на карте, почтительно объяснил.)* Это здесь, мадемуазель!

А с я *(перекинувшись взглядом с Нюсей)*. Спасибо! Я знаю, где находятся эти города.

Л у к и н. В Дербенте и Петровске — деникинцы... пока...

Ш т а б н о й. И ситуация не такая, чтобы можно было ждать изменений.

Л у к и н. Ну, это мы еще посмотрим! Надо группе товарищей пробраться в Баку, связаться с бакинским комитетом партии. Сколотить для этого дела крепкую группу своих ребят из тех...

Т е т я Ш у р а. Кто остался в живых от разгрома...

Л у к и н. По моим сведениям, организация уже встала на ноги! Мы обсудили в Реввоенсовете и остановились на вас... Поехать должны пять человек, пять коммунистов: ты — Шура, Ася, Нюся, Ивин, и... Нестор.

Пауза.

Что скажете?

Пауза.

Т е т я Ш у р а. Поедем.

Н е с т о р. Погрузим, Андрей Матвеевич! Непременно погрузим.

Л у к и н. Ты только сейчас вернулась, Шура. Проскочила удачно... Может быть... отдохнешь?

Т е т я Ш у р а. Отдохнуть не мешало бы...

Пауза.

Да нет... надо, значит — едем!

Л у к и н *(Асе и Нюсе)*. А вы, шустренькие? *(Улыбнулся.)*

Н ю с я. Поедем морем?

Л у к и н *(через стол погладил ее по голове)*. Морем, Нюся, морем! *(Оборачивается к Нестору и Ивину.)*

Н е с т о р *(предупреждая)*. Мы едем, Андрей Матвеевич!

Л у к и н. Хорошо!

Пауза.

Дело, товарищи, конечно, нелегкое...

Ш т а б н о й. Позвольте добавить... В Баку за этот бензин... не поглядят по головке. В случае неудачи, насколько мне известно, вас в Баку держать не будут. Отправят через границу к белым... А там...

Н ю с я. Меня интересует: когда мы поедем? (*Штабному.*) Как вы нас переправите?

Ш т а б н о й. Очевидно, наиболее легкий путь — на «туркменке» или на персидском паруснике... Может быть, удастся. Возможно, таким способом вы доберетесь до Баку.

Л у к и н. Так! Есть еще вопросы?

Т е т я Ш у р а. Кто отвечает за экспедицию?

Л у к и н. Ты, Шура, — за базу. Нестор — за погрузку и доставку. Деньги и ценности получите завтра в штабе!

Пауза.

Появляется Ш а й т а н. Он и Нюся отходят к балкону.

Ш т а б н о й. Я могу быть свободным?

Л у к и н. Александр Васильевич! Об одном хотел просить вас. Слова: «очевидно», «может быть», «возможно» — не годятся. Вы ими больше не пользуйтесь, они нам непонятны!

Ш т а б н о й. Это обыкновенные русские слова. Я произношу их пятьдесят пять лет. Чем прикажете заменить?

Л у к и н (*спокойно*). Не приказываю, а просто рекомендую, Александр Васильевич! Вместо «очевидно» лучше говорить «наверно», вместо «может быть» — «должно быть» и так далее. Это не очень сложное упражнение! (*Улыбается.*) Займитесь этим, если найдется свободная минута.

Ш т а б н о й. Слушаюсь, товарищ Лукин.

Л у к и н. Побудьте с нами, Александр Васильевич.

Штабной садится.

Шура, ты там няней была?

Т е т я Ш у р а. Няней. А Нюся — моей сироткой.

Л у к и н. Для Баку это не годится. Надо найти что-нибудь другое. Я приготовлю для вас все инструкции, письма... Ты зайдешь завтра ко мне!

Т е т я Ш у р а. В котором часу?

Л у к и н. Утром, в девять!

Н е с т о р. Есть у нас один баркас на примете. Хозяин — контрабандист.

Ш а й т а н. Я взял его в работу... Он давай кричать: «Не имеете права, я персидский подданный». Хотели пустить его налево — передумали: может, пригодится. Работает, чую, в английской контрразведке, сукин сын!

Л у к и н. Хорошая фирма! Он и повезет вас.

Н е с т о р. Надо только это как следует обставить.

И в и н. Сделаем, Андрей Матвеевич.

Л у к и н. Сначала поедут женщины.

Ш а й т а н. И уж я проверю, как они доберутся!

Т е т я Ш у р а (*Шайтану*). Не тронут... (*Лукину*.) Это он обо мне волнуется. Правда, Шайтан?

Шайтан смотрит на Нюсю.

Или, может быть, не обо мне?

Ш а й т а н. При чем тут это? Все вы — мои товарищи! (*Взяв Нюсю под руку, выходит с ней на балкон.*)

Л у к и н. Ну, хватит на сегодня!

Ася садится к роялю. Берет аккорд, другой. Играет. Все молча слушают. За дверью шум. Шайтан идет к дверям и возвращается с к о м и с с а р о м. Пауза. Ася играет совсем тихо.

К о м и с с а р (*осматриваясь*). Так-так, чаек попиваете? А мы там на фронте...

Л у к и н (*посмотрел на вошедшего*). Почему ты здесь?

К о м и с с а р. Не могу... Нет сил удержать! Три роты, что, из зеленых сформировали, бросили свой, участок! Митингуют. Не уйди я — самосудом бы кончили!

Л у к и н. Понятно. Бежал?

К о м и с с а р. Я только объяснить хотел... Там ни один комиссар не справится!

Л у к и н. Комиссар справится — настоящий! А ты...

К о м и с с а р. Я месяц под пулями. Не могу больше.

Л у к и н. Вижу, что не можешь! Дай партбилет.

К о м и с с а р. Андрей Матв... Товарищ член Реввоенсовета!

Л у к и н. Партбилет!

Пауза.

Комиссар вынимает партбилет и протягивает его Лукину.

Шайтан! Отправить в штаб под конвоем!

Ш а й т а н. Оружие!

Комиссар отдает наган. Но Шайтана это не удовлетворяет. Он еще раз протягивает руку.

Давай, давай!

Комиссар достает из брючного кармана браунинг. Шайтан прячет его.

(Строго говорит.) Прошу!

Комиссар идет вперед. Шайтан за ним. Лукин снимает трубку телефона.

Л у к и н. Дайте Особый отдел! Семенов? Я сейчас отправил к тебе комиссара сводного

полка Тищенко! Бросил часть! Да, да, драпанул с фронта. Направь его рядовым красноармейцем в какую-нибудь часть. Ну, к Петрову, что ли!.. Пусть возьмет его в работу как следует! (*Положил трубку. Собравшимся.*) Не состоится наш концерт.

Ася перестает играть.

В шесть утра едем на этот участок! (*Штабному.*) И вы со мной, Александр Васильевич! (*Нестору.*) Ты главным образом держись моряков... Найдешь немало знакомых. Если у меня здесь будет неудача, вы работу не бросайте! Гоните нефть и бензин на север... Уйдем в степи, береговой пункт наметим, — сообщу вам, найду способ. Еще письмо к Микояну дам... Вы слышали про такого. Крепкий человек, наш товарищ — руководит там подпольем. Микоян оружие просит: вооружать понемногу рабочих. Что ж, наладите вот транспорт нефти, — обратным рейсом винтовки погоним! (*Шуре.*) Как считаешь, наладите вместе с бакинцами отpravку?

Т е т я Ш у р а. Для этого ведь едем, Андрюша!

Л у к и н. Правильно! Дело ставьте с размахом! Не знаю я вот обстановки тамошней, но думаю, что путь для покупки будет полулегальный, через какого-нибудь купца, вроде для контрабанды... в Персию или в Красноводск! Понятно? А в море сюда поворачивать! Так вернее будет! Хотя там Микоян! Он научит!

Ш а й т а н появляется в дверях.

Т е т я Ш у р а. К вечеру будем готовы...

Л у к и н. Я еще поработаю! До свидания, товарищи! (*Целуется с тетей Шурой, Нестором, Ивиным, подходит к Асе.*) До свидания, родная... (*Нюсе.*) А тебя Шайтан поцелует! Счастливым путем! (*Уходит. В дверях, улыбаясь.*) Смотрите, чтобы работа и бензин были... чистыми... самого первого сорта! (*Уходит.*)

Т е т я Ш у р а (*ему вслед*). Постараемся. (*Нестору.*) Завтра рано утром — у меня!

Ш а й т а н (*тихо, Нюсе*). Я тоже приду... попрощаться...

Все уходят. Входит И ль и н и ч н а. Она подходит к столу, медленно считает сахар. Из соседней комнаты раздается голос Лукина: «Это ты, Шайтан?»

И ль и н и ч н а. Нет, это я.

Л у к и н (*входит без френча*). Подожди! Ты почему баранки не поставила?

И ль и н и ч н а. Не нашла... тогда. Садись, кушай.

Л у к и н. Не буду... Зачем ты жадничаешь, мать? Нельзя так.

И ль и н и ч н а. Ешь, засохнут они!

Л у к и н. Не надо мне...

Пауза.

Лукин разбирает бумаги на столе. Входит Ш а й т а н.

И ль и н и ч н а (*косясь на Шайтана*). Инженер к тебе приходил. Шайтан не пустил.

Л у к и н. Ты почему инженера ко мне не пропустил?

Ш а й т а н. Он (*бьет себя пальцем по лбу*) сумасшедший.

Л у к и н. А ты откуда знаешь?

Ш а й т а н. Говорит что-то очень чудное. (*Грозит старухе пальцем.*) И потом — не могу я неизвестных, каждого-всякого к вам пропускать. Кричал, что изобретатель... Какие-то планы в руки совал...

Л у к и н (*резко*). Приказываю!

Шайтан вытянул руки по швам.

Придет — немедленно пропустить.

Ш а й т а н. Есть пропустить!

Л у к и н. Можете ложиться, товарищи!

Шайтан уходит. Ильинична смотрит на Лукина.

Ты принесла будильник? Мне надо завтра рано проснуться, в три.

И л ь и н и ч н а. Зачем?

Л у к и н. По делу.

И л ь и н и ч н а. Какие же ночью дела, когда вся земля отдыхает?

Л у к и н. Земля, мать, не отдыхает. Бушует земля...

Пауза.

И л ь и н и ч н а. Вот ты хороший, а мечешься... Пищи потребляешь мало, да и нет здесь ее, пищи-то!

Л у к и н. Будет, все будет!

Пауза.

И л ь и н и ч н а. Все нации против вас... А как победят они? Схватят тебя, раба божьего... куда угонят? В Сибирь, на каторгу. А то и повесят за комиссарские твои дела.

Л у к и н. Ничего, мать, авось не повесят!

Пауза.

И л ь и н и ч н а. Сердце болит. Сын у меня был... Где он? И тебя заберут...

Л у к и н. Ну, может, не заберут... Наша возьмет, старушка... Тогда сына твоего разыщем...

И л ь и н и ч н а. Дай бог!

Л у к и н. Вот кончим войну и разыщем. Иди! Спи спокойно.

Ильинична уходит. Лукин выходит на балкон. Входят Шайтан и партизан.

Ш а й т а н. Уже на покое! Нельзя к нему!

П а р т и з а н. Надо, голубок! Понимаешь — надо.

Л у к и н (*с балкона*). В чем дело?

П а р т и з а н. Здоров будь, Андрей Матвеевич!

Л у к и н. Здравствуй. (*Вдруг.*) Ой, Никаша? Откуда? С Терека, что ли?

П а р т и з а н. Партизанам, Андрей Матвеевич! За советскую власть партизанам!

Л у к и н. Где?

П а р т и з а н. Сидим, понимаешь, с товарищами в камышах, в плавнях и разливах терских! Беспокоим белую гвардию, беспокоим как следует. Вот только не знаем, кому из нас быть за главного. Послали к тебе — все тебя помнят. Говорят: «Как Лукин скажет, так и будет!» Вот, понимаешь, какие дела!

Л у к и н. А сколько вас?

П а р т и з а н. А сколько тебе надо?

Л у к и н. Чем больше, Никаша, тем лучше!

П а р т и з а н. Много, Андрей Матвеевич, не наберется! Если считать с малолетними — человек триста будет! Но беспокойство приносим большое. Именуемся первой партизанской армией!

Л у к и н. О! А как вооружены?

П а р т и з а н. Есть кое-что. Ну, винтовки, наганы, сабли, пулеметы...

Л у к и н. Сколько пулеметов-то?

П а р т и з а н. Один!

Л у к и н (*смеясь*). Так! А коммунисты есть?

П а р т и з а н. Извиняюсь, Андрей Матвеевич, нету! Зато грамотных двое!

Л у к и н. Так! Ну, а сами кого думали?

П а р т и з а н. Есть, конечно, подходящие...

Л у к и н. Вот, я помню, был старик... (*Вспоминая.*) Как его? Бодров?

П а р т и з а н. Добров.

Л у к и н. Да, да, Добров! Жив еще?

П а р т и з а н. Добров жив! Федор Григорьевич с нами! Ему и быть по старшинству: семьдесят пять годов! Уважением пользуется!

Л у к и н (*улыбаясь*). Пожалуй, нужен помоложе.

П а р т и з а н. Ты не смейся, старик крепкий. Телку на плечиках носит легко. (*Задумавшись.*) Может, Алешу Кочетова... Хотя молод еще... ему лет пятьдесят с малым всего...

Л у к и н (*вдруг*). А почему тебя, Никаша, послали?

П а р т и з а н. Потому и послали, что знали — наверняка доберусь!

Л у к и н. А как добрался?

П а р т и з а н. Эх, Андрей Матвеевич, у кого спрашиваешь? Я где хошь пройти могу! Главное — белые посты миновать было трудно. Ну да ведь места-то сызмальства знакомые, как свои пять. Кое-где, знаешь, и на брюхе ползти пришлось... Ну, а степью — это вроде прогулки: двести пятьдесят верст! Как иноходчик — в семь дней домчал!

Пауза.

Л у к и н. Так! Ну, значит, тебя и назначаю.

П а р т и з а н. Что ты, что ты? Да разве можно?

Л у к и н. Места ты знаешь хорошо, людей — тоже! На тебя я надеяться могу! Будешь за главного. А помощника я тебе пришлю! Ну, поздравляю вас, товарищ командующий армией!

П а р т и з а н. Ух ты! Ну, раз так, пиши для порядку бумагу! Пиши... на форменной бланке, как полагается, с печатью! И фамилию мою проставь: Левшин Никанор Петрович!

Лукин берет бумагу, быстро пишет и ставит печать. Передает ее партизану. Партизан прячет бумагу в палку.

Лукин (смотря с любопытством на палку). Предусмотрительный ты, Никаша!

Партизан. А как же, Андрей Матвеевич! Ну, будь здоров! Жди вестей!

Лукин. Отдохнул бы тут...

Партизан. Вот белых добьем, тогда и отдохнем! А сейчас, извиняюсь, некогда! Переночую — и айда! До скорого, Андрей Матвеевич!

Лукин. Счастливым путем, Никита!

Партизан. Спасибо. (Смотрит на палку с документом, пожимает плечами.) Вот это да! (Уходит.)

Пауза. Лукин тушит свет и проходит в свою комнату. На цыпочках входит Л е н я. Луна освещает комнату. Тишина. Бесшумно появляется Ш а й т а н. Леня вскакивает. У него в руках блеснул маузер.

Шайтан (машет на него руками, шепотом). Это я. Проверяю посты.

Пауза. Леня садится.

В двенадцать сменим тебя. Ну, рапортуй мне, только тихо!

Л е н я (снова вскакивает). Стою на посту номер три! Охраняю жизнь и покой моего начальника — Лукина Андрея Матвеевича!

Шайтан. Пароль?

Л е н я. Винтовка.

Шайтан. Отзыв?

Л е н я. Воронеж.

Шайтан. Так!

Пауза.

(Оглядел комнату.) Так. (Посмотрел в окно.) Так! Да будет так! (Уходит.)

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина вторая

В „демократическом раю“

Комната с верандой. Вечереет. За садом вдалеке виднеется окраина Баку. Море. На сцене А с я. В дверях И в и н.

И в и н (*осматривая комнату*). Ух ты! Хорошо устроились. Не то что я — которые сутки уже на свежем воздухе.

А с я (*указывая на трость и шляпу*). Рогацкий!

И в и н. Какой Рогацкий?

А с я. Тот спекулянт, про которого я тебе говорила. Вон он с Шурой в саду гуляет.

И в и н. Когда же со мной-то решится?

А с я. Сегодня. Только имей в виду: нанимать тебя будут при посторонних.

И в и н. Ага!

Слышны приближающиеся голоса тети Шуры и Рогацкого.

А с я. Идут! Давай!

Уходят. Пауза. Входит Р о г а ц к и й и т е т я Ш у р а.

Р о г а ц к и й. Скажу вам, Александра Ивановна, что коммерция — двигатель государственного хозяйства. Поэтому особенно рекомендую пересмотреть вашу столь оригинальную точку зрения!

Т е т я Ш у р а. Хватит, батенька! Наторговались! Это что ж такое получается? Дома были, лавки были, все полным-полно товару! Никого не трогали, никого не обижали... И вдруг, пожалуйста, — отовсюду выгнали, все отобрали, крови лишили. Еще, слава богу, хоть жизнь оставили.

Р о г а ц к и й. Здесь, в демократической республике, человеческая личность неприкосновенна.

Т е т я Ш у р а. В республике! Там тоже — республика. Непрочное это дело — республика — для торгового человека! Нет, уважаемый, то, что я привезла, это так немного, что если и его лишиться, тогда хоть по миру иди! А у меня дочка... Кто ее возьмет без приданого?

Р о г а ц к и й (*восторженно*). Каждый человек сочтет за честь. Ваша дочь... Ваша Анна Петровна! Господи! Да будь я помоложе... А что касается первых ваших мыслей — решительно протестую! Держать деньги и ценности в сундуках некультурно. Надо поместить средства в надежное, солидное предприятие!

В окне появляется Н ю с я. Коммерсант вскакивает, почтительно ее приветствует.

Н ю с я. Мамочка! Здравствуйте, мсье Рогацкий.

Р о г а ц к и й. Добрый вечер, Анна Петровна!

Н ю с я. Добрый вечер. Мамочка, у меня гость в саду — мсье Залиев.

Т е т я Ш у р а. Кто это? Не помню.

Н ю с я. Тот журналист, который описал наше бегство из России.

Р о г а ц к и й. Читал с огромным волнением. И несмотря на то, что мы не были еще знакомы, я плакал, многоуважаемая Александра Ивановна!..

Т е т я Ш у р а. Э, да разве расскажешь все то, что мы пережили! (*Нюсе.*) Где же он, твой гость?

Н ю с я. Я попрошу его сюда. (*Выходит на веранду.*)

Р о г а ц к и й (*ей вслед*). Очаровательна!

Т е т я Ш у р а. Да чего говорить, девка хороша... Замуж бы выдать как следует, а там и умереть.

Р о г а ц к и й. Ну что вы, многоуважаемая! Мы еще проживем! Каких дел понаделаем! А что касается того, что я вам говорил о нефти и бензине...

Т е т я Ш у р а. Ну?

Р о г а ц к и й. Надейтесь на меня. Вообще русскому купцу лучшего хозяина, чем англичане, не требуется! Торговый народ!

Входит Нестор. Рогацкий замолкает.

Т е т я Ш у р а. Что тебе?

Н е с т о р. Мужик пришел, который с нами сюда ехал, Степан.

Т е т я Ш у р а. А на что он мне?

Н е с т о р. Наниматься. Говорит, может за кучера, за садовника может.

Т е т я Ш у р а. Не надо. Мне и тебя, дармоеда, достаточно.

Н е с т о р. Зачем дармоеда? Я — дворник.

Т е т я Ш у р а (*строго*). Ну, ладно! Подождет твой мужик.

Н е с т о р. Виноват, барыня... Ты знаешь...

Т е т я Ш у р а. И не «ты», а «вы»... Пошел вон!

Нестор уходит. На веранду поднимаются Нюся и Залиев.

Н ю с я. Вот и мы!

Т е т я Ш у р а. Здравствуйте, молодой человек.

Залиев целует руку тети Шуры.

Знакомьтесь.

Залиев и коммерсант кланяются друг другу.

Хотите чаю, господа?

Р о г а ц к и й. Если позволите.

Т е т я Ш у р а (*кричит*). Ася! (*Залиеву.*) Прошу садиться. Варенье, не взыщите, у меня покупное. Своего еще не варила.

Залиев кланяется.

Какие новости?

З а л и е в. Все прекрасно. Город процветает. Жизнь развивается нормально. Тишина. Покой...

Т е т я Ш у р а. Дай бог! Пора и нам отдохнуть на тихой земле от всех этих волнений.

Входит А с я.

А с я. Звали меня, барыня?

Т е т я Ш у р а. Да. Давай самовар!

А с я. Сию секунду! *(Уходит.)*

З а л и е в *(Нюсе)*. Гуляли сегодня, Анна Петровна? Сегодня чудный день. Не очень жарко.

Н ю с я. Собиралась... да как-то не удалось.

На улице слышится далекое пение «Интернационала». Все замолчали. Тревожно прислушались. На улице выстрел. Раздались свистки, крики: «Разойдись!» Нюся испуганно шарахается в сторону. Тетя Шура вскакивает и хватается за уши. Крики и пение затихают. Входит А с я с посудой, ставит на стол, уходит.

Т е т я Ш у р а. Господи, да что же это такое? Из огня да в полымя...

Слышен цокот пронесшегося кавалерийского отряда.

З а л и е в. Успокойтесь, Александра Ивановна.

Т е т я Ш у р а. Не могу успокоиться. Спасибо вам, молодой человек, за такую тишину да за такой покой.

З а л и е в. Ничего не понимаю! Что это могло быть?

Н ю с я *(испуганно)*. Мама, спроси у Нестора.

Т е т я Ш у р а. Нестор! Зовите Нестора!

З а л и е в *(кричит)*. Нестор!

Т е т я Ш у р а. Куда бежать?

З а л и е в. Уверю вас, все уже кончено...

Входят Н е с т о р и А с я с самоваром.

Т е т я Ш у р а. Что там еще за горе?

Н е с т о р. Где горе?

Т е т я Ш у р а. На улице! Кто пел? Кто кричал? Кто стрелял?

Н е с т о р. Рабочие пели... Конные стреляли. Обыкновенное дело.

Т е т я Ш у р а. Молчи, дурак! Это для тебя обыкновенное дело! Все вы — большевики.

Н е с т о р. Зачем так говоришь? Я с тобой сам от них бежал.

Т е т я Ш у р а. Иди, несчастье мое!

Нестор уходит. Ася вслед за ним.

Куда же нам теперь? Это уж если поют, значит, начало!

З а л и е в. Что вы, Александра Ивановна! Наше правительство подавит всякое возмущение и никому не позволит хозяйничать у нас... В городе — английский гарнизон!

Т е т я Ш у р а. Английский гарнизон? *(Кричит.)* Нестор!

Н ю с я. Что ты его все время беспокоишь, мама?

Т е т я Ш у р а. Помолчи, дочка. Не твоего ума дело.

Нюся пожала плечами и вышла на веранду. Залиев за ней. Входит Н е с т о р.

Давай того мужика!

Нестор хочет что-то сказать.

Давай сейчас сюда!

Нестор уходит.

Гарнизон! Все-таки возьму его в сторожа!

Р о г а ц к и й. Вы напрасно так расстроились, Александра Ивановна. Ходят рабочие, поют песни... Если они что-нибудь лишнее себе позволят, в них, как вы лично изволили слышать, стреляют.

Т е т я Ш у р а. А вы бы, сударь, прислушались к тому, что они поют! Это вам не про Фому да про Ерему, а про то, как бы нас с вами за глотку взять.

Н е с т о р вводит И в и н а.

И в и н. Здравствуйте, матушка барыня.

Тетя Шура пытливо его рассматривает.

К вашей милости!

Т е т я Ш у р а. В бога веруешь?

И в и н. Верую, матушка.

Т е т я Ш у р а. Перекрестись!

Ивин ищет иконы, а затем крестится.

Теперь молись.

И в и н *(смущенно)*. Какую?

Т е т я Ш у р а. «Отче наш».

И в и н. «Отче наш! Иже еси на небеси, да святится имя твое... Да придет царствие твое... Да будет воля твоя... яко... яко...»

Т е т я Ш у р а. Так! Хватит! Зачем явился?

И в и н. Работать хочу. Без знакомства никуда не берут. Вот к тебе пришел... Твоего человека *(показывает на Нестора)* на базаре встретил.

Т е т я Ш у р а. А чего ты делал на базаре? Воровать ходил?

И в и н. Что вы, барыня? Разве я грабитель? Я от грабителей бежал, от голодухи да мобилизации. Последнее персюку отдал за перевозку. *(Объясняя.)* Штаны я, барыня, на базаре продавал — праздничные... суконные...

Т е т я Ш у р а. Сторожем будешь у меня. Но смотри — служить верой и правдой!

И в и н. Не сомневайтесь... Как свое, беречь буду.

Т е т я Ш у р а. Положу тебе восемьдесят ихних рублей... харчи твои.

И в и н. Да вы что, барыня? Разве на это проживешь? Здесь хлеб кусается!

Т е т я Ш у р а. Больше не могу. Капиталы мои малые...

И в и н. Да ведь как же можно? Не прожить, барыня! Положите хоть сто двадцать.

Т е т я Ш у р а. Как сказала: восемьдесят — и ни копейки не прибавлю.

Н ю с я *(смуцается)*. Мама! У нас — гости.

Т е т я Ш у р а *(резко)*. Извинят меня гости! *(Ивину.)* Ну, соглашаешься?

И в и н. Да прибавьте хоть две красненьких.

Т е т я Ш у р а. Не по-твоему, не по-моему — девяносто целковых. И не проси больше... Помещаться будешь внизу, у Нестора. День спи, а ночь карауль.

И в и н. Согласны мы, барыня, потому нет нам выходу... *(Вздыхает.)* Покорно благодарим!

Ивин уходит с Нестором. А с я вносит свежие булочки и уходит.

Т е т я Ш у р а *(разливает чай, Залиеву)*. Ну, рассказывай еще, сударь... Что ваши газеты пишут? Что там творится, в России?

З а л и е в. Армии генерала Деникина победоносно продвигаются вперед. Сообщают уже о взятии Курска. А там — Орел, Тула и... Москва! Гм... Конечно, надо признаться, что победа белых доставит нам немало неприятностей — Деникин давно зарится на Азербайджан. Но и большевики — не очень приятные соседи! Все-таки лучше дело иметь с культурными, интеллигентными людьми! Поэтому пускай Деникин берет Москву! *(С восторгом.)* Москва! Друзья мои! Театры! Бега! Какие рестораны! А московские редакции? *(Нюсе.)* Я начинал там, дорогая Анна Петровна. Я — за Москву!

Р о г а ц к и й. О, тогда мы им покажем! Мы откроем с вами дело в самой Москве, Александра Ивановна.

Т е т я Ш у р а. Дай бог, дай бог!

З а л и е в. Генерал Деникин объявил уже священный поход на столицу древней Руси. Армия горит энтузиазмом. *(Берет чашку.)* Сердечное спасибо!

Р о г а ц к и й *(тихо, тете Шура)*. Я полагаю, что время сейчас подходящее.

Т е т я Ш у р а. Для чего это?

Р о г а ц к и й. Для мобилизации капиталов.

Т е т я Ш у р а. Подожди. Деньги я тебе скорее всего дам, компаньонами будем, не торопи только!

Р о г а ц к и й. Рад служить!

Тетя Шура зевнула, перекрестила рот.

Разрешите откланяться...

Т е т я Ш у р а. Милости просим!

Рогацкий встает.

До свидания, господа. Я пойду по хозяйству. *(Уходит.)*

Р о г а ц к и й. Александра Ивановна, кажется, очень строгая родительница.

Н ю с я. Да... действительно строгая! Я вас провожу, господа. Только наброшу пальто.

(Уходит вправо.)

Пауза.

Р о г а ц к и й. Очаровательный дом!

З а л и е в. Не для дома же вы сюда ходите, господин Рогацкий! Деньги хорошие тут есть для ваших оборотов.

Р о г а ц к и й. Но вам они тоже не мешают ухаживать за дочкой, господин Залиев.

З а л и е в. Я просил бы вас...

Р о г а ц к и й *(успокаивающе)*. Зачем же нам спорить? Вы поможете мне, а я — вам! У вас будет прелестная жена, а у меня — дело. Вы в обиде не останетесь, мой будущий компаньон!

З а л и е в. Принимаю союз, господин Рогацкий. Кстати... сколько стоит мамаша?

Р о г а ц к и й. Думаю, что у вашей будущей тещи тысяч пятьсот найдется... Так вытекает из ее намеков! При теперешних сумасшедших делах они дадут в обороте сто процентов в год.

Входит Нюся. За ней тетя Шура и Нестор.

Н ю с я. Я только до калитки, мамочка.

Т е т я Ш у р а. Иди, дочка. Но только до калитки. А то я... буду бояться. Нестор, закрывай ставни!

Нестор с веранды закрывает ставни. Залиев предлагает Нюсе руку. Вместе с Рогацким они выходят на веранду и спускаются в сад. Ставни закрыты. В комнату входят Нестор и Ася. Пауза.

Все делается очень медленно.

Н е с т о р. Но делается, Шурочка!

Т е т я Ш у р а. Очень раскачиваемся. Я все-таки думаю — лучше этого Рогацкого не найти человека.

Н е с т о р. В каком смысле?

Т е т я Ш у р а. Купец он хороший, купит дешево, а продаст дорого: нефть надо у него покупать как бы для Красноводска.

Н е с т о р. Он за это сдерет, конечно?

Т е т я Ш у р а. Ничего не поделаешь! Я ему дам для оборота деньги. Вот сейчас меня опять убеждал, а... разве долго уговорить *(улыбается)* слабую женщину?

Н е с т о р *(ласково кивнул Асе на тетю Шуру)*. Артистка ты моя! Когда наша возьмет, мы тебя, Александра Ивановна, директором театра сделаем... *(Закурил.)* Жду сегодня двоих.

Наши моряки.

Т е т я Ш у р а. Фамилии?

Н е с т о р. Акопян и Багиров.

Т е т я Ш у р а. Местные?

Н е с т о р. Да, один — азербайджанец, другой — армянин.

Т е т я Ш у р а. Так... Двое... Мало!

Н е с т о р. Еще будут... Подожди.

А с я. Я была сегодня на явке, в комитете. Видела товарища Микояна. Он обещал дать пятнадцать человек. Дело нелегкое, сама знаешь! «Туркменки» в Черном городе почти готовы.

Т е т я Ш у р а. Что за выстрелы были сегодня?

Н е с т о р. Железнодорожники... Бастуют.

А с я. Я чуть было с места не сорвалась.

Н е с т о р. Да... От песни меня тоже... потянуло на улицу. *(Асе.)* Зови Ивина. Чай еще горячий?

Т е т я Ш у р а *(пробует самовар)*. Горячий.

Н е с т о р *(садится в кресло, закидывает ногу за ногу)*. Наливай! *(Асе, она уже в дверях.)* Двери на засовы — скажи Ивину. И давайте сюда.

Ася уходит. Тетя Шура наливает чай. Слышны голоса Нюси и мужские. Нестор сразу бросается на колени и начинает фартуком вытирать какое-то пятно на полу. Входит Нюся, за ней двое мужчин в национальных костюмах, это Багиров и Акопян.

Т е т я Ш у р а *(Нестору)*. Пока не будет чисто, на глаза не попадайся. *(Нюсе.)* Это что за люди?

Н ю с я. Не знаю, мамочка. Я проводила наших гостей и осталась посидеть в саду. Вдруг... *(показывает на вошедших)* они подходят к калитке. Тебя спрашивают.

Т е т я Ш у р а. Что вам надо?

А к о п я н. Мы коврами торгуем, барыня.

Т е т я Ш у р а. А где товар?

А к о п я н *(Багирову)*. Разверни.

Багиров разворачивает ковры.

Т е т я Ш у р а. Какой узор?

Б а г и р о в. Звездочки!

Пауза.

Т е т я Ш у р а. Звездочки разные бывают!

А к о п я н. Пятиконечные...

Нестор сразу встает с пола.

Пауза.

Н е с т о р. Кто Акопян?

А к о п я н. Я.

Н е с т о р (*Багирову*). А ты?

Б а г и р о в. Багиров.

Н е с т о р. Здравствуйте, товарищи. (*Закрывает дверь на веранду и опускает штору.*)

Садитесь.

Входят Ивин и Ася.

Ага! Знакомьтесь. Это здешние — Акопян, Багиров. А тут все наши! (*Ивину.*) Ивин, в сад, на пост!

И в и н (*встает и, проходя мимо тети Шуры, бурчит*). Это что ж, все за девяносто целковых в месяц? Прибавила бы хоть красненькую! (*Потирая руки, уходит.*)

Н е с т о р. Ты сделаешь сообщение, Шура?

Т е т я Ш у р а. Все равно.

Н е с т о р. Говори.

Т е т я Ш у р а. Мы приехали, вы знаете, за нефтью, за бензином.

А к о п я н. Все знаем. Мы готовы! Что надо делать?

Т е т я Ш у р а. Закупка налаживается! Доставлять в Астрахань будем в плоских бидонах. Бензин — в первую очередь! Отправлять ночью! С дальних Зыхских пристаней.

Н е с т о р. Парусом управлять умеешь, товарищ Акопян?

А к о п я н. Умею. Меня комитет потому и назначил, что моряк. Во флоте служил.

Б а г и р о в. А я на наливных плавал. И... рыбак.

Н е с т о р. Это хорошо. «Туркменки» черноморские ребята уже подготовили... с двойным дном и бортами. Подожди... (*Вспоминает.*) «Двойное дно маскировать кучами свежепойманной рыбы. Двойные борта — сетями. Доверять дело только испытанным рыбакам или матросам торговых парусных судов». (*Смотрит на бакинцев.*)

Т е т я Ш у р а. Вы подходите... Он еще рекомендовал...

А к о п я н. Кто?

Т е т я Ш у р а. Товарищ Лукин.

Н е с т о р. Потом я вам расскажу, как надо себя вести, как нужно прятать документы. Но все это потом.

Б а г и р о в. Кто повезет первую партию?

Т е т я Ш у р а. Нестор, Ивин и вы двое.

Б а г и р о в. Четверо. (*Качает головой.*)

Н е с т о р. Что, маловато для первого раза?

Б а г и р о в. Народ есть, если надо! Только вот один человек... (*Акопяну.*) Васька.

А к о п я н. Годится.

Б а г и р о в. И тоже brunet. В глаза не бросится. Хочет домой, в Астрахань.

А к о п я н. Я с ним три раза в море ходил. Очень хороший матрос.

Т е т я Ш у р а. Это мало, что хороший матрос.

Б а г и р о в. Ты не беспокойся — прощупали его! С характером парень!

Н ю с я. Теперь провокаторы на каждом шагу.

Б а г и р о в. Правильно! Верно. Но за него можно слово сказать. Акопян его четыре месяца обрабатывал.

Н ю с я. И что?

А к о п я н. Совершенно подходящий!

Н ю с я. Ну смотрите!

Т е т я Ш у р а. Если возьмете — отвечаете за него.

А к о п я н. Понятно!

Н е с т о р. Когда дадите о себе знать? Скоро ли соберетесь?

А к о п я н. Через три дня можем ехать.

Т е т я Ш у р а. Деньги получите у Аси.

А с я. Где я вас найду?

Б а г и р о в. То есть?

А с я. Дело теперь будете иметь только со мной. Сюда больше не являться!

А к о п я н. В порту, конечно, у пристани. Только вид у тебя... не очень...

Неподходящий вид!

А с я. А какой нужен?

Б а г и р о в. Мы, значит, теперь хозяева своей лодки будем. Так? *(Улыбнулся.)*

Капиталисты! Значит, кто к нам ходит? Девушка... разный такой... *(Щелкает пальцами.)*

Вот какой вид.

А с я. Ладно! Будет вид. Останетесь довольны!

Тихий свист. Все встрепнулись: скрипит калитка.

Т е т я Ш у р а *(громко)*. Разверни еще раз этот, другой!

Акопян и Багиров разворачивают ковер. Входят И в и н и п о л и ц е й с к и й.

Не нравится. *(Асе.)* Ступай на кухню. Нечего тут. Загляделась!

Ася уходит.

И в и н. Вот... полиция!

Т е т я Ш у р а *(как бы не слыша его, торговцам)*. Не подойдет ваш товар. Дешевка! С таким нечего ко мне шляться!

Н ю с я. Ну что ты, мама, кричишь?

Т е т я Ш у р а. А ты иди спать.

И в и н. Вот, барыня, полиция. *(Показывает на полицейского.)*

Т е т я Ш у р а *(полицейскому)*. Вам что? *(Нестору.)* Иди проводи этих купцов да получше запирай калитку.

Б а г и р о в. До свидания, мадам.

Акопян и Багиров кланяются и уходят. Нестор останавливается в дверях, слушает.

Т е т я Ш у р а *(полицейскому)*. Вам что угодно будет?

П о л и ц е й с к и й. Старший надзиратель милиции вашего района. *(Ивину, строго.)* Здесь — не полиция, здесь — милиция! *(Тете Шуре.)* Явился представиться. По старому русскому обычаю, так сказать! Как чувствуете себя в отношении покоя, безопасности? *(Присаживается к столу.)*

Т е т я Ш у р а. Не очень! *(Нестору.)* А ты чего бельмы выкатил? Иди вниз. Делов, что

ли, нет у тебя? *(Полицейскому.)* Расстроились мы с дочкой сегодня. Очень песни пели неподходящие и... стреляли.

П о л и ц е й с к и й. Докладывал сейчас полицмейстеру, виноват, начальнику участка... об этом прискорбном событии. Прошу чувствовать себя вполне удовлетворительно!

Т е т я Ш у р а. Поставил бы ты около нас городского — все спокойнее было бы. А я бы тебя, отец родной, поблагодарила. Вот! Теперь извини: нам спать пора. *(Передает ему деньги.)*

П о л и ц е й с к и й *(вскакивает)*. Рад служить. Честь имею кланяться. *(Щелкает каблуками.)*

Т е т я Ш у р а. Дай тебе бог.

Полицейский уходит. Ивин идет за ним.

Закрывайте все на запоры... А господи, ветер какой поднимается... *(Кричит на веранду.)* Степка, всю ночь ходи вокруг дома! А ты, татарская твоя душа, тоже не спи! Боюсь я таких ночей. Не привыкшая!

Тихо входят Нестор и Ася.

Теперь жизнь пойдет у нас тихая, совсем спокойная. Даже полиция обещала содействие.

Пауза. Входит Ивин, садится к столу.

Надо решить со сроками, Нестор.

Н е с т о р. Сейчас. *(Пауза.)* Вот ты давеча говорила... *(Подумав.)* Правильно, Шура, договаривайся с Рогацким! Так будет лучше всего! А дней через пять — в первый пробный рейс!

Картина третья

В море

Ночь. Мгла. Каспийское море. Ревут волны. Сверху, с мачты возникает свет. На мачте болтается фонарь. Скрипят снасти. На палубе экипаж: п я т ь ч е л о в е к в костюмах азербайджанских рыбаков. Ивин тревожно смотрит в море.

И в и н. Делом занимайтесь, слышите! Вроде мы на него никакого внимания.

Н е с т о р. А что, подходит?

И в и н. Подходит!

В а с и л и й. Может, мимо?

И в и н. Нет, прямо на нас!

Н е с т о р. Только спокойно. *(Ивину.)* Что за корабль?

И в и н. А кто его разберет! Дозорный... а может, крейсер.

В а с и л и й. Как подойдет, я в него всю обойму садану!

Н е с т о р. Я тебе садану! Говорю: спокойно!

В а с и л и й. Не могу я спокойно.

Н е с т о р. Молчи, черт! Тебе говорят или нет? Ивин! Давай в трюм!

И в и н. Понятно. *(Исчезает в трюме.)*

Н е с т о р. Парус!

Акопян опускает парус.

Становись на молитву!

А к о п я н. Чего?

Н е с т о р. Становись! Быстро!

Б а г и р о в. Какая молитва?

В а с и л и й. Что еще за выдумки? Тут драться надо, а он...

Н е с т о р. Долго я с вами канителиться буду? Становись на молитву... в порядке партийной дисциплины! Ну? Быстро! *(Бросается на колени.)*

Все за ним становятся на колени. Голос с корабля. «Давай багры!» Никто не оборачивается. Люди усердно молятся.

Пауза.

Из темноты показывается м а т р о с. Он прыгает на палубу и подает руку идущему за ним по трапу л е й т е н а н т у. Они спускаются на палубу лодки.

Л е й т е н а н т. Прошу вас, майор Аткинсон! Прошу, ваше сиятельство! Господа! Мы, кажется, не вовремя!

Быстро по трапу идет к а п и т а н сторожевого судна. За ним а н г л и й с к и й офицер и агент.

(Показывая на молящихся.) Вот, полюбуйтесь, пожалуйста! *(Капитану.)* Разрешите, ваше сиятельство, я их быстро приведу в порядок.

К а п и т а н *(строго)*. Сейчас время утреннего намаза, лейтенант! Эти люди говорят с пророком, да хранит аллах его имя! В уважении религии, в уважении бога — основа жизни, лейтенант!

Л е й т е н а н т. Слушаюсь! А почему же ваш бог, — кстати и наш тоже хорош, — почему ваш бог ничего не сделал для вас, ваше сиятельство?

К а п и т а н. У вас какой-то странный юмор, мой друг!

Английский офицер внимательно осматривает людей на палубе.

Л е й т е н а н т. Вы, капитан российского императорского флота, ваше сиятельство Абдулла Дживаншир-хан, командуете на вонючем Каспийском море какой-то старой калошей, фактически плавучей тюрьмой, высокопарно именуемой в списках и газетах «крейсером»! Да и функции у вас, мягко выражаясь, жандармского порядка! Я не думаю, чтобы на то была божья воля, ваше сиятельство!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Бог — очень занятой человек! Ему надо помогать... Иначе он займется посторонними делами.

Лейтенант. Великолепно сказано, сэр: «Ему надо помогать!» У меня остался друг в столице, фамилию не могу назвать, потому что он был... извините, шулер! Бывало, спрашиваю у него при встрече: «Ну, как дела?» Отвечает: «Хороши. Выигрываю!» Я улыбаюсь, говорю: «Но, дорогой мой, ведь счастье может изменить вам?» — «Да, говорит, но, чтобы оно мне не изменяло, я ему сам помогаю немного — левой рукой». (*Показывает при этом мизинцем.*) Вы правы, сэр, богу надо помогать, как и счастьем в карты.

Английский офицер (*не сводит глаз с раскачивающихся и бьющих поклоны людей*). Англия — великая держава только потому, что она всегда помогала богу, вернее... разрешала ему помогать ей. Однако... (*Обращаясь к капитану, показывает на молящихся.*) Я тоже очень уважаю мусульманскую религию, ваше сиятельство, но если они будут молиться до... завтра?

Капитан. Уже конец, сэр!

Молитва окончена. Расходятся люди. Капитан трогает палочкой Нестора. Тот кланяется.

Кто такие?

Нестор не понимает, молчит. Тогда капитан спрашивает по-тюркски.

Ким сыз?

Нестор. Рыбаки, господин.

Капитан. Откуда?

Нестор. Из Баку, господин.

Пауза.

Капитан. Кто твой хозяин?

Нестор. На торговый дом Рогацкий работаем. Знаешь? Рогацкий — консервный завод, магазин рыбный на Парапете...

Капитан. Документы есть?

Нестор полез за пазуху.

Проверьте, лейтенант.

Нестор подает лейтенанту бумажку, тот читает, возвращает Нестору.

Лейтенант. Где рыба?

Нестор. Внизу, господин. (*Показывает на трюм.*)

Лейтенант подходит к люку, хочет спуститься, но останавливается, морщится.

Лейтенант. Почему такая вонь?

Нестор (*разводит руками*). Рыба, господин! Аллах наказал и дал ей такой запах.

Лейтенант. Симов!

М а т р о с. Есть, господин лейтенант.

Л е й т е н а н т. Спустишь-ка в трюм!

Матрос быстро спускается по трапу в трюм.

Пауза.

К а п и т а н. Ты счастлив, старик?

Н е с т о р. Да, господин.

К а п и т а н (*английскому офицеру*). Он счастлив, сэр.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*пристально смотрит на Нестора*). Очень приятно.

К а п и т а н. Он очень счастлив, сэр! (*Нестору*.) Магомет — твой пророк. Мусават — твоя партия. Ты больше не раб русского царя.

Н е с т о р. Ты прав, господин.

К а п и т а н (*английскому офицеру*). Вот видите, сэр.

Матрос вылезает из люка, стоит навтыяжку.

М а т р о с. Так что одна сплошная рыба, господин лейтенант!

Л е й т е н а н т. Все в порядке! Поехали. (*Капитану*.) Разрешите, ваше сиятельство?

К а п и т а н. Прошу.

Капитан идет вперед. Нестор кланяется ему.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*лейтенанту*). Знаете, почему нам удалось завоевать Индию, лейтенант?

Л е й т е н а н т. Нет! Я никогда не интересовался чужими делами, сэр.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. А мы всегда интересовались чужими делами и всегда спускались в трюм смотреть рыбу — сами. Поэтому нам было очень легко взять эту несамостоятельную страну. А вам даже тогда, когда господин капитан говорит с этим стариком на родном языке, вам и тогда нужен... переводчик. (*Козырнул Нестору и пошел по мосткам.*)

Лейтенант и матрос следуют за ним. Агент идет последним. Рассветает. Слышен шум уходящего корабля.

Пауза.

Б а г и р о в. Чуть из-за тебя не засыпались, Вася.

В а с и л и й (*вспыхнув*). Почему?

А к о п я н. Не очень чисто это у тебя получается — молиться! Ты бы уж лучше смотрел на меня.

Н е с т о р. Неправильно, Вася, поклоны ты клал. Слишком быстро, понимаешь? Ты действительно смотри на того, кто впереди тебя, тогда никогда не собьешься! Хорошо еще, что сейчас шесть часов утра! В это время у правоверных порядок: с богом потолковать! (*Наклоняется к Василию*.) А вообще ты, друг, это свое... своеволие оставь! У нас так, раз я сказал — выполнять беспрекословно! Кидаться на врага с оружием в руках мы тоже умеем... но только тогда, когда это надо! Понял?

В а с и л и й. Понял.

Н е с т о р. Ну вот! *(Отходит от Василия.)*

Б а г и р о в. Далеко корабль ушел?

А к о п я н *(всматриваясь)*. Далеко.

Н е с т о р. Быстро ходит, собака! Им топлива жалеть не приходится!

Б а г и р о в. Значит — пронесло!

В а с и л и й. А если б засыпались мы? Ведь все бы им досталось: и груз и люди...

И в и н *(появляясь из трюма)*. Как ты говоришь, Вася? Все бы им досталось? Ишь ты какой! А я зачем?

В а с и л и й. А чего ты сделать можешь?

И в и н. Чего я могу? Я, Вася, снизу лодку взорвать могу! По инструкции!

Василий смотрит на него с удивлением. Все улыбаются. Нестор затягивает песню. Остальные подхватывают ее.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина четвертая

Астрахань осажденная

Та же декорация, что и в первой картине. Посредине комнаты стоит штабной. На стуле сидит Лук и н. Он снимает грязные сапоги — только что вернулся с фронта.

Ш т а б н о й. Я бессилен, Андрей Матвеевич. У нас всего четыре самолета системы... (Махнул рукой.) Да просто... гробы! Кстати, их так и называют «гробами». Но и они не летают! Вы же знаете: бензина нет. Пока вы были на фронте, англичане страшно обнаглели. Они кружили над городом на большой высоте, сбрасывали прокламации и... бомбы.

Л у к и н. Почему вы молчали?

Ш т а б н о й. Мы не молчали, Андрей Матвеевич, но специальной зенитной артиллерии у нас, сами знаете, нет!

Л у к и н. Большие потери?

Ш т а б н о й. В людском составе почти никого. А от английской бомбы у нас сгорели амбары.

Пауза.

С самолетами можно бороться... только самолетами!

Л у к и н. Пока... надо обойтись собственными силами, Александр Васильевич.

Штабной разводит руками.

Обязательно надо.

Ш т а б н о й. Каждый день телеграммы-с просьбой бензина!

Л у к и н. Понимаю! Что еще, Александр Васильевич?

Ш т а б н о й. Больше доложить ничего не имею.

Л у к и н. Значит, все обстоит благополучно?

Ш т а б н о й (удивленно, пожав плечами). Да нет, не очень... наоборот.

Л у к и н. Пишите!

Штабной садится к столу.

Военная, вне всякой очереди: «Москва, Кремль, Ленину. Копия командвост Фрунзе, копия Саратов, четвертая армия...

Пауза.

Многочисленные английские и белые аппараты продолжают систематически бомбардировать Астрахань. Мы же располагаем одной исправной машиной. Вышлите хотя

бы еще два истребителя. Лукин».

Ш т а б н о й. Сейчас прикажу передать.

Л у к и н. Мы увидимся ночью в штабе.

Ш т а б н о й. Слушаюсь, Андрей Матвеевич! Отдыхайте! Кстати... хотел спросить, какое у вас военное образование?

Л у к и н. Военное образование? Огромное. Четыре класса городского училища.

Штабной смутился, улыбнулся и ушел.

Л у к и н *(огляделся и крикнул)*. Ильинична!

Пауза.

Леня!

Входит Л е н я.

Л е н я. Я, товарищ начальник!

Л у к и н. Где старушка?

Л е н я. Сейчас разыщу. *(Уходя, сталкивается в дверях с Ильиничной.)* Вот они!

Л у к и н. Дай что-нибудь закусить... а потом я сосну часок.

И л ь и н и ч н а. Садись. Обед как раз на плите стоит. Паек плохой... Дали мяса — косточку конскую, до завтра не разварится! Садись! *(Уходит.)*

Л е н я. Я больше не нужен, товарищ начальник?

Л у к и н. Стой! Урок выучил?

Л е н я. Выучить-то выучил, да не все понял. *(Достает из-за пазухи тетрадку.)*

Л у к и н. А что?

Л е н я. Дроби не соображаю, товарищ начальник. Вот вы написали задачи, а я... *(Развел руками.)*

Л у к и н *(берет тетрадку, читает)*. Сейчас разберемся. Что есть дробь?

Л е н я. Дробь — есть часть числа.

Л у к и н. Не числа, Леня, а целого.

Л е н я. Ну да. Это я и хотел сказать.

Л у к и н. Как понять — одна четверть?

Л е н я. Одна четверть... Если, например, яблоко... разделить на четыре равных куска, то один кусок будет четвертая часть, или одна четверть.

Л у к и н. Правильно.

Леня опускает голову.

О чем ты думаешь, Леня?

Л е н я. Яблока захотелось! Знаете, бывают такие большие красные яблоки?

Л у к и н. Все будет, Леня. И яблоки будут. Наешься власть. Ну, чего же ты не понимаешь? Все понимаешь.

Л е н я. Складывать не соображаю. Одну четверть, например, и одну половину. Так, на яблоках, я могу, а по-письменному не выходит.

Входит Ильинична, ставит на стол еду в кастрюле.

А ведь их не только складывать и вычитать надо — дробь небось множат и делят, как простые цифры?

Лукин. Обязательно! Мы дойдем до этого, Леня.

Леня. Так на простых числах у меня все правильно получается, до миллиона. Я даже сам задачи составляю.

Ильинична. Ну ты... гимназист! Дай человеку покушать.

Лукин. Ничего! Оставь его, мать.

Крик за дверями. Голос Шайтана: «Леня! Давай сюда!»

Леня (*быстро прячет тетрадку на груди*). Извиняюсь, товарищ начальник! (*Выходит.*)

Шум усиливается, крики. Лукин смотрит в дверь.

Ильинична. Кто там еще, господи?

Входит Шайтан.

Лукин. Чего ты такой мрачный?

Шайтан. Этот пришел... психический...

Лукин. Какой психический?

Шайтан. Инженер.

Лукин. А почему крики были? Что ты с ним сделал?

Шайтан. Ничего.

Лукин. Товарищ Шайтан!

Шайтан. Правда, ничего, товарищ начальник. Просто... (*мнетя*) обыскал его немножко. (*Пожимая плечами.*) Может, он щекотки боится?

Лукин. Пропусти ко мне.

Шайтан. Слушаюсь, Андрей Матвеевич. (*Уходит.*)

Ильинична. Обед стынет, ел бы скорей.

Лукин. Я уже, спасибо.

Входит Шайтан.

Шайтан (*в дверь*). Прошу! (*Лукину.*) Видите, я — вежливо!

Входит инженер. Руки его дрожат. Он останавливается, смотрит на Лукина.

Лукин. Здравствуйте.

Инженер (*кивнув на Шайтана*). Охрану держите? Бойтесь?

Пауза.

Лукин (*Шайтану*). Дай ему стакан воды и оставь нас вдвоем...

У Шайтана протестующий вид.

(Твердо.) Товарищ Шайтан!

Ш а й т а н. Есть дать... стакан воды. *(Инженеру, сквозь зубы.)* Будете... воду пить?

И н ж е н е р. Нет.

Ш а й т а н *(Лукину)*. Не хочет. *(Подает инженеру стул.)* Прошу!

И н ж е н е р. Так это вы и есть... Сашка Шайтан?

Ш а й т а н. Не Сашка, а Александр Осипович.

И н ж е н е р. Сашка! Знаменитый комиссар Сатана! *(Лукину.)* Его в городе так называют!

Ш а й т а н *(пожав плечами)*. От вас первого слышу.

И н ж е н е р. Другие боятся!

Ш а й т а н. И хорошо делают! *(Уходит на балкон.)*

Пауза.

Л у к и н. Слушаю вас, гражданин инженер.

И н ж е н е р. У меня есть фамилия: Курганов, Алексей Борисович.

Л у к и н. Я вас внимательно слушаю, гражданин Курганов.

И н ж е н е р *(усмехнувшись)*. Даже внимательно? Это хорошо. Меня давно никто в н и м а т е л ь н о не слушал. Чтобы здесь в о о б щ е слушали человека, надо говорить о пайке, о четвертке хлеба, о картошке. А эти предметы меня не интересуют. *(Волнуясь.)* Я пришел к вам по делу. Вы — большой человек... и вы можете мне помочь. Говорят, что у вас имеются большие связи... Вы, кажется, даже с Лениным знакомы?.. Вы его друг, а? Отвечайте!

Л у к и н. Я, если разрешите, сразу отвечу по всем вопросам.

И н ж е н е р. Хорошо! Кто-то приехал из Москвы и рассказывал, что Ленин собирает сведения о России. Интересуется ее природными богатствами... Зачем это ему? Причуда? Странность государственного деятеля?

Л у к и н. Нельзя ли конкретней?

И н ж е н е р. Хорошо. У меня есть проект. Этот проект отклонили в девятьсот пятнадцатом году! Нобель! Мой хозяин, нефтяной король Нобель, ничего не ответил на мои письма! *(Кричит.)* Это потому, что он был торгаш и... тупица! Просто жалкий торгаш!

На крик в комнату влетает Ш а й т а н. Рука уже на кобуре. Останавливается в дверях.

Я презираю его! Короче: предлагаю...

Шайтан подходит к Лукину.

(Торжественно.) ...Я предлагаю вам осушить бакинскую бухту! Под водой находится нефть!

Ш а й т а н *(на ухо Лукину)*. Я же вам говорил, что он сумасшедший.

Лукин не слушает его. Он подходит к инженеру и спокойно, тихо спрашивает.

Л у к и н. Так, так! А... откуда вы это знаете?

И н ж е н е р. Я работал в Баку долгие годы. Я исследовал дно моря! Я отвечаю за свои слова. Это мечта моей жизни. То, что мы найдем, хватит нам на сто лет, на двести лет... Там сказочное богатство. Я разработал свой метод бурения под водой, составил эскизный проект осушения бухты. Вы способны этим заинтересоваться?

Л у к и н. Обязательно, гражданин Курганов. Садитесь! Я сообщу об этом в Москву. Мы потребуем экспертов! И если вы окажетесь правы, наша помощь, помощь всей страны вам обеспечена!

И н ж е н е р. Вы не... смеетесь надо мной?

Л у к и н. Шайтан! Инженера Курганова пропускать ко мне днем и ночью! У него — огромное государственное дело. Гражданин Курганов, составьте доклад для Москвы.

И н ж е н е р. Хоть завтра.

Л у к и н. Что вам нужно для проектных работ? Есть у вас помещение? Говорите, что вам нужно? Вот это здорово — нефть со дна моря! Да вы большевик, гражданин Курганов! Только большевики могут так мыслить, так... мечтать! Вы женаты? У вас дети? Как с питанием?

Шайтан недоуменно пожимает плечами.

И н ж е н е р. Какое там к черту питание? Мне нужна готовальня, ватманская бумага... Есть в вашей партии хоть один циркуль?

Л у к и н. Найдется!

Ш а й т а н. Но Баку — пока еще — не советский город.

И н ж е н е р *(с остервенением)*. Так сделайте его советским!

Л у к и н. Постараемся! А ваше предложение великолепно. Его осуществление очень поможет нашему государству! Ведь мы должны с вами думать о будущем, не правда ли?

И н ж е н е р. Конечно! Это естественно.

Л у к и н. Хорошо, что пришли, что доверились нам. Рабочий класс отблагодарит...

И н ж е н е р *(замахав руками)*. А вот это как раз не нужно! Мне нужен циркуль... и Баку. *(Вдруг.)* Но вы-то не убежите отсюда? Я могу работать спокойно?

Л у к и н. Безусловно! До скорого свидания, товарищ Курганов. *(Протягивает ему руку, инженер жмет ее.)* Вот вы говорили, Алексей Борисович... о мировых запасах, и мы их с вами поднимем, будьте совершенно в этом уверены... А... *(улыбнулся)* у меня самолеты стоят: нет бензина! Не сообразите ли вы что-нибудь? Видите: я к вам сразу с просьбой!

И н ж е н е р. Надо подумать. Это плохо — без бензина, но... надо подумать. Надо подумать! *(Вдруг.)* Спирт найдется?

Л у к и н. Найдется, Алексей Борисович!

И н ж е н е р. Так! Надо подумать! Это хорошо, что найдется спирт... Так... надо подумать. Я осмотрю старые хранилища нефти и мазута... Я подумаю! До свидания.

Л у к и н. До свидания, Алексей Борисович. *(Кричит.)* Шайтан, проводи!

И н ж е н е р *(испуганно)*. Нет, нет! Не надо!

Л у к и н. Проводи до дверей!

Ш а й т а н. Прошу!

Инженер и Шайтан уходят. Входит Л е н я.

Л у к и н. Что тебе, Леня?

Л е н я. По вашему распоряжению.

Л у к и н. Кто?

Л е н я. Пленного генерала... которого в море поймали.

Л у к и н. Давай!

Л е н я (*в дверь*). Давайте, товарищи.

Пауза.

Голос из-за двери: «Бери, товарищ комендант».

Л е н я. Беру!

Входит г е н е р а л.

Проходите к столу! (*Уходит.*)

Генерал идет через комнату, подходит к столу.

Л у к и н. Садитесь! Мне передали ваше письмо. О чем хотите говорить?

Г е н е р а л. Вы торопитесь?

Л у к и н. Нет, пожалуйста!

Пауза.

Г е н е р а л (*садится*). Я немного устал. Простите: непривычная обстановка! Раньше я (*улыбнулся*) никогда не сидел в тюрьме.

Л у к и н. К сожалению, для преступника...

Г е н е р а л (*перебивая*). Простите, для военнопленного! О, я не жалею! Хотя должен отметить, что пища отвратительная, грязь жуткая...

Л у к и н. Сейчас нет возможности этим заняться.

Г е н е р а л. Вы сидели... раньше?

Лукин кивнул головой.

Ведь было лучше в старых тюрьмах? Сытная еда, чистые камеры...

Л у к и н (*перебивая*). Скажите, вас били?

Г е н е р а л. Что?

Л у к и н. Я спрашиваю — вас били?

Г е н е р а л. Я не понимаю вашего вопроса.

Л у к и н. Нас на каторге били.

Пауза.

Г е н е р а л (*смутившись*). М-да... Мы отвлеклись! Я хочу с вами сейчас обсудить...

Лукин удивленно поднял глаза.

...один основной вопрос. О моей судьбе. Завтра трибунал! Мне вручили (*усмехнулся*) обвинительное заключение. Очевидно, расстреляют. Смерти я не боюсь. За тридцать лет армейской службы я к ней привык. Но раньше, чем меня убить, я предлагаю подумать вот над чем: за меня одного могут вернуть десять человек ваших... товарищей, которые находятся у нас... на таком же положении, как я у вас. Не отвечайте сразу, подумайте! Посоветуйтесь! У вас на службе очень дельный и боевой генерал, мой старый знакомый... по академии, генерал Тихонов. Он вам даст правильный совет. Сделайте это обязательно, чтобы не вынести опрометчивого решения...

Пауза.

Кстати, нельзя ли стакан крепкого чая с лимоном?

Л у к и н. Вот... лимона, кажется, не найдется. (*Зовет дежурного.*) Леня!

Входит Л е н я.

Принеси стакан чая (*подчеркнуто*) с д в у м я кусками сахара и обязательно крепкого.

Леня уходит.

(*Генералу.*) Так вот... (*На миг задержался.*)

Г е н е р а л (*резко повернул голову в его сторону*). Что, не знаете, как меня назвать? (*И не дождавшись ответа Лукина.*) Называйте меня просто ваше превосходительство!

Л у к и н (*усмехнувшись*). Ладно! Так вот, ваше превосходительство... по поводу вашего заявления. Вы пробирались с группой офицеров к Колчаку. Вас взяли после вооруженного сопротивления! (*Вдруг.*) На обращение претензий нет?

Г е н е р а л. Нет! Нет, нет! Я же сразу заявил об этом.

Л у к и н. Ну вот!

Л е н я вносит чай. Лукин указывает на стол перед генералом. Леня ставит стакан.

(*Лене.*) Попроси сюда Александра Васильевича.

Леня уходит. Генерал с ложечки пьет чай.

Конечно, предложение ваше интересно! Десять человек, десять наших товарищей!

Г е н е р а л (*непринужденно*). Да, им не сладко.

Лукин нахмурился, но промолчал. Входит ш т а б н о й.

Л у к и н (*штабному*). Садитесь, Александр Васильевич!

Штабной садится. Генерал смотрит на него.

Пауза.

(Генералу.) Кого же вы, ваше превосходительство, имеете в виду? Кого? Персонально.

Г е н е р а л. Ну... так я все имена не помню. *(Припоминая.)* Комиссар дивизии Волин был взят в лазарете тифозным. Матвеев, Зайцев... Потом этот, как его, председатель ревкома города Ставрополя...

Л у к и н *(побледнев)*. Белкин?

Г е н е р а л. Да, да! Могу назвать еще...

Л у к и н. Нет, хватит!

Пауза.

К вашему сведению, комиссар дивизии Волин повешен без суда и следствия! Матвеев при отступлении расстрелян!

Генерал отставил стакан.

Зайцев... *(Переводя дыхание.)* Зайцев замучен полковником Икаевым, начальником вашего карательного отряда. *(Штабному.)* Знаете, Александр Васильевич, что сделал с Зайцевым полковник Икаев? Он сначала выбил Зайцеву молотком один за другим все зубы, а потом...

Пауза.

В общем, Зайцева тоже нет в живых. *(Снова генералу.)* Белкин... Белкин отравился в тюрьме. Вот! Так что менять вас не на кого...

Г е н е р а л *(взволнованно)*. Найдутся другие. У нас хватит пленных!

Л у к и н. Возможно! Но у вас у самого достаточно «личных заслуг»! Тысяча повешенных и расстрелянных в Ингушетии...

Г е н е р а л. Это был мой долг!

Л у к и н. Организованные вами погромы на Украине! Сожженные дотла осетинские аулы!

Г е н е р а л. Значит, меня все-таки расстреляют!

Л у к и н. Вас будут судить! Приговорят к высшей мере — расстреляют!

Пауза.

Г е н е р а л. Я не рассчитываю на ваше великодушие... Вам просто есть расчет подумать об обмене. Тем более что дела у вас не блестящие! Не мешает заpastись... смягчающими обстоятельствами... на всякий случай...

Л у к и н *(перебивая его)*. Нет нужды!

Г е н е р а л. Как хотите! *(Встает, резко.)* Я требую тогда, чтобы расстрел происходил по уставу военного времени: на открытом воздухе! Я требую, чтобы мне не завязывали глаза! Я сам скоманую взводу...

Л у к и н. Скоманую при всех обстоятельствах мы... ваше превосходительство! *(Встал.)*

Рука генерала дрогнула. Стакан с чаем опрокинулся.

Входят Ш а й т а н и Л е н я.

Пауза.

Генерал медленно уходит. Шайтан и Леня идут за ним.

Пауза.

Л у к и н (*штабному*). Вы читали обвинительное заключение по делу этого... генерала Коломарова, Александр Васильевич?

Ш т а б н о й (*вздрыгнул, встал*). Читал, Андрей Матвеевич!

Л у к и н. Если бы вас назначили председателем трибунала по его делу, какой бы вы вынесли приговор?

Ш т а б н о й. Почему вы меня об этом спрашиваете?

Л у к и н. Это просьба Коломарова. Он настаивал на том, чтобы я посоветовался с вами!

Пауза.

Ш т а б н о й. Видите ли, я вообще против смертной казни, Андрей Матвеевич...

Л у к и н. Понял, Александр Васильевич! Наши мнения сошлись! Я тоже считаю, что генерала Коломарова надо расстрелять!

Ш т а б н о й. Как мне ни тяжело это говорить, но он — враг озлобленный, жестокий и несправедливый...

Л у к и н. И таких надо уничтожать?

Пауза.

Ш т а б н о й. Да. Разрешите идти?

Лукин кивает головой. Штабной уходит. Лукин выходит на балкон.

Пауза.

Леня вводит рыбаков. Это Н е с т о р, И в и н, А к о п я н, Б а г и р о в, В а с и л и й. Лукин оборачивается.

Л е н я. Андрей Матвеевич! Вот... (*Показывает на Нестора.*)

Н е с т о р (*улыбаясь*). Рыбаков-то принимаете?

Л у к и н. Ах ты... мой дорогой! (*Идет и крепко целуется с Нестором, затем с Ивиным.*) Садитесь, разоблачайтесь, друзья! Этих товарищей не знаю. Будем знакомы.

Н е с т о р. Это — Акопян, Багиров, а это — Василий.

Лукин крепко жмет руки.

Л у к и н. Ну, как добрались?

Н е с т о р. Проскочили, Андрей Матвеевич! Все сразу не расскажешь, а... двести бидонов бензина привезли! Были бы в полдень, да я все же решил — ночью.

Л у к и н. Правильно! Осторожность — первое дело! Впрочем, успеем наговориться! Сейчас вам отдохнуть нужно, поесть. Леня, зови старушку!

Леня уходит.

Н е с т о р. А ты как, Матвеич?

Л у к и н. Я — хорошо! Как Шура? Как девушки?

Н е с т о р. Все живы, все здоровы.

Л у к и н. Надо до света произвести разгрузку. Вы на чем приехали?

А к о п я н. Наша местная лодка — «туркменка», парусная. Мы ведь завтра ночью — обратно. Нам задерживаться нельзя.

Л у к и н. Спасибо, товарищи! За все спасибо! Двести бидонов бензина! Я их сразу же Фрунзе на Восточный фронт отправлю. Против Колчака. Сейчас там решающая схватка.

Н е с т о р. А себе... для Астрахани?

Л у к и н (*подмигнув Нестору*). Тут у меня был один товарищ — инженер. Может быть, еще своими силами управимся!

Входит Ильинична.

И л ь и н и ч н а. А кушать, как хотите, у меня нечего. Если желаете, только чаю мо... (*Замирает на полуслове.*) Васенька! Господи, да что ж это... откуда? (*Бросается к Василию.*)

В а с и л и й (*обнимает и целует Ильиничну*). Успокойтесь, мамаша, прошу вас.

И л ь и н и ч н а. Андрей Матвеевич! Он же! Вот он! Нашелся! Садись, родненький. Я тебя сейчас накормлю.

И в и н. Как для сына, так нашлось. Хоть бы для такого случая всех угостила! Ай, Вася!

Н е с т о р. Ну, вот видите, еще радость! А кормить — это успеется. Веди спать.

Л у к и н (*Василию*). Сильно горевала она по вас, товарищ Василий! Ведь вот действительно неожиданность! (*Ильиничне.*) Постели у меня... Идемте.

Ивин идет первый, за ним Нестор, Багиров, Акоюн. Лукин обнимает Акоюна и Нестора и вместе с ними выходит из комнаты. Василий двинулся было, но Ильинична схватила его за руку.

И л ь и н и ч н а. Ты подожди, ты ко мне пойдешь. (*Смотрит на Василия.*) Сколько я слез выплакала, сыночек мой!

В а с и л и й. Ну вот и опять вместе!

Пауза.

И л ь и н и ч н а. Что ты... какой-то... не то похудел?

В а с и л и й. Трудно мне было, мать.

И л ь и н и ч н а. Сыночек мой! Бедненький!

Входит Шайтан.

Саша, сынок приехал!

Василий оборачивается.

Ш а й т а н (*выхватывая маузер*). Стой! Не шевелись!

И л ь и н и ч н а. Сашенька, что ты?

Ш а й т а н. Отойдите, мамаша. (*Василию.*) Иди вперед.

В а с и л и й. Прощайте, мамаша!

И л ь и н и ч н а (*вцепилась в него*). Куда? Не пущу! Не дам!

Быстро входит Лукин.

Л у к и н. В чем дело?

Ш а й т а н. Товарищ начальник! Прикажете арестовать!

Л у к и н. Кого? За что?

Ш а й т а н. Он — участник белогвардейского мятежа. Я гнался за ним... тогда еще... в марте. Поймал было... а он исчез... между домами... (*Василию.*) Теперь не убежит! Иди вперед!

Л у к и н. Товарищ Шайтан! Вы разрешите мне поговорить с этим человеком.

Ш а й т а н (*не сдержавшись*). Нечего вам с ним разговаривать! Как он сюда в дом попал?

Л у к и н. А я все-таки с ним поговорю! (*Смотрит на Шайтана.*)

Шайтан не двигается с места.

Ш а й т а н (*мрачно*). Один на один будете говорить?

Л у к и н. Да.

Шайтан нехотя выходит.

Вы были участником мартовского восстания?

В а с и л и й. Да.

Л у к и н. В каком вы чине?

В а с и л и й. Матрос.

Л у к и н. Почему пошли против нас?

Василий молчит.

И л ь и н и ч н а. Говори ему, Вася, все, как на духу. Он хороший.

В а с и л и й. Я не знаю, что вам сказать, товарищ Лукин. Служил на торпедном катере... между прочем, пулеметчик я. Имел ранение... Отпустили на берег. Лечили меня. У матери я жил... Корабль ушел. Я — к лейтенанту, к командиру своему, на квартиру. Он говорит: «Молодец! Вовремя поправился! Приходи с утра в штаб за боевым назначением». Я пришел. Посадили меня за пулемет.

Л у к и н. Стрелял?

В а с и л и й. Не пришлось, товарищ Лукин: два снаряда в штаб попало, и все разбежались. Выскочил на улицу, а за мной люди. Я — к матери, потом задними дворами — в порт. Оттуда в Баку. Вот и все.

Пауза.

Ильинична. Видишь, ни в чем он не виноват.

Лукин. Дальше?

Василий. В Баку стал я, значит, думать: как все это могло со мной случиться? А тут еще с Акопяном подружился: в море ходили вместе! Ну и... понял... Когда он позвал меня с собой, я поехал.

Лукин. Знал, что рискуешь жизнью?

Василий. Ну, конечно.

Пауза.

Лукин. Ладно, товарищ Василий. Служи теперь крепко трудовому народу.

Василий смотрит на мать: он не верит своим ушам.

Василий *(с жаром)*. Есть служить трудовому народу!

Лукин. Шайтан!

Шайтан *(входит)*. Я!

Лукин *(показывает на Василия)*. Ты видишь этого человека?

Шайтан. Вижу.

Лукин. Узнаешь его?

Шайтан. Узнаю.

Лукин. Посмотри хорошо.

Шайтан. Хорошо смотрю.

Лукин. Он?

Шайтан. Он.

Лукин *(мягко)*. Вот я тоже смотрю! *(Пожимает плечами.)* Понимаешь — не он!

Шайтан резко поднимает голову.

Это другой человек! Тот Василий заблудился и оказался на стороне наших и своих врагов. *(Улыбаясь.)* Этот же Василий — наш товарищ, человек, который жизнью рискует для нашего дела. Он завтра опять уйдет в море. Он — твой товарищ, Шайтан. Ты это стгоряча... Ошибся!

Шайтан. Есть ошибся!

Лукин уходит.

Ильинична. Как? Завтра обратно?

Василий. Надо, мамаша!

Шайтан. Надо, мамаша!

Ильинична. Господи, что же это такое? Только вернулся и... опять... Ну... я вам сейчас поесть принесу... Только вернулся... *(Уходит.)*

Пауза.

Ш а й т а н (*подходит к Василию, грозно*). Ну, ты смотри у меня! (*Протягивает ему руку.*) Дай руку, товарищ!

Василий крепко жмет протянутую руку. Подходят к балкону.

А ты... Нюсю видел?

В а с и л и й. Видел.

Ш а й т а н. Ну, что она?

В а с и л и й. Хорошая девушка. В Баку грузить нам помогала. Твоя она, что ли?

Ш а й т а н. Моя! Попрошу начальника, может, он меня с вами пустит.

В а с и л и й. Тогда вместе поедем.

Входит Лук и н. Шайтан и Василий замолкают.

Л у к и н. О чем это вы?

Ш а й т а н. Да так, о разном, товарищ начальник!

Л у к и н. А... (*Проходит на балкон.*)

Шайтан и Василий молча идут за ним.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина пятая

Первый удар

Баку. Декорация второй картины. В напряженной позе у окна стоит Нюся. В нескольких шагах от нее за столом тетя Шура.

Тетя Шура (*качает головой, говорит с досадой*). Нюся! Нюся! Ну, что это? Ведь лица на тебе нет!

Нюся. Неужели ты не понимаешь, тетя Шура?

Тетя Шура. Все понимаю, девочка.

Нюся. Сейчас уже половина первого. Ася ни разу еще так поздно не приходила!

Тетя Шура (*махнула рукой*). Ну, ладно! Переживай!

Входит Ася. Она идет с рынка — большая корзина полна продуктов. Нюся бросается к ней.

Ася. Что с тобой?

Нюся. Я беспокоилась.

Ася. Ну что ты, глупенькая? Меня задержали в комитете. (*Тете Шура.*) Деньги я Акопяну передала, когда еще туда шла. Они сегодня отправляются. Большая партия — шесть лодок!

Тетя Шура. Письма Андрею я посылать не буду. (*Рвет написанное.*) Нестор передаст все на словах. Закупка нефти идет на полный ход через Рогацкого! Торгуем с прибылью!

К калитке подъезжает фаэтон.

А вот и он! Легок на помине.

Ася быстро выходит. Входит Рогацкий.

Рогацкий. Здравствуйте, Александра Ивановна! А я по делу. Может быть, разрешите пройти к вам?

Тетя Шура. Пойдем, отчего же?.. (*Уходит с Рогацким.*)

Нюся смотрит в сад. Входит Залиев.

Залиев. Чем вы так заинтересовались, Анна Петровна?

Нюся (*вздрыгнув*). Как вы меня напугали, Сергей Асламбекович!

Залиев. Миль экскьюз! Я не хотел...

Пауза.

Анна Петровна! Вы обещали мне дать сегодня ответ.

Н ю с я. Подождите еще! Трудно девушке решиться на такой шаг! Мы ведь еще очень мало знакомы!

З а л и е в. Вы не верите мне, Анна Петровна? Неужели я... *(Идет к ней.)*

Н ю с я *(отступая)*. Нет-нет... Я не сомневаюсь в ваших чувствах. Но мне, мсье Залиев, надо проверить свои.

З а л и е в. Слушаюсь, Анна Петровна!

Входят тетя Шура и Рогачкий.

Т е т я Ш у р а. Ай, здорово, ай, молодец! Так, значит, объегорил ты их? Вот это хватка!

З а л и е в. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Т е т я Ш у р а. Здравствуйте! Идите в сад, молодежь, я вас к чаю позову.

Нюся проходит вперед. Залиев за ней.

Р о г а ц к и й. Ваших участвовало сто двадцать тысяч. Взяли мы прибыли сорок процентов.

Т е т я Ш у р а. Моя доля?

Р о г а ц к и й. Двадцать четыре тысячи ровно! Извольте получить! Таких пять-шесть ударов — и деньги ваши дома.

Т е т я Ш у р а. Здорово!

Р о г а ц к и й. А вы еще колебались, Александра Ивановна!

Т е т я Ш у р а. Ну, кто старое помянет, тому глаз вон!

За окном проходят Залиев и Нюся.

Р о г а ц к и й *(показывает на них)*. Голубки, не правда ли, Александра Ивановна?

Т е т я Ш у р а. Да, воркуют, это точно. Потому молодые. А только я за него свою Нюсю не отдам.

Входит Ася с посудой. Накрывает на стол и уходит.

Р о г а ц к и й. Почему же, осмелюсь спросить?

Т е т я Ш у р а. А потому, что не знаем мы здешнего народа. Так-то он очень из себя приятный, а вот какое нутро у него, чем дышит — нам неизвестно.

Р о г а ц к и й. Я могу дать о нем самые лучшие рекомендации. Вы, простите меня, до сих пор, кажется, чувствуете себя еще в тяжелой русской обстановке.

Т е т я Ш у р а. Правда твоя, Станислав Антонович! Не могу я пока от этого дурного сна освободиться! И ночью мне какие-то страсти мерещатся, и днем все подозрительным кажется.

Р о г а ц к и й. Надеюсь, обо мне вы другого мнения, многоуважаемая Александра Ивановна?

Т е т я Ш у р а. Да уж, как тебе сказать? Оно, конечно, человек ты, видать,

положительный. Глаза у тебя не воровские, хорошие, купеческие глаза. Раз тебе денег дала, значит верю! Ездил я давеча в город по лавкам. Все как-то у вас это очень... как бы сказать... временное! Фундамента под вашей торговлей не чувствуется; суета, шум, все кричат, чего-то предлагают, чего-то покупают! Не привыкла я так! Видела я торговлю при покойнике своем. Не так у вас, батюшка. Ты не обижайся на меня, а пойми: деньги у меня хорошие, крепкие...

Р о г а ц к и й. И оборачиваю я их, как видите, прекрасно! На продаже нефти этим красноводским шляпам мы с вами, Александра Ивановна, нажили...

Т е т я Ш у р а. Нажили, дорогой! Спасибо тебе! *(Идет к веранде, кричит в сад.)* Молодые люди! Пожалуйста сюда! Сейчас будем чай пить! Ася! Чаю! И сладкое ставь на стол, сегодня день хороший!

Н ю с я и З а л и е в поднимаются из сада.

З а л и е в *(мрачно)*. Вы в превосходном настроении, уважаемая Александра Ивановна. Т е т я Ш у р а *(подмигивает Рогоцкому)*. Потому на то есть особые причины!

Ася вносит пирог и вазу с вареньем. Ставит на стол.

А самовар?

А с я. Сейчас, барыня! *(Уходит.)*

Т е т я Ш у р а *(разрезает пирог)*. Тебе откуда, Рогоцкий: с середины или с краю?

Р о г а ц к и й. Что на вас смотрит, Александра Ивановна, не трудитесь.

Хлопнула калитка. Шаги в саду.

(Оборачивается.) К вам еще гости!

Т е т я Ш у р а. Кого же бог посылает?

Входят пристав и полицейский. Пауза. Вошедшие кланяются. Сидящие за столом с удивлением смотрят на вошедших, а затем переглядываются друг с другом.

Р о г а ц к и й *(встает, поправляет пиджак и спокойно спрашивает)*. В чем дело?

П р и с т а в. Прошу не тревожиться! Я сейчас вам все объясню, господа. Здравствуйте, Залиев.

С разных сторон входят Ася и английский офицер. Ася, опустив голову, ставит на стол самовар и уходит. Останавливается в дверях, потому что в них появляется агент и молча преграждает ей дорогу. Английский офицер делает шаг вперед.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Одну минуту, мадемуазель.

Ася оборачивается.

Т е т я Ш у р а. Она — не мадемуазель, сударь! Она — наша прислуга! Вы ошиблись!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Нет, мадам, я не ошибаюсь! *(Подходит к Асе и*

пристально смотрит на нее.) Как вас зовут?

А с я. Асей.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Асей? А когда мы ехали вместе из Сухума в Новороссийск, у вас было другое имя: Елена Львовна Елагина.

Т е т я Ш у р а. Чего он такое говорит?

А с я. Я ничего, барыня, не пойму! Они меня за кого-то принимают.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Перестаньте валять дурака! Что вы делаете в Баку? Как вы сюда попали?

А с я. Я ничего не знаю! Я с барыней приехала!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Вы арестованы!

Р о г а ц к и й. А за что же, позвольте вас спросить, сэр? Я требую объяснений!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*не обращая внимания на Рогацкого, спрашивает у тети Шуры*). Давно она служит у вас, мадам?

Тетя Шура хотела ответить, но ее перебивает Рогацкий.

Р о г а ц к и й. Здесь, сэр, явное недоразумение!

З а л и е в. Их что-то стало слишком много за последнее время! (*Приставу.*) Может быть, ты, Сетар, все-таки освободишь нас от этой... церемонии?

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*резко*). Прошу обращаться ко мне! Здесь старший я — майор Аткинсон! Полагаю, что вам известно мое имя и должность! Эта девушка, мадам, большевичка!

Т е т я Ш у р а. Господи!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Я утверждаю, что она четыре месяца назад была в Сухуме. (*Смотрит на Асю.*)

П р и с т а в (*тихо, Залиеву*). О ней запрашивал Новороссийск! Она участвовала в освобождении из тюрьмы двух большевиков!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*Асе*). Вы не будете отпираться?

А с я. Я ничего не знаю. Я никуда не уезжала.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*тете Шуре*). Давно она у вас?

Тетя Шура хотела ответить, но ее перебивает Ася.

А с я (*быстро*). Три месяца.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*полицейскому*). Помогите собраться этой особе! Обыскать ее комнату!

А с я. Но я же ни в чем не виновата!

Агент и пристав уводят Асю.

Н ю с я. Мсье Залиев! Бедная Ася!

Р о г а ц к и й. Не беспокойтесь. Я это сегодня же устрою.

З а л и е в (*угрожающе*). А я уже еду!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Не знаю, куда вы поедете, мсье, а эта девушка поедет со мной!

Т е т я Ш у р а. Господи! Нам же ее как своего человека рекомендовали! Как же это

так? Мы ей все доверяли! (*Рогацкому.*) Она знала даже, где у меня деньги лежат. Какова штучка!

Н ю с я. Успокойся, мамочка! Может быть, все же господин офицер ошибся.

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Не обманывайте себя, мадемуазель! Ваша прислуга и женщина, которая ехала на моем корабле, — одно и то же лицо.

Возвращается Ася с узелком. За ней пристав и агент.

П р и с т а в. Разрешите на минуту, сэр!

Английский офицер отходит с ним в сторону.

Кроме ее вещей, ничего!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Стены?

П р и с т а в. Простукал!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Пол?

П р и с т а в. Ничего подозрительного!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Хм!.. Ну, хорошо, пошли!

Т е т я Ш у р а. Спасибо тебе, милая, отблагодарила! Таковую змею под сердцем держала!

А с я (*смотрит ей в глаза и четко произносит*). Я ничего не знаю, барыня.

Полицейский и агент уводят Асю.

Т е т я Ш у р а (*вслед Асе*). Там разберут, будь спокойна!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р (*тете Шура*). В вашем доме, сударыня, жил опасный агент большевиков. До свидания, господа! (*Уходит.*)

Пристав, сочувственно разводя руками, уходит за ним.

Пауза. Хлопает калитка.

Т е т я Ш у р а. Что же это такое? Ой, сердце мое! (*Хватается за сердце.*)

Н ю с я. Мама, успокойся! (*Залиеву.*) Дайте воды! Какое несчастье!

Р о г а ц к и й. Я сейчас поеду, выясню...

Н ю с я. Поезжайте, господа! Я сама... Пришлите мне доктора, мсье Залиев!

Мужчины быстро уходят. Тетя Шура лежит без движения. Нюся подходит к ней.

Т е т я Ш у р а (*поднимает голову*). Ушли?

Н ю с я. Да. Почему ты не сказала, что она у нас с детства?

Т е т я Ш у р а. У него, очевидно, много улик против нее! Я решила не впутывать нас! Это бросило бы подозрение на всех... Да и Ася сама не захотела...

Входит Нестор.

Н е с т о р (*тихо спрашивает*). Что случилось?

Т е т я Ш у р а (*подходит к нему и сдавленным голосом говорит*). Ася... узнал... английский офицер! Надо сейчас же связаться с комитетом. Нюся, пиши объявление в

газету: «Нужна опытная прислуга» и адрес. *(Нестору.)* Снесешь объявление! По дороге зайти в буфет Абазова. И скажи ему, чтобы он нам прислал своего человека — молодую девушку в горничные. Сообщи ему насчет Аси. Пусть все сделают... Пусть попытаются отбить...

Пауза.

Н ю с я. Товарищи, ее расстреляют?

Т е т я Ш у р а. Пиши, Нюся, скорей... Бедная девочка!..

Н е с т о р. Сегодня в ночь нам отправляться во что бы то ни стало!

Т е т я Ш у р а. Нюся, пиши!

З а н а в е с.

Картина шестая

„Вы жертвою пали...“

Буря. Ревут волны. Ночь. Море. Лодка. За рулем А к о п я н, В а с и л и й крепит паруса. И в и н у борта кричит в темноту.

И в и н. Ого-го! Нестор!

Сквозь шум волн доносится издали голос Нестора: «Слышу!..»

Держитесь справа, а то потеряемся.

Голос Нестора: «Ладно...»

И в и н. А где другие лодки?

Голос Нестора: «Вперед ушли!»

Ивин отходит от борта.

И в и н *(Василию)*. Вон как она разбушевалась, стихия-то!

В а с и л и й. Нам лучше.

И в и н. Это да.

Пауза.

Помочь тебе, Вася?

В а с и л и й. Нет, спасибо, я сам управлюсь. А ты как, товарищ Акопян?

А к о п я н. Держу курс прямо! На Астрахань!

И в и н. Опять увидимся с друзьями... *(Василию.)* Хорошая у тебя старуха!

В а с и л и й. Да! Всю жизнь на меня положила. Я ведь почти с детства без отца. Раньше, бывало, уйдешь в море на ловлю, а когда возвращаешься, еще издали на молу мамаша

виднеется, ждет!

И в и н. Одно слово — мать! И что это за слово? Как подумаешь о нем, жалости в тебе прибавляется и хочется сделать что-нибудь доброе. Это я говорю понаслышке, не из личной практики, потому что матери у меня не было! То есть она была, но я ее не помню! Родился я в далекой Сибири, и об этом рассказ длинный...

А к о п я н. Ну, раз длинный, так пошел бы сперва посмотреть, не разболтались ли бидоны? Очень наскоро в этот раз собрались.

И в и н. Не беспокойся! Я сам укладывал. Как в магазине: с бантиком! *(В море.)* Ого-го-го!

Голос Нестора: «Ого-го-го!»

Пауза.

А к о п я н. А у меня в прошлую пятницу сын родился. Жена пишет из Ганджи — мы сами из Ганджи, — что сын!

И в и н. Поздравляем! Это событие надо в статистику занести. Теперь одним революционным моряком больше на нашей земле.

А к о п я н. Так уже второй без моего присутствия на свет появляется. Дома приходится мало бывать...

И в и н. А все-таки время хватает, чтобы детей плодить.

В а с и л и й. На это много его не требуется.

А к о п я н. Ну, ты брось шутить!

Голос Нестора: «Ого-го-го!»

И в и н *(в ответ)*. Ого-го-го!

Пауза.

В а с и л и й. Старушке своей шаль теплую везу. Годы у нее уже такие, что спину иногда ломит. А она говорит, что от сырости.

И в и н. Ей ничего! Какая у нее работа? Накормить раз в день Андрея Матвеевича да белье ему постирать... Он человек простой.

В а с и л и й. И справедливый! Ты посмотри, как он к моему вопросу подошел. С таким в огонь и в воду.

И в и н. Этот раз мы вернемся в Баку, отдохнем с недельку. А то как бы они не сообразили чего.

Пауза.

В а с и л и й *(вдруг, Ивину)*. Товарищ Ивин, а товарищ Ивин! Как ты думаешь, отобьют Асю?

И в и н. Хорошо бы!

А к о п я н. Если сразу в Петровск к белым не увезли, отобьют!..

В а с и л и й. Это верно. Ваши ребята — парни что надо!

Пауза.

Боевая девушка! *(Вздыхнув.)* Не повезло бедняжке.

С моря доносится глухой крик. Все повернули головы. Тишина. Ивин подбегает к борту. Прислушивается. Голос Нестора: «Корабль справа... военный».

И в и н. Корабль справа военный. *(Кричит.)* Заметил нас?

Голос Нестора: «Не знаю...»

И в и н *(кричит)*. Давай в разные стороны!

Голос Нестора: «Есть в разные! До свидания, товарищи!..»

И в и н. Врозь доберемся! *(Акопяну.)* Давай в сторону, рулевой! Вася, на паруса! *(Вглядывается в темноту.)* Уже Нестора не видно. Хоть бы они на нас налетели...

В а с и л и й. Почему?

И в и н. У Нестора на лодке бензину вдвое больше!.. Теперь спокойствие, товарищи! Никакого волнения. Пять раз проскакивали, авось и на сей раз — тоже. *(Смотрит на нахмурившегося Василия.)*

Ты чего, Вася?

В а с и л и й *(как бы очнувшись)*. Ничего, прошло, вроде озноб. Я уже спокойный.

Луч прожектора скользит по палубе.

И в и н. Давай еще в сторону, Акопян! Сигналят, чтобы остановились.

В а с и л и й. А мы вроде не понимаем.

И в и н. Правильно! Уже подходит, собачий сын!

Снова прожектор. Он на секунду освещает лодку и гаснет. Крик с моря: «Спускай паруса!» После паузы — по-тюркски: «Спускай паруса!»

А к о п я н. Теперь ясно! Спускай паруса, Вася.

И в и н. Я на свое место. *(Прячет за пазуху наган.)* Сигнал помните?

А к о п я н. По инструкции: если Вася запоет...

И в и н. Правильно! *(Исчезает в трюме.)*

А к о п я н. Если ты запоешь, Вася...

В а с и л и й. Понятно!

А к о п я н. Помни... Ты молчишь, я говорю!

Шум возникает рядом. Конец падает на палубу. Василий хватается за него и прикрепляет к борту. Вбегают два матроса, за ними лейтенант, английский офицер и агент.

Л е й т е н а н т. Документы!

Акопян медленно подходит, делая вид, что не расслышал.

(По-тюркски.) Документ ляр!

Акопян достает из халата узелок, развязывает его, подает бумажку. Лейтенант читает.

По-русски понимаешь?

А к о п я н *(качает головой)*. Нет, мала, господин.

Л е й т е н а н т *(английскому офицеру)*. Все в порядке, сэр, рыбаки!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Очень быстрое решение. Есть еще кто-нибудь в лодке?

Л е й т е н а н т *(Акопяну)*. Есть еще кто-нибудь в лодке?

А к о п я н. Нет, господин!

Л е й т е н а н т. Нет, сэр!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Надо осмотреть трюм. Я пойду сам. *(Лейтенанту.)* Вы же боитесь запаха рыбы. *(Агенту.)* Вы со мной!

Оба быстро опускаются в трюм.

Пауза.

Л е й т е н а н т *(с усмешкой, матросу)*. Надышится он там таких духов...

М а т р о с. Аромат известный, господин лейтенант!

Пауза. Лейтенант закурил. Из трюма выходит а н г л и й с к и й о ф и ц е р, за ним а г е н т.

Л е й т е н а н т. Ну? Что вы там нашли, сэр?

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. Ничего!

Офицер как ни в чем не бывало подходит к Василию. Кладет ему руку на плечо. Василий смотрит на него тупым, непонимающим взглядом. С другой стороны к виску Василия английский офицер приставляет браунинг. Одновременно агент хватает Акопяна, английский офицер — Василия.

Если шевельнетесь или откроете рот, — я стреляю!

В а с и л и й. Не понимаю по-русски, господин!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. О, я вас научу!

А к о п я н *(по-тюркски)*. Спаси, аллах, наши души!

А н г л и й с к и й о ф и ц е р *(матросам)*. Кляп в рот! Обоим!

Матросы и агент исполняют приказание: вяжут Василия и Акопяна. Английский офицер опускает браунинг.

Так!

Л е й т е н а н т. Теперь можно узнать, к чему это, сэр?

А н г л и й с к и й о ф и ц е р. К тому, что я наблюдательный офицер, а вы слепой дурак!

Лейтенант. Вы забываетесь, сэр!

Английский офицер. Ничего, ничего! Когда мы осматривали трюм, я тихонько стукнул в стенку, а потом этим маленьким инструментом (*вынимает буравчик*) провертел ее. Оттуда полилась жидкость! Чистый авиационный бензин!

Лейтенант. Живьем сожгу! (*В ярости Акопяну.*) Ты что же... сволочь?

Английский офицер. Тихо! (*Агенту.*) Приведи сюда арестованную!

Агент быстро идет по трапу.

(*Лейтенанту на ухо.*) Теперь внимательно наблюдайте за ними.

Лейтенант. Слушаю, сэр.

Английский офицер (*усмехнувшись*). Теперь «слушаю», а раньше?

Лейтенант. Простите, сэр! О, я с ними займусь, будьте спокойны! Мы, кажется, уже где-то с ними встречались! Очень знакомые рожи.

По трапу агент ведет Асю. У нее завязаны руки. Она тревожным взглядом быстро окинула палубу. Василий и Акопян даже не поднимают головы.

Английский офицер (*Асе*). Вы знаете этих людей?

Ася. Нет.

Английский офицер. А вы знаете эту женщину?

Василий и Акопян отрицательно качают головой.

Говорите правду, и я вас отпущу! (*Лейтенанту.*) Лодку возьмем с собой, в Петровск! Там все станет ясным!

Василий встрепенулся и что-то мычит.

(*Василию.*) Что? Будешь говорить?

Василий кивает головой. Акопян и Ася с презрением смотрят на Василия.

Развяжите ему рот!

Василию развязывают рот. Ася бледнеет и отворачивается.

Говори!

Василий вдруг громко поет: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Ася присоединяется: «...любви беззаветной к народу...» Акопян рвется из рук матроса.

Лейтенант. Молчать!

Английский офицер. Подождите! (*Вынимает браунинг, медленно идет к Василию.*)

Василий (*изо всех сил*). Слышишь ты нас, Ивин?

Голос Ивина снизу: «Слышу!» Английский офицер бросается с браунингом к трюму, но оттуда раздаётся выстрел. Английский офицер падает на палубу. Василий поет: «Мы отдали все...» Взрыв, другой, третий. Все взлетает на воздух.

З а н а в е с .

Картина седьмая

Астрахань побеждающая

У Лукина. Тускло горит свет. Глубокая ночь. На улице воет сильный морской ветер. Осень. Л у к и н сидит у стола за картой. Л е н я дремлет у полевого телефона. Рядом с телефоном телеграфный аппарат. Лукин смотрит на Леню.

Л у к и н. Леня!

Леня спит.

Спать охота, Леня?

Л е н я (*сразу вскакивает*). Нет! (*Протерев глаза.*) Никак нет, товарищ начальник! А вам?

Л у к и н (*улыбаясь*). А мне уже третьи сутки хочется. Никак, понимаешь, не выспишься. А теперь и вовсе не придется...

Л е н я. Понятно, товарищ начальник...

Л у к и н. Ты теплые вещи захвати! Зима, Леня, на носу! Она, голубушка, на Кавказе внезапно приходит! Так, смотришь, тепло, солнце, а потом сразу снег!

Входит штабной.

Как самолеты, Александр Васильевич?

Ш т а б н о й. Материальная часть в порядке. Дадут бензин — и в полет!

Пауза.

Только вот... подадут ли его?

Л у к и н. Я ждал их еще вчера! Но... наши лодки, Александр Васильевич, ходят не по очень точному расписанию.

Штабной кивает головой.

Если придут сегодня, половину — в резерв, остальное к ангарам, немедленно!

Ш т а б н о й. Слушаюсь! К вам гость, Андрей Матвеевич!

Л у к и н. Кто такой?

Ш т а б н о й (*кивает головой*). Входите, товарищ!

Входит партизан.

Лукин. Здоров, Никаша! Когда появился?

Партизан. С полчаса, Андрей Матвеевич! Дело больно срочное! Вот я старичку твоему докладываю уже.

Штабной. Требуется (*разводит руками*) артиллерию для партизанского отряда! Такой крик поднял...

Лукин. Опять шумишь, Никаша?

Партизан. А как же не шуметь. Нас теперь много! Полторы тысячи! Одних партийных большевиков двадцать душ обоего пола! Как же это можно без орудий? Он дал винтовки, пулеметы, патроны, а пушку не дает! Десять человек нас за этим товаром приехало!

Штабной. Не провезут они орудия, Андрей Матвеевич! Я ему объяснил, а он одно: «Пойдем к Лукину».

Партизан. Дай, товарищ Андрей, орудию! Честное слово, не пожалеешь. Вернемся обратно к себе, в камыши, и пушки провезем в целостности-невредимости!

Штабной. Безумие, Андрей Матвеевич!

Партизан. Дай пушки, очень просим!

Лукин. Подожди!

Пауза.

Дайте им два орудия, Александр Васильевич! Горных, облегченного типа! (*Партизану.*) Разобрать придется.

Партизан. Это ладно! Мы соображаем, как такие деликатные вещи надо возить! А тебе — спасибо!

Лукин. Ждите нас скоро к себе!

Партизан. Ждем, Андрей Матвеевич! Будь здоров, дорогой товарищ! (*Нахлобучивает шапку.*)

Штабной качает головой.

Лукин. Не хмурьтесь, Александр Васильевич. Привыкайте к таким делам.

Штабной. Слушаюсь, Андрей Матвеевич!

Лукин (*жмет руку партизану*). Не подкачаете, камышане?

Партизан. Не сомневайся! (*Штабному.*) Видал? Поехали за пушками! (*Уходят.*)

Лукин проходит к себе. Входит Ильинична.

Леня (*в трубку*). Укрепрайон? Укрепрайон? (*Ильиничне.*) Бабушка! Он ждет сегодня наших.

Ильинична. Дай бог! И Васенька мой вернется. Я Андрея Матвеевича просила, чтобы отдохнул сынок подольше! Варезки ему связала, две смены белья теплого приготовила и свое — казенное — обмундирование! Брюки мне вчера выдали ватные, тельник... (*Всматриваясь в темноту.*) Уж пора бы им... (*Уходит.*)

Леня (*в трубку*). Укрепрайон? Укрепрайон? Ага! Будь все время у аппарата!

С Ш а й т а н о м входят ж е н щ и н а - п о л и т р а б о т н и к и красноармеец.

Ж е н щ и н а (*Шайтану*). Где листовки?

Ш а й т а н. Вот забирайте — на рояле!

Ж е н щ и н а. Так мало?

Ш а й т а н. День и ночь типография печатала.

Ж е н щ и н а (*разрывает пачку, вынимает одну листовку, читает*). «К трудовому населению Северного Кавказа...» (*Красноармейцу*.) Берите, товарищ! (*Берет сама листовки.*)

Шайтан помогает. Красноармеец забирает остальные листовки. Все трое быстро уходят. Входит кур с а н т. Леня встает.

К у р с а н т. Товарища Лукина можно видеть?

Л е н я. Садитесь! Он сейчас...

Курсант уже собирается сесть, но Л у к и н возвращается в комнату.

К у р с а н т. Товарищ член Реввоенсовета? Командир железного батальона курсантов Платонов. Батальон назначен к отправке в Кизлярском направлении.

Л у к и н. Когда выступаете?

К у р с а н т. Сегодня ночью.

Л у к и н. По какому вопросу ко мне?

Пауза.

К у р с а н т. Насчет снабжения. Голодно, товарищ член Реввоенсовета.

Л у к и н. Знаю. Эти дни — совсем плохо.

К у р с а н т. Ребята узнали, что только сейчас вагон картошки пригнали на станцию. Разрешите воспользоваться?

Л у к и н. Непременно! Одну минуту. (*Снимает трубку.*) Вокзал? Кто говорит? Здравствуй, Миша! Это я, Лукин! Сейчас уходят на фронт курсанты... Надо снабдить их продовольствием... Нет ничего? А вагон картошки? Ты не крути, я уже знаю! Ну, хорошо! (*Вешает трубку.*) Удивился очень, откуда я узнал о вагоне! Всего, говорит, сорок минут как прибыл. (*Берет лист бумаги, пишет.*)

К у р с а н т. Часть наших ребят на вокзале. Ну и... (*улыбается*) пронюхали, товарищ член Реввоенсовета.

Л у к и н. Вот вам записка, товарищ командир!

Входит ж е н щ и н а из д е т д о м а.

Ж е н щ и н а из д е т д о м а. Это вы и есть товарищ Лукин?

Л у к и н. А вы кто?

Ж е н щ и н а из д е т д о м а. Я из детского дома. Заведующая.

Л у к и н. Что случилось?

Ж е н щ и н а и з д е т д о м а. Погибают дети, Андрей Матвеевич. Разве то, что они получают, еда для малюток?

Пауза.

Л у к и н. Тяжело, товарищ, знаю. Потерпеть надо. Мне обещали прислать крупы... сахару...

Ж е н щ и н а и з д е т д о м а. А тут по городу прошел слух, что картошка на станцию пришла... Нельзя ли нам?

Л у к и н. Всего один вагон! Я отдал его войскам, идущим на фронт.

Ж е н щ и н а из детдома. Так ведь не для себя. Детей жалко.

Пауза.

Л у к и н. Да... очень. Вот что, товарищ заведующая. Вы пойдете с этим товарищем. Он с вами поделится! Для детей же!

Ж е н щ и н а и з д е т д о м а. Спасибо, Андрей Матвеевич! Спасибо!

К у р с а н т. Значит, разрешите выделить, товарищ член Реввоенсовета?

Л у к и н. Детям? Конечно! Дети — это... то же самое, что армия. Желая успеха! Через два дня буду у вас!

К у р с а н т. Ждем, товарищ член Реввоенсовета! (*Женщине.*) Идемте, гражданка!

Уходят. Их пропускает мимо себя вошедший в комнату Ш а й т а н.

Пауза.

Леня все время дает сигналы на телеграфном аппарате.

Входит ш о ф е р. Он тихо подходит к Шайтану.

Ш о ф е р. Я с машиной внизу у подъезда, товарищ комендант! Скоро поедем?

Ш а й т а н. Скоро! Скажи Иванову — пусть на машину пулемет поставит.

Ш о ф е р. Слушаюсь! (*Уходит.*)

Входит и н ж е н е р. Он подходит сначала к Шайтану. Тот вежливо здоровается с ним, долго трясет ему руку.

И н ж е н е р. Здравствуйте, дорогой Александр Осипович!

Ш а й т а н. Здравствуйте, дорогой Алексей Борисович!

Шайтан смотрит на Лукина. Тот улыбается.

Л у к и н. Какие новости, Алексей Борисович?

И н ж е н е р. Хорошие. Вся молодость вернулась ко мне... (*Шайтану.*) Вы не находите, что я посвежел?

Л у к и н. Выглядите вы прекрасно! Та смесь, Алексей Борисович, которую вы придумали для самолетов.

И н ж е н е р. Никуда не годится? Знаю.

Л у к и н. Я не говорю, что она не годится. Ведь как было дело: показались три неприятельских самолета, наш вылетел им навстречу, а у него, сзади вился густой хвост дыма.

И н ж е н е р. Он работал на грязи! Вы же знаете, Андрей Матвеевич! Он работал на грязи. Но теперь мне удалось путем перегонки добиться почти *(улыбнулся)* «совершенства». Мы обойдемся временно своим «бензином», если его так можно назвать!

Инженер вынимает из кармана бутылочку, наливает в пепельницу бензин и зажигает. Бензин ярко горит.

(Подтянувшись почти по-военному.) Вот! Ваш приказ о создании собственного топлива выполнен.

Л у к и н. Здорово! Вот это здорово! Верно, здорово, Шайтан?

Ш а й т а н. Ну, так... ведь очень дельный человек!

Л у к и н. А как идут работы то бакинской бухте?

И н ж е н е р *(смущенно)*. Ведь Баку... еще не советский.

Л у к и н. Будет! Прошу уделять проекту все ваше внимание. Вы думали, что я шутил тогда? Ни на минуту не прерывайте работы. *(Задумчиво.)* Когда кончите проект, мы уж сумеем его осуществить!

И н ж е н е р *(в порыве)*. Вы вернули мне жизнь, Андрей Матвеевич!

Л у к и н. Ну, это уж через край, батенька! *(Вдруг.)* Книги по нефти так и не принесли?

И н ж е н е р. Забыл!

Л у к и н. В другой раз не забывайте! *(Протягивает ему руку.)*

Инженер уходит.

Пауза.

Л у к и н. Ты на проводе, Леня?

Л е н я. Все время, товарищ начальник. *(Вдруг.)* Смотрите!

Лукин бросается вперед, прямо в объятия Н е с т о р а и Б а г и р о в а. Молча крепко обнимаются мужчины.

(Срывается и кричит.) Бабушка! Приехали! *(Убегает.)*

Л у к и н. Привезли?

Н е с т о р. Привезли.

Л у к и н. Почему такие лица?

Н е с т о р. Погибло трое, Андрей Матвеевич: Ивин, Акопян и... Василий.

Пауза.

Л у к и н *(глухо)*. Как это случилось?

Н е с т о р. Сейчас расскажу... Вышли неделю назад из Баку. День начался неудачно! Асю на базаре узнали — арестовали!

Л у к и н. Асю! Девочка!

Пауза.

Как квартира?

Н е с т о р. Цела!

Л у к и н. Дальше!

Н е с т о р. Вечером мы вышли в море. Восемь лодок. Ночью этого же проклятого дня нарвались на белый крейсер... Кинулись в разные стороны...

Л у к и н. Правильно! Ну?

Б а г и р о в. Через некоторое время увидели, как... сторожевое судно и лодка Ивина взлетели на воздух...

Пауза. Лукин закрывает глаза рукой.

Погиб Акопян... мой старый товарищ...

С Л е н е й входит И л ь и н и ч н а, счастливая, останавливается.

Н е с т о р. Ивин, наш Ивин!

Ш а й т а н. И Василий погиб — мой названный брат.

Ильинична со стоном опускается на стул. Шайтан подбегает к ней.

И л ь и н и ч н а. Вася, сыночек...

Ш а й т а н. Успокойтесь, мамаша! *(Гладит голову Ильиничны.)*

Леня поддерживает ее с другой стороны.

Пауза.

Л у к и н *(подходит к Ильиничне)*. Страшную весть привезли тебе, мать! Нет слов для тебя, нет таких слов, чтобы утешить... Большое наше горе...

И л ь и н и ч н а. Родной мой... Васенька...

Н е с т о р *(тоже подходит к Ильиничне)*. Хорошо умер твой сын... Хорошо... Каждый из нас с радостью отдаст за это свою жизнь.

Пауза.

Понимаешь, мать?

И л ь и н и ч н а. Сына у меня больше нет... Сына!..

Ш а й т а н. Есть у тебя сын!

Пауза.

(Берет старуху под руку.) Пойдем, мать... *(Уходят.)*

Пауза.

Л у к и н. Еще трое: Ивин, Акопян, Василий! Большой кровью пока за жизнь платим!

За сценой нарастает военный марш. Быстро входит штабной.

Штабной. Бензин разрешите перевезти?

Лукин *(подняв голову)*. Давайте!

Штабной щелкает каблуками и уходит на балкон. Делает кому-то знак. Музыка приближается. Оркестр уже под окнами дома. Раздаются крики команд. Музыка обрывается на финальной ноте. Входит Шайтан, за ним Ильинична. Она подходит к Нестору. Передает ему связку баранок.

Ильинична. Это вам всем! Все кушайте, сыночки мои!

Входит с балкона штабной.

Штабной. Батальон курсантов! Хотят вас видеть, Андрей Матвеевич!

Лукин выходит на балкон. На площади становится тихо. Штабной плотно закрывает дверь балкона. Вбегает вестовой. Он подходит к штабному.

Вестовой. Разрешите доложить, товарищ начальник?

Штабной. Скорей!

Вестовой. Броневой дивизион первым заправился бензином и уже двинулся!

Штабной. Передайте, что мы следом!

Вестовой козыряет и убегает. Штабной открывает дверь балкона. Шум площади.

Лукин *(с балкона)*. Товарищи курсанты! Белые при последнем издыхании! Славные армии Южного фронта гонят перед собой врага на всех участках! Первая Конная армия заняла Воронеж! На нашу долю выпадает честь добить интервентов и белых ударом с фланга. Герои моряки, жертвуя собой, доставляли нам бакинский бензин. Наши самолеты и броневики получили горючее! И мы ворвемся теперь в деникинские тылы, пробьем дорогу на Северный Кавказ! Курсанты! На своих штыках вы понесете славу революции! Вперед, к победе! И пусть ярко светит над нами красная звезда нашей могучей родины! Ура!

Слышно ответное «Ура!» Команда: «На плечо! Батальон прямо!» Снова марш.

Штабной *(Лене)*. Есть связь со штабом фронта?

Леня. Есть, товарищ начальник! Все время держу!

Входит Лукин.

Лукин. Провод? *(Быстро пишет и протягивает Лене записку.)* Вот, передай! И догоняй нас скорей! *(Подходит к Ильиничне, крепко целует ее.)* Ну, держись, мать!

Ильинична незаметно крестит Лукина. Обняв Багирова и Нестора, он быстро выходит. Штабной и Шайтан идут за ним. Шайтан возвращается, крепко целует

Ильиничну.

Ш а й т а н. До скорого свидания, мать! *(Убегает.)*

Ильинична смотрит ему вслед, а затем выходит на балкон. Леня тем временем наладил связь и передает, громко читая вслух.

Л е н я. Укрепрайон! Укрепрайон! Передаю, записывай: «Штаб фронта, товарищу Фрунзе. Сегодня всеми частями перешли в наступление, запятая, будем бить Деникина с фланга, запятая, пока не опрокинем в Черное море, точка. Привет. Лукин». *(Встает. Срезает провод прямого телефона, перебрасывает его через плечо и быстро выходит.)*

Проходят войска. В машине проезжают Лукин, Шайтан и штабной. Ильинична стоит, суровая, строгая, и машет платком своим сыновьям.

З а н а в е с.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Кочет Степан Григорьевич — секретарь райкома

Потапенко — председатель райисполкома

Ротман Абрам — директор электростанции

Наташа — старшая телефонистка

Русов Гаврила Федорович — пенсионер

Русов Саша — начальник вокзала, его сын

Глущенко — предсельсовета

Маруся — его жена

Халков — рабочий

Седов — мастер

Борисов — бухгалтер

Марычев — прокурор

Сазонов — учитель

Кричевский — монтер

Полотер — старик

Катя — девушка

Орлов — танкист

Макенау — полковник

Адьютант

Обер-лейтенант

Старуха

Фельдфебель

Партизаны и партизанки, советские офицеры, городские жители, гитлеровские солдаты, гестаповцы.

Действие происходит в незабываемые дни Великой Отечественной войны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На авансцене — крытое крыльцо: вход в одноэтажное здание райкома. Занавес открывается.

Ночь. Далекие раскаты орудийных залпов. Кабинет секретаря райкома Степана Григорьевича Кочета. Камин. В нем тлеют бумаги, но огня не видно потому, что слишком ярко, как-то особенно ярко горит электричество. Шторы спущены: здесь затемнение. Кочет на корточках перед камином. В кресле — Глущенко, предсельсовета.

Кочет (*сжигая бумаги*). Понятно тебе, Миша?

Глущенко. Понятно, Степан Григорьевич! Как приду — сразу всех, кто до военного дела еще способен, в лес, в плавни...

Кочет. И дожидаться моих инструкций...

Глущенко. Есть! Только народу маловато... Мальцы, бабы, да вот мы — инвалидная команда! И с оружием как будет?

Кочет. Достанем... Раз это необходимо — значит, достанем. Конечно, и сами соображайте... У немцев его много, оружия...

Глущенко. Да уж случая не упустим... На трудное дело собираемся, Степан Григорьевич, на смертельное, но я тебя знаю, и я тебе верю, товарищ!

Кочет (*поднимаясь с корточек*). Спасибо, Миша! Счастливый путь!

Глущенко. И тебе того же!

Крепко целуются. Глущенко уходит. Кочет быстро снимает трубку телефона.

Кочет. Старшую!

Пауза.

Старшая?.. Вот что, дорогая Наташа! (*Смотрит на часы.*) Слушай меня внимательно... Через пять минут вас заберет машина... и чтоб через пять минут ни один телефон в городе не работал... Понятно? (*Слушает ее ответ и вдруг резко.*) Перестань реветь, слышишь?! Знаю, знаю, что пять лет проработала... Вот вернемся, тогда снова включим твои точки... Ну — все! Будь здорова, Наташенька! Я рассчитываю на твою аккуратность... (*Кладет трубку, смотрит на часы.*) Но почему до сих пор горит электричество?

Входят Русовы: старший и младший. Старик одет по-дорожному, с охотничьей берданкой в руках.

Саша. Я прямо без доклада, Степан Григорьевич!

Кочет. Давай, Александр Гаврилович... Быстрее...

Саша. На путях — такая каша, что они за три месяца не разберутся!

Кочет. А составы?

Саша. Все успели угнать! Но не очень ли мы уходить торопимся?

Кочет косится на него, усмехается.

Да нет! Это я, в общем, так спросил: ведь у меня — все в порядке!

Р у с о в (*ворчливо*). Хорош порядок — сколько добра загубили!

К о ч е т. Вы — кто, папаша?

Р у с о в. Я — папаша! Как раз его папаша и есть, Александра Гавриловича...

С а ш а. С нами собрался... (*Пожимает плечами.*)

Р у с о в. Федорович меня по батюшке... Да, собрался и соображаю, что не за куропатками! А на ружье вы мое не смотрите: она волка берет... И, между прочим, германца — тоже брала хорошо. Я с ними в третий раз, с германцами, встречаюсь!

К о ч е т. Как это: в третий?

Р у с о в. А очень просто! Считай: вдарился он со мной в четырнадцатом году, так вдарился, что от всего нашего лейб-гвардии Литовского его императорского высочества великого князя Сергея Александровича полка ни шиша не осталось, и от ихней пехотной бригады — не больше. Раз! Рассчитались мы с ним, то есть с германцем, четыре года спустя — в восемнадцатом: чесал с Украины, аж пятки сверкали. Два! А теперь вот — в третий... Конечно, годы мои уже не те, но ничего все-таки...

К о ч е т. Ну и как думаете?

Р у с о в. А посмотрим. Держава наша, как известно, крепкая!

К о ч е т. И я так полагаю!

С а ш а. Берем его, Степан Григорьевич, или...

Р у с о в. А мне разрешение ваше не нужно... Я есть гражданин, который с оружием в руках будет защищать свою родину. (*Кивнул головой на портрет Ленина.*) Иду по его призыву, так что мне больше от вас никакой резолюции не требуется.

К о ч е т. Он прав, Саша! Собираемся ровно (*смотрит на часы*) через полчаса! Идите соберите свои вещи! Берем самое необходимое: только то, что можно унести и от чего в лесу польза будет!

С а ш а. Исполню в точности, Степан Григорьевич! (*Идет к дверям, старик Русов — за ним.*)

Р у с о в (*тихо, сыну*). На, выкуси... (*показывает ему фигу*) Бубнил, как сыч: не возьмут, не возьмут! У... леший...

С а ш а. Воздержались бы, папаша, честное слово! Все-таки здесь райком, а не трактир!

Уходят. Кочет снимает трубку. Пауза. Кладет трубку на рычаг. Вздыхает.

К о ч е т. Так! Значит, и телефонной сети в нашем городе больше нет! (*Толстым карандашом вычеркивает что-то в списке.*)

Почти падая от усталости, в кабинет вваливается П о т а п е н к о, председатель райисполкома. Он весь в муке.

П о т а п е н к о. Чего, говоришь, нету?

К о ч е т. Телефона!

П о т а п е н к о (*отряхиваясь*). Тогда черкай еще: элеватора нет, и водопровода! Да, да: я сейчас все это сам прикончил... В руках даже мурашки: как вроде человека убил! (*Безнадежно машет рукой.*) Строили-строили...

К о ч е т. Молчи, председатель! Терпи и молчи! Здесь-то, в райисполкоме, у тебя как?

П о т а п е н к о. Хорошо, что сам проверил... Архивы наробраза, понимаешь, сожгли, а к секретным документам и не прикасались... Ох, сильна еще у нас дура-матушка...

К о ч е т. Да! Чего-чего, а этого хватает! Садись, отдохни. Намаялся небось...

П о т а п е н к о. Спасибо! А есть время для отдыха?

К о ч е т. Немного!

П о т а п е н к о (*показывая на люстру*). А почему такая иллюминация? Разве ты не поручил Ротману...

К о ч е т. Вот я и волнуюсь... Копается, душа с него вон...

В городе рвутся два снаряда. Кочет хватает трубку и кричит.

Электростанцию!

Но трубка молчит. Кочет плюет с досады и бросает трубку. Пауза. Огонь артиллерии приближается. Кочет и Потапенко внимательно слушают.

П о т а п е н к о. Наверное, за речкой... Совсем уж близко...

Почти вбегают Ротман. За ним Халков и Седов.

К о ч е т (*Ротману*). Почему до сих пор...

Р о т м а н. Не могу! На, жизнь мою заberi! На! Убей меня — не могу... (*И стон вырывается у него из груди.*)

К о ч е т (*хватая Ротмана за плечи*). Абрам! Друг!

Р о т м а н. Я все закопаю в землю... Я так закопаю, что ни одна душа не найдет... Это же нет никаких сил... Мы обсуждали, все высказывались...

К о ч е т. Ага! Митингуете? Для собраний время, конечно, самое подходящее! Провода готовы?

Р о т м а н. Готовы, будь они прокляты... Но я не могу! Я же за нее валюту платил... Сам, как ребенка, выхаживал... Мы же недоедали, а строили! (*Почти истерично.*) Я вас официально спрашиваю: где еще есть такая электростанция? Скажите? И пустить все это на ветер?

К о ч е т. А врагу оставить, значит, лучше?

Р о т м а н. Можно спрятать... Я сделаю так...

К о ч е т. Инженер Ротман! Вы что: хотите Гитлеру путь осветить?

Р о т м а н. Не могу! Убей сразу! Давай я водопровод взорву. Хочешь — элеватор, весь город, а свою станцию — не могу!

К о ч е т. Не можешь? Ладно! Тогда я сам пойду!

С е д о в. Погодите, Степан Григорьевич! Не надо вам идти! Я... согласен это сделать! Короткое замыкание — и конец. Приказывайте!

Кочет хочет устно отдать этот приказ, но ему не хватает дыхания. Тогда он достает из ящика стола чистый лист бумаги, пишет, подписывается.

К о ч е т. Товарищ председатель райисполкома!

Потапенко подходит, Кочет передает ему бумагу. Потапенко читает, берет ручку. Его пальцы дрожат. Он долго не может попасть пером в чернильницу. Наконец подписывает. Кочет ставит печать и передает бумагу Халкову.

Халков (читает, а затем передает бумагу Седову). Читай, старший монтер. Читай и подчиняйся приказу!

Седов. Будет исполнено! (Идет, читая, вместе с Халковым, тихо говорит ему.) Только эта бумага мне ни к чему! Можно было Степану Григорьевичу просто сказать...

Халков (тихо). Так разве подобное выговорить? Разве он в силах...

Седов. Это конечно. (Уходит с Халковым.)

Пауза.

Потапенко. Ведь не спали ночей... Ни тебе отдыха...

Ротман. Да кто об этом говорит... Все хотели как лучше! Какой корпус... Европа, а не станция... Второй Днепрострой.

Потапенко. Ну это ты, Абраша, хватил...

Ротман. Ах перестаньте... (Вдруг замолкает, смотрит на стоящего к ним спиной Кочета.) Вы плачете, Степан Григорьевич?

Кочет (выходя из оцепенения, резко поворачивается). Что?

Ротман. Простите, мне показалось...

Кочет. Зачем показалось? Плачу! От бессильной злобы своей плачу! Но ничего... За все рассчитаемся сразу... Так рассчитаемся, что аж небу жарко станет! (Голос его усиливается.) Так рассчитаемся, что от ужаса, от мысли одной о таком расчете прекратится у них жизнь человеческая, если можно эту черную свору назвать «человеками»! (Он почти кричит.) Так рассчитаемся... (Обрывает речь, смотрит в сторону двери.)

Четкие шаги: входят двое военных.

Майор (выходя вперед). Секретарь райкома, товарищ Кочет, здесь?

Кочет. Да, это я, товарищ майор!

Майор (окинув взглядом всех присутствующих, тихо, Кочету). Разрешите вас на минуточку!

Они отходят в сторону. Майор что-то говорит на ухо Кочету. Затем они жмут друг другу руки и майор с военным, козыряя, молча уходят. Пауза.

Кочет. Командир вот считает, что враг будет с рассветом. Нам тоже, стало быть, надо... трогаться.

Входит Борисов.

Здорово, бухгалтер!

Борисов. Здравствуйте, Степан Григорьевич!

Кочет. Вот, брат, какие дела!

Борисов. Да, невеселые!

К о ч е т. Ничего! Выше голову, друзья... Совсем собрался?

Б о р и с о в. Совсем. Дом подпалил... Совсем!

Входят Р у с о в ы, отец и сын. У каждого за спиной по огромному рюкзаку.

С а ш а. Не опоздали?

К о ч е т. Даже раньше срока!

Входят еще лю д и, молча кланяются. Пауза. Кочет шагает по комнате. Вдруг останавливается.

А лампы до сих пор горят... Перед началом новой жизни хочется сказать себе, да и вам что-то такое... И вот — не нахожу выражений подходящих...

П о т а п е н к о. А это потому — ты не обижайся, Степан Григорьевич, — что не привыкли мы на своих заседаниях нормальным языком говорить... Все как-то казенно у нас получалось: баланс, закругляйтесь, согласуем, и — я знаю — регламент! Вот слов теперь и нету.

К о ч е т. Верно, друг, верно! Но они еще придут, эти слова.

Свет гаснет. Мгновенная пауза. Кочет подходит к окну и раскрывает портьеру. Зарево. В комнате становится светло от красного фона неба.

П о т а п е н к о (*тихо*). Станция горит!

Все присутствующие, словно сговорившись, молча снимают шапки. Пауза. Тихо, жалобно плачет Ротман.

К о ч е т (*шепотом*). Дать воды?

Р о т м а н. Не надо! Я уже! Помните, как мы ее открывали, эту гордость нашу?

П о т а п е н к о. Довольно о ней! Ты последние нервы вытянешь! Прости, что я грубо, Абраша...

Р о т м а н. Ничего, ничего...

Входят Х а л к о в и С е д о в.

К о ч е т. Спасибо, товарищи!

С е д о в. Не за что, Степан Григорьевич!

Р о т м а н. Какие герои: свою станцию сожгли...

П о т а п е н к о. Замолчи, черт тебя подери!

Снаряд рвется в городе.

К о ч е т. Пошли! Или нет... Сядем, что ли, по старому обычаю, а?

Р у с о в. Можно! Примета хорошая!

П о т а п е н к о. Конечно, сядем! Дорога ведь будет длинной!

Р о т м а н. И никто ее не мерил, эту дорогу!

Все садятся.

Думали ли мы, что нам...

П о т а п е н к о. Погоди, Абраша...

К о ч е т. Если сидеть по правилам, так надо помолчать хоть минуточку... Слышишь, оратор?

Тишина. Кочет порывисто встает первым. Остальные за ним.

А теперь стройся!

Присутствующие выстраиваются в одну шеренгу.

Равняйся!

«Строй» замирает...

Здравствуйте, товарищи!

...и отвечают ему вразброд.

Р у с о в, С е д о в и П о т а п е н к о. Здрасс...

Х а л к о в. Добрый день!

Б о р и с о в (*приподнимая шляпу*). Мое почтение!

Р о т м а н. Привет!

К о ч е т (*качает головой*). М-да! Не очень по уставу! Но это ничего! (*Отходит на шаг. Осматривает оружие каждого.*) Бедноватый наш арсенал. Но выбора у нас нет. С этого момента мы — партизаны! Гордое это прозвище, и надо его оправдать. В такие торжественные минуты не лгут, не кривят душой. Поэтому успокаивать я вас не буду и скажу: нас ожидают очень трудные, очень суровые будни. Может, придется сутками, без пищи, отсиживаться в болотах, может, ежедневно встречаться со смертью, может... Готовы ли вы к такой жизни?

В с е. Готовы!

К о ч е т. Тогда пусть денно и ночью, во сне и наяву, будет у вас только одна мысль: месть и расплата с проклятым врагом. И пока мы не уничтожим последнего, пока не изгоним его с нашей земли — мы не сложим своего оружия, не будем знать ни покоя, ни отдыха! Согласны, товарищи?

В с е. Согласны!

К о ч е т. А если не суждено нам увидеть часа победы, так, значит, и нас не будет в живых! Так, что ли, друзья?

В с е. Так!

К о ч е т. Вот и вся моя речь!

Б о р и с о в. Великолепно, знаете ли, сказано!

П о т а п е н к о. Смотри, Степан Григорьевич, и слова нашлись, а?

К о ч е т. Да! Теперь, поодиночке, добирайтесь до места общего сбора.

П о т а п е н к о. Ты только не задерживайся, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Не задержусь!

П о т а п е н к о. Идем, Абрам!

Р о т м а н. Идем, идем! А куда идем?

П о т а п е н к о. Ты же слышал: в лес.

Р о т м а н. И как же мы там будем существовать?

К о ч е т. Как? По-прежнему: на основах Конституции СССР. Идите, товарищи!

Ротман и Потапенко выходят. Остальные за ними. Пауза. Кочет смотрит на портрет Ленина, снимает его со стены. Держит в руках, затем вынимает портрет из рамы, достает из стола партийную печать, сует в карман, взводит парабеллум.

Ну, кажется, все! *(Подходит к окну.)*

Слышится цокот копыт о камни мостовой, шум голосов.

(Всматривается в ночь и зовет.) Марычев!

М а р ы ч е в. Я! *(Быстро входит в кабинет, подбегает к окну и кричит в темноту.)*
Держи коня под уздцы: он — бешеный! Я вас слушаю, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Куда ты так торопишься?

М а р ы ч е в. То есть как — куда? Эвакуируемся! Прокуратуру я погрузил еще утром, сейчас закончил милицию, ну... и сам.

К о ч е т. Разве тебе не передавали, что мы остаемся?

М а р ы ч е в. Передавали, но это невозможно, Степан Григорьевич. Я уже все обдумал... Мне оставаться никак нельзя...

К о ч е т. А этот вопрос не обсуждается, товарищ прокурор!

М а р ы ч е в. И напрасно! Нельзя всех под одну гребенку стричь... Меня в нашем районе каждая собака знает, не только что люди...

К о ч е т. Хорошо! Значит, эти люди вам и помогут!

М а р ы ч е в. И, товарищ секретарь, тут кой-кого по головке не гладил... Возьмите уголовный, кулацкий элемент... Были и контрики... Вы же знаете. Я решил другое. Вот послушайте...

К о ч е т. Марычев! Вы остаетесь с нами!

М а р ы ч е в. Нет, Степан Григорьевич! Я думаю, что будет лучше мне уехать в другой район и там развернуть...

К о ч е т. Я вам в последний раз говорю!

М а р ы ч е в. Это уже упрямство, товарищ секретарь! Ведь никто не посмеет обвинить меня в трусости, и...

К о ч е т. Ладно! Уезжайте!

М а р ы ч е в. Значит, вы согласны, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Нет! Но помните, что власть у нас — советская, и советская законность! *(Он проходит в соседнюю комнату.)*

М а р ы ч е в. Степан Григорьевич! Эх! *(Машет рукой.)* Товарищ секретарь... Вот характер! Ну, подожди! *(Кричит в окно.)* Коня! *(Бросается на улицу.)*

Пауза.

В комнату входит древний старик — п о л о т е р, с веником и щеткой в руках. Кочет

возвращается. В руках у него портфель.

К о ч е т. Так, товарищ Марычев! Но, ничего, сочтемся с тобой...

П о л о т е р. Еще работаете?

К о ч е т (*вздвигнув*). Что? Да! Ты зачем здесь, отец?

П о л о т е р. Как зачем: ныне суббота. Надо мне в учреждении полы натереть...

Спокойной ночи желаю!

К о ч е т. Ни к чему это сейчас... Понимаешь, ни к чему.

П о л о т е р. Не понимаю. Степан Григорьевич... Что, может, сократили меня?

К о ч е т. Никто тебя не сокращал... (*Смотрит в сторону.*)

П о л о т е р. Ах вот что... (*Усмехаясь.*) Так, так! Дождались, значит, светлого праздника! Уходите, стало быть... За это — спасибо!..

К о ч е т (*как бы признавая свою вину*). Да, мы уходим... И давай, пока не поздно, со мной... А там дальше как-нибудь в тыл отправим... Почему ты дотянул до последней минуты? Вот ведь вы какие — старики!

П о л о т е р. Мне никак невозможно, Степан Григорьевич. Старуха моя очень плоха. Докторица была, объяснила, что тревожить ее нельзя, везти, значит! Болезнь у ней тяжелая: рак! Будем здесь находиться. А вась помилует всевышний... Тебя я не виню! (*Старик медленно крестит Кочета.*)

К о ч е т. Спасибо, отец!

П о л о т е р. Вертайтесь, пожалуйста, Степан Григорьевич! (*Уходит.*)

Кочет снова один. В последний раз он осматривает стол, бережно прячет в портфель портрет Ленина, кланяется на все четыре стороны и быстро выходит из кабинета. Вот он с крыльца спускается на просцениум, медленно идет, как вдруг оборачивается. Из темноты показывается, слегка прихрамывая, Н а т а ш а. За ней — К р и ч е в с к и й, тоненький юноша, сгибающийся под тяжестью ящичков с радиоаппаратурой.

Н а т а ш а. Степан Григорьевич! Это — я, Наташа!

К о ч е т (*останавливается, не на шутку рассердившись*). Вы что тут болтаетесь? Почему не уехали?

Н а т а ш а. А мы с Костей Кричевским с вами решили...

К о ч е т (*резко*). Что это значит: «решили»? Кто вам такое право давал?

Н а т а ш а. Степан Григорьевич...

К о ч е т. Что «Степан Григорьевич»? Куда мне вас девать теперь?

Н а т а ш а (*настойчиво, искренне*). Куда вы, туда и мы!

К о ч е т. Ты что, смеешься? С детьми нам еще возиться!

Н а т а ш а. Мы связь вам наладим, Степан Григорьевич!

К р и ч е в с к и й. Честное слово — наладим!

Пауза.

К о ч е т (*уже более мягко, Кричевскому*). Давай, я тебе помогу, геркулес! Свалишься, ведь пуда три небось...

К р и ч е в с к и й (*выпячивая тощую грудь*). Что вы, что вы, Степан Григорьевич: мне абсолютно легко! (*Спотыкается.*)

Кочет берет у Кричевского один из ящиков и, перебросив через плечо, идет вперед. Гаснет свет. Все трое исчезают в темноте. На сцене полный мрак. Свет возникает с рассветом. На том месте, где еще несколько мгновений назад стоял Кочет, теперь стоит враг — гитлеровец, о б е р - л е й т е н а н т. Пауза. Появляются ф е л ь д ф е б е л ь и с о л д а т ы.

Обер-лейтенант. Осмотреть дом... Обыскать каждый угол!

Ф е л ь д ф е б е л ь (щелкая каблуками). Слушаюсь, господин обер-лейтенант! (Пробегает с солдатами в кабинет, оттуда — во внутренние комнаты.)

Крики за сценой усиливаются: начинается грабеж города. Слышно, как подъезжает автомобиль и останавливается. Вбегает адъютант, распахивает дверь и становится во фронт рядом с обер-лейтенантом. Входит М а к е н а у. Он по ступенькам поднимается в дом, обер-лейтенант и адъютант — за ним.

М а к е н а у (войдя в кабинет, останавливается, снимает перчатки, и говорит быстро, почти скороговоркой). Пишите приказ. Такой же, как и о взятии других городов! За малейшее неподчинение германским оккупационным войскам... (Делает в воздухе знак креста. Адъютант быстро пишет.) И строже, строже, господа! Они сразу должны понять всю бесцельность сопротивления. Ввиду того что красные уничтожили и увезли продовольствие, население не кормить, и жалоб от него не принимать. Любой поступок нашего солдата признавать правильным.

Адъютант пишет. Тишина. И только стон ползет в окно, стон города, отданного на растерзание носителям «нового порядка». Макенау выходит на крыльцо. Появляется первый ряд вражеских солдат. Они, застыв, стоят как вкопанные. Головы задраны кверху: истуканы, машины.

М а к е н а у (кричит). Солдаты! Еще один город пал перед силой нашего наступления! Русские бегут! Но они не уйдут, это жалкое племя рабов. Мы их прикончим еще до осени!

Какой-то ретивый солдат устанавливает на крыше крыльца флаг с огромной фашистской свастикой в белом кругу.

Смотрите на это знамя! Это знамя победы! Оно будет развеваться над миром, который мы поставим на колени!

Громкое «хох» прокатывается по площади. Макенау и стоящие рядом с ним офицеры вытягивают руки. Хайль, Гитлер! Сухой выстрел, и с пробитой головой валится с крыши ретивый солдат увлекая за собой гитлеровский флаг.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Летний лес. Сверху землянка замаскирована и имеет вид холма. В землянке — довольно просторном помещении — около своих аппаратов сидит Наташа, рядом с ней — бухгалтер Борисов. Он пишет под ее диктовку, держа на коленях огромную бухгалтерскую книгу.

Наташа. «Двадцать второго: нападение на обоз. Из отделения конвоя убиты шесть гитлеровцев, ранено трое. Захвачено шестьсот одеял шерстяных разных, уворованных у населения. Пять револьверов, две винтовки... Потерь — не было».

Борисов (*с нарастающим возмущением*). Надо все-таки редактировать, Наташенька! Вообще я протестовал, чтобы книга контокоррентов... Вот вы! Знаете, что такое контокоррент?

Наташа. Нет!

Борисов. Смешно, честное слово! Это — по-итальянски — текущий счет! Самый главный раздел наших операций! И в такой книге — дневник записей действий отряда! Общая тетрадь великолепно бы для этого сошла. Но уж если товарищ Кочет утвердил захват моей книги, то диктуйте хотя бы полилитературней!

Наташа. Хорошо, товарищ гроссбух, постараюсь! «Двадцать четвертого: схваток не было».

Борисов. Схватки бывают у рожениц!

Наташа. Пишите, Семен Петрович! Те, кому читать придется, простят мне мой стиль.

Борисов. Подчиняюсь! Но внутренне — протестую!

Наташа. «Двадцать пятого: разбабахали...»

Борисов, подняв голову, смотрит на нее.

(После паузы.) Ну, ладно. Можно иначе: «разгромили»! Устраивает?

Борисов. Значительно лучше. *(Пожимает плечами.)* «Разбабахали»... *(Продолжает писать.)*

Наташа. «...Разгромили взвод велосипедистов. Захвачено три автомата, десять винтовок, убито девять фашистов. Тяжелый день: мы потеряли Мишу Семенова и товарища Петрова». Вот и все пока! Очень вам благодарна... Может, ваши замечания и правильные, но тогда позвольте и я вам кое-что скажу: вот вы, всегда такой аккуратный, стали на медведя похожи! Посмотрите в зеркало: какая бородаща отросла...

Борисов. Очень страдаю, но все так ходят! На туалет, извините, нет времени: партизанам, Наташенька, а не в бабки играем!

Наташа. Тогда и с меня чистописанья не требуйте!

В землянку спускается Кричевский. Он подходит к Наташе.

Кричевский. Я не помешаю?

Борисов. Нет, нет! Мы закончили! *(Поднимается наверх.)*

Наташа. Ты чего, Костя? Вроде светишься весь. Что у тебя за радость?

Кричевский. Большая, Наташенька! Я сегодня назначен в поход! Исключительное

дело... Саша Русов нас поведет. Ты смотри, как у меня автомат подготовлен. *(Показывает Наташе новенький немецкий автомат.)*

Н а т а ш а *(с легкой грустью)*. Но тебе это не... Ты же это не сможешь, Костя...

К р и ч е в с к и й *(вздвигнув)*. Почему? Все могут, а я не могу? Почему?

Н а т а ш а. Потому что у тебя туберкулез.

К р и ч е в с к и й *(озираясь)*. Молчи! Если Кочет об этом узнает, я пропал!

Н а т а ш а. Так ведь еще в городе, тебе — на работе — не разрешали переутомляться...

К р и ч е в с к и й. Молчи! Ради всего святого... Он ведь не разрешит, Степан Григорьевич! А у меня слишком большой счет: и личный, и за мой народ! Мне противно сдохнуть в гражданском санатории... Понимаешь, Наташенька?

Н а т а ш а. Понимаю, Костя!

Слышны голоса. Из очередного похода возвращаются К о ч е т, С а ш а, П о т а п е н к о и другие п а р т и з а н ы. Наташа и Кричевский с одной стороны, а Ротман и Борисов — с другой, выходят им навстречу.

С возвращением, товарищи!

К о ч е т. Спасибо, Наташа! *(Ротману.)* Все спокойно?

Р о т м а н. Полный порядок! Какие дела, богатыри?

К о ч е т. Неудача, понимаешь. Да, да... Километра четыре проволоки срезали, сильно повредили сеть... Рошей направляемся к селу Хомутово. Смотрим — оттуда бежит Ленька, Авдотьян внучек... Волосенки на голове сбились, сам еле дышит. Добежал, и сразу за первые деревья — прятаться...

Р о т м а н. В Хомутове же немецкая батарея стояла?

К о ч е т. Вот именно. Мы Леньку перехватили: он говорит и весь дрожит...

С а ш а. Пока разобрались, минут пять прошло.

К о ч е т. В общем, необычайное происшествие: налетел часа за два до нас на эту батарею Железный Тарас, уничтожил охрану и увел пушки. Второй раз, су... *(сдерживается)* второй раз операцию нам срывает! И заносит же черт этого Тараса в наш район! Расследовать дело пожаловал сам полковник Макенау.

Р о т м а н. Ого!

К о ч е т. Потапенко предложил встретить его у переезда. Раз-раз, залегли. Ждем. Едет. Я и еще трое — по передней машине, а Саша и председатель с остальными — по задним двум... Всадили весь диск, а он — ничего! Как миленький проехал. Те две — под откос, а Макенау — проскочил!

Р о т м а н. Что же он — призрак?

Н а т а ш а. Вот я тоже хотела спросить...

П о т а п е н к о. Машина у него, собаки, бронированная.

К о ч е т. Учтем! Встретимся если — бить только по колесам. Я решил все-таки посмотреть: чего же он там наделал, этот Железный Тарас? Страшно! Двух офицеров гвоздями прямо к избам прибил. Ленька рассказывал, что на каждом еще записки повесил: это, мол, вам за жен и детей наших!

П о т а п е н к о. Боевой командир! Но это неправильно, что он выходит за границы своего района. В нашем деле плановость нужна.

К о ч е т. Разущи отца, Саша. Хочу отправить его сегодня.

Н а т а ш а. А его нет, Степан Григорьевич! Он пошел пленного отбивать.

С а ш а (*с досадой*). Вы бы моего папашу как-нибудь обуздали, товарищ Потапенко. Лезет старик в самое пекло, ни у кого не спрашивает...

Р о т м а н. Это я разрешил, Александр Гаврилович.

С а ш а. Можно было кого-нибудь помоложе послать.

Р о т м а н. За такие предложения знаете куда ваш папаша посылает? Он даже намека не терпит на свой почтенный возраст.

С а ш а. Ему только волю дай...

Р у с о в (*появляясь*). Чего ты расшумелся? Здесь я!

Р о т м а н. Ну, что?

Русов показывает в сторону: там стоит Седов, держащий на плече человека. За Седовым девушка, Катя. Раненого подхватывают Саша и Кочет и проносят в землянку Наташи. Кладут на постель из листьев; Наташа наклоняется к нему.

Р у с о в (*Кате*). Ты иди, Катюша! Дедушке скажи, что все обошлось!

К а т я. Понимаю, Гаврила Федорович.

Р у с о в. Чтоб к нам только тебя посылал!

К а т я. Спасибо...

Р у с о в. И еще: верхних девчат учи помаленьку! Если что где заметят, чтоб тебе сообщили.

К а т я. Я и так уже Маньку, одну нашу, приговорила... Это она немцев на дороге первой обнаружила... Можно идти?

Р у с о в. Иди, стрекоза!..

Катя уходит.

К о ч е т (*Саше*). Скажи отцу и Халкову, чтобы готовились в дорогу. А Седова пришли ко мне.

С а ш а (*выйдя из землянки, подходит к группе партизан*). Седов! К начальнику. А вам, папаша, с Халковым надо собираться. Пойдемте! (*Уходит с Халковым и отцом.*)

С е д о в (*спускаясь в землянку*). Я вас слушаю, Степан Григорьевич!

Кочет кивает на лежащего человека.

Ага! Я как раз с дедом Русовым в болоте сидел. А девица эта, Катюша, с лукошком прогуливается и жалобно так вроде напевает: «Гаврила Федорович, Гаврила Федорович!» Ну, Гаврила Федорович меня в засаде оставил, а сам вылез... Катюша ему говорит: «Я от деда Трофима!» — и показывает три картошки. Условный знак у них такой. Гаврила Федорович тогда стал с ней разговаривать. Очень даже милая девушка...

К о ч е т. Ладно! Милая не милая — это мы с тобой потом разберем...

С е д о в. Виноват! Сказала насчет пленного красноармейца. Гаврила Федорович отпросился у товарища Ротмана, и мы пошли с ним на пару! (*Кивнув на лежащего.*) Четверо его сопровождали, связанного. Наверно, били, — шел шатаясь, весь в крови. Мы их сразу сняли с коней.

К о ч е т (*видя, что человек вздрагивает, вдохнув нашатыря*). Подожди! (*Подходит*

ближе.)

Н а т а ш а. Вы слышите меня, товарищ?

Ч е л о в е к. Да... слышу... Кто вы?

Н а т а ш а. Друзья.

Ч е л о в е к. Откуда?

К о ч е т (*останавливая Наташу*). Из леса! А вот... вы кто такой будете?

Ч е л о в е к. Я — танкист! (*Еще раз недоверчиво осматривается, пристально впиивается глазами в Кочета. Пауза.*) Танкист я! Водитель! Сержант Орлов, Петр... Могу за пулеметчика...

К о ч е т. Какой части?

О р л о в. Не скажу! Это — военная тайна!

К о ч е т. Правильно! И как же в плен к немцам попал, сержант — водитель и пулеметчик Петр Орлов?

О р л о в (*его взгляд полон гнева*). Не был я в плену! Наш танк разбили снаряды, один только живой остался. Расстрелял все ленты, бился до последнего патрона, выскочил ночью и вот четвертый день пробираюсь к своим...

К о ч е т. Постой-постой, что-то я не пойму: как же вы в таком глубоком тылу очутились?

О р л о в. Всем дивизионом попали в окружение. Выбирались, как могли. Я у дороги нарвался на разезд! Ой! Куда мне пуля угодила?

Н а т а ш а (*выравнивая бинт*). В плечо, но слегка, скоро поправитесь. Перевязку я вам сделала крепкую.

О р л о в. Спасибо! (*Приподнимается, затем встает; почти твердым голосом.*) Мне надо идти!

К о ч е т. Погодите, успеется! Сначала выздоравливайте, а там дальше — видно будет. Я — Кочет, секретарь райкома...

В землянку входят Халков и старик Русов, за ними — Саша, Потапенко и Ротман. Русов и Халков одеты как сельскохозяйственные рабочие-сезонники. У Русова за спиной болтается цеп для молотьбы, а у Халкова — коса с точилом.

П о т а п е н к о. Моя постановка! Хороши?

К о ч е т. Красота! (*Орлову.*) Вы садитесь, товарищ, отдыхайте. Наташа вас быстро вылечит. (*Поворачиваясь к Халкову.*) В соседний район направляетесь, Федор Матвеевич. Поищите хорошенько и найдите обязательно человека по кличке «Железный Тарас». Он — начальник тамошнего партизанского отряда. Вот вам письмо — передайте! Мне с ним обязательно надо повидаться!

Х а л к о в. А как найдешь иголку в зерне? Нелегкое это дело, Степан Григорьевич.

К о ч е т. Знаю. Потому вам и поручаю, Федор Матвеевич.

Х а л к о в. Ну и на том спасибо!

К о ч е т. А вы, Гаврила Федорович, пробирайтесь на хутор Михайловский — он за селом Стаховом — к товарищу Глущенко. Жду его со всем отрядом: нам вместе легче будет. И по дороге смотрите где что!

Р у с о в. Понимаю, Степан Григорьевич!

С а ш а (*недовольным голосом*). Вы только, папаша, свои погремущки снимите.

К о ч е т (*удивленно*). Какие погрешности?

Р у с о в (*мрачно, сыну*). Молчи, идол! Лучше молчи!

С а ш а (*тыча в себя пальцем*). Сын ваш — коммунист! А вы такой пустяковиной занимаетесь!

Р у с о в. Твой отец за них кровью платил!

К о ч е т. Об чем спор у вас — не пойму!

С а ш а (*объясняя Кочету*). Нацепил четыре царских георгиевских креста! Черт его знает, откуда он их выкопал!

К о ч е т (*строго*). Тихо! Разбушевался! А ну покажите, папаша.

Р у с о в (*неохотно*). Чего на них смотреть? Они всем известные, — кресты как кресты... (*Медленно расстегивает кожанку.*)

К о ч е т (*внимательно рассматривает полную колодку георгиевских крестов на потемневших от времени ленточках и, не отрывая от них взгляда, спрашивает у старика*). Вы читали, что на них написано? За веру, царя и отечество! Странный лозунг для партизана!

Р у с о в. Я так скажу, Степан Григорьевич: за веру — бог с ней, за царя — хрен с ним, а отечество — оно всегда остается, и нет такой силы, чтобы его победить!

Р о т м а н (*вдруг горячо*). Я буду считать величайшей политической бестактностью, если...

С а ш а (*чувствуя поддержку со стороны Ротмана*). Вот и я то же самое говорю!

Р о т м а н (*заканчивая*). ...если мы будем настаивать на том, чтобы товарищ Русов снял эти знаки отличия! Я вас приветствую, Гаврила Федорович!

С а ш а (*пожимая плечами*). Вам это легко говорить, когда речь идет о моем отце, а не о вашем...

Р о т м а н. О чем искренне и сожалею!

Р у с о в (*ухмыляясь, Ротману*). Он ведь молод-зелен еще, сынок мой! Не понимает: наскочит немец, а я при крестах! (*Саше.*) Старому царскому служаке легче отбрехаться, дурья твоя голова!

К о ч е т. Опять старик прав! Носите их на здоровье! (*Наташе.*) Ты мне с Костей прием наладь... Может, Москву поймашь...

К р и ч е в с к и й. Второй день сильная буря в той стороне, Степан Григорьевич! Попытаемся однако...

Кочет обнимает Русова и Халкова, вместе с ними выходит из землянки. Все, кроме Орлова, идут провожать «ходовков». Орлов, оставшись один, осматривается, видит радиопередатчик; всплеснув руками, прямо подходит к нему.

Костя и Наташа возвращаются в землянку. Они останавливаются удивленные, ибо видят: Орлов сидит около аппарата и с восторгом смотрит на него. Он трогает части и глядит на Наташу, а затем на Костю широко раскрытыми, полными счастья глазами.

Н а т а ш а. Чему вы так обрадовались, товарищ Орлов?

О р л о в. Это же рация!.. Настоящая... Разве вы поймете? Ведь я всю жизнь мечтал о такой...

Н а т а ш а. Чего же о ней мечтать? Очень, в общем, простое...

О р л о в. Что вы, Наташенька! Ох, как плечо болит! Я думал: вот кончу службу и пойду на учебу, стану радистом. В Арктику поеду, на край света. Ураганы, вихри, снега, свищет

ветер, а я — один, и весь мир слушает только меня! Я даю погоду кораблям и самолетам, указываю путь рыбакам, затерявшимся во льдах. Война мне помешала... Когда теперь сбудется... *(Гладит передатчик.)*

Н а т а ш а. Это дело поправимое, товарищ Орлов! Если задержитесь у нас, — научим!

О р л о в. Ой, правда? Буду всю жизнь благодарить...

Н а т а ш а. Да не стоит! Вы сначала понаблюдайте: как мы с Костей работаем, а потом... *(Садится к аппарату.)*

О р л о в. Спасибо, друзья! *(Внимательно следит за каждым движением Наташи и Кости.)*

К р и ч е в с к и й. Это и приемник и передатчик!

О р л о в. Я понимаю.

Кочет со списком в руках входит в землянку. Он видит Наташу и положившего ей здоровую руку на плечо Орлова. Пауза.

К о ч е т. Ну как, парень? Ожил?

О р л о в *(снимая руку с Наташиного плеча)*. Оживаю, товарищ секретарь!

К о ч е т. Вижу! *(Косте.)* Ну как там дела?

К р и ч е в с к и й. Пока — воздух!

К о ч е т. Плохо! *(Показывая на список.)* Тебя сегодня в ночной поход включили.

К р и ч е в с к и й. Я знаю!.. И я готов!

К о ч е т. Готов-то ты готов, да у тебя со здоровьем, молодой человек, кажется, не того...

К р и ч е в с к и й. Что вы, Степан Григорьевич! Вы меня с кем-то путаете... Я абсолютно годен! Так прямо в военном билете и записано: «Годен»!

К о ч е т. А ну покажи! Покажи билет! *(Пристально смотрит на Кричевского.)*

Костя роется в карманах, достает бумаги, медлит.

Н а т а ш а *(тихо)*. Он правду говорит, Степан Григорьевич. Я... сама... видела! *(Отворачивается. Пауза.)*

К о ч е т *(Кричевскому)*. Ладно! Не ищи! Верю! *(С угрозой.)* Но чтобы это мне была последняя брехня, слышите вы, оба!

Н а т а ш а *(громко, радостно улыбаясь)*. Слышу!

К о ч е т. Чего ты смеешься? Я ей замечание делаю, а она...

Н а т а ш а. Я слышу! *(Поднимает руку. Все замирают.)* Ясно слышу: «Внимание! Говорит Москва».

Гаснет свет.

Свет возникает. Та же декорация. Осень. Падают листья. Яркий солнечный день. Обед закончен. Еще дымятся угольки костра. П а р т и з а н ы чистят оружие. Лежат на земле части винтовок, пулеметов, автоматов. Их смазывают маслом. С а ш а Р у с о в сидит в кругу. Он — старший по сборке оружия, поет песню о матросе Железняке; остальные вторят ему. Особенно стараются Б о р и с о в и С е д о в. Н а т а ш а в своей землянке у аппарата. Она принимает и записывает передачу. В углу лежит О р л о в. Он уже здоров,

только рука еще на легкой перевязи. Наташа смотрит на часы.

О р л о в (*заметив этот жест*). Который?

Н а т а ш а. Без пяти два!

О р л о в. Я сегодня утром на картах гадал, Наташенька... Спрашивал у них: любит не любит?

Н а т а ш а. На этот вопрос правильно отвечают только ромашки!

О р л о в. Где же осенью такой цветок достать?.. Карты — они на все сезоны...

Н а т а ш а. Что же сказали вам карты?

О р л о в. А как вы думаете?

Н а т а ш а (*опустив глаза*). Не знаю!

О р л о в. Они сказали: встретишься тебе, Петя, чудесная девушка, и второй такой никогда не будет на твоём пути...

Н а т а ш а. А может, врут карты?..

О р л о в. Нет, в данном случае они говорят чистую правду!.. Всей душой я полюбил вас, Наташа! Что я в жизни видел хорошего? Ничего! Сирота, сам пробивался... Образования почти не имею. Только в армии стал на ноги. Но я вас люблю и во имя этого смогу одолеть и крепость науки и...

Н а т а ш а. Ну разве сейчас время говорить об этом?!

О р л о в. Об этом всегда время говорить...

Замолкают: к ним подходит вошедший в землянку Р о т м а н.

Р о т м а н. Если вздумаете пожениться, я прошусь в шафера!

Н а т а ш а. Ну что вы, Абрам Соломонович!

Р о т м а н. Я очень люблю счастливые браки! А когда они еще скреплены совместной работой такого — военного — образца, считаю, что лучше не бывает!

Н а т а ш а. А сами — холостой!

Р о т м а н. У меня была жена! Ах какая жена! Моя электростанция! Я никогда не изменял ей! Все дни и ночи проводил около своей любимой... (*Разводя руками.*) Овдовел!..

О р л о в. Временно!

Р о т м а н. Вашими бы устами да мед пить! Я, между прочим, по делу! Вот это, Наташенька, Степан Григорьевич велел передать... Эх, молодежь!.. (*Уходит.*)

Наташа быстро начинает передачу.

О р л о в. Так мы не закончили разговор...

Н а т а ш а. Успеется... Нам еще долго быть вместе.

По лагерю проходят К о ч е т и П о т а п е н к о.

К о ч е т (*Саше*). Не возвращался Халков?

С а ш а. Пока отсутствует!

К о ч е т. А отец?

С а ш а. Загостился у Глущенко... Они ведь старые знакомые.

К о ч е т. Пора бы, а?

П о т а п е н к о. Халкову — рано, ему так скоро не управиться, а деду...

С а ш а. Ничего с ним не случится! Вы моего папашу еще не знаете...

К о ч е т. Ну-ну!

Пауза. Песня нарастает... Кочет и Потапенко присаживаются к Саше и, вынув свои пистолеты, тоже начинают их чистить. Плыет песня над лесом.

К о ч е т (резко поднимает голову и прислушивается). А ну стойте!

Песня обрывается. Все вытягивают головы. Пауза. Далекий выстрел.

(Вскакивает и кричит.) Тревога! К оружию!

П о т а п е н к о. Все — к мосткам!

Партизаны устремляются влево.

С е д о в (выбегая с другой стороны). Там немцы, Степан Григорьевич! Они наступают из оврага!

К о ч е т. Окружение! Стой! (Он останавливает трех пробегающих партизан.) Сюда, ребята! Седов! Держи их сколько сможешь!

Седов и трое партизан залегают в траве и кустах, открывают огонь. Выскакивает Кричевский.

К о ч е т (Кричевскому). Костя! К пулемету!

К р и ч е в с к и й. Есть! (Садится к пулемету, стоящему на крыше землянки.)

К о ч е т. Поддерживай Седова! Понял?

К р и ч е в с к и й. Все ясно!

Н а т а ш а (выводя Орлова). Мне куда?

К о ч е т. Собирай рацию! (Орлову.) А ты тоже к пулемету, сержант! (Убегает.)

Наташа сует безоружному Орлову свой кольт. Орлов быстро идет к Кричевскому.

К р и ч е в с к и й (увидя рядом с собой Орлова). Хорошо! Молодец! Держи ленту!

Наташа в землянке ловко упаковывает ящики с аппаратурой. Нагрузив их на себя, с трудом передвигаясь, выходит из землянки. Взрыв минометного снаряда. Взмахнув руками, падает Кричевский. Пулемет замолкает. Орлов садится к пулемету. Наташа бросается к Кричевскому.

К р и ч е в с к и й. Брось... Помогите Орлову... ленты держать. Вот о такой смерти я и мечтал... (Замолкает.)

С е д о в (отползая назад, кричит). Стреляй, Орлов!

Орлов не стреляет.

Н а т а ш а (поддерживая ленту, шепчет). Стреляйте, Петя!

Орлов (*не отрывая глаз от показавшихся в кустах немецких касок*). Рано!

Снова взрыв снаряда, и, охнув, падает на бок один из партизан.

Наташа (*схватив Орлова за руку*). Стреляйте, Петя!

Орлов (*резко отдергивая руку*). Рано, говорю!

Вот уже один немец поднимается во весь рост и замахивается гранатой. Стреляет Седов. Немец падает. Орлов все еще не открывает огня. Он как каменный — смотрит вперед. Тогда Наташа выхватывает из-за пояса Орлова свой кольт и, приставив его к уху Орлова, кричит.

Наташа. Трус! Стреляй! Убью!

Орлов (*вздрагнув*). Наташа! Я...

Наташа. Убью на месте! Трус!

Орлов. Сумасшедшая! (*Открывает огонь.*)

Немцы останавливаются. Подаются назад. Бьет пулемет Орлова, а Наташа все еще держит кольт над его ухом.

Кочет (*вбегая, кричит*). Молодец, Орлов, близко подпустил! Хорошо!

Орлов (*продолжая стрелять, Наташе*). Эх ты, дура! Вспомни Чапаева...

Кочет. Где Кричевский?

Наташа. Убит! Вот он, наш Костя!

Кочет, схватившись за голову, бросается к Косте. Появляются отступающие партизаны.

Кочет (*прижимая к себе мертвого Кричевского*). Теперь к болоту! И взрывайте, жгите все! (*Вдруг.*) Стой! В чем дело?

Саша (*смотря в бинокль, удивленно*). Немцы остановились! Бегут! Может, ловушка?

Кочет (*прислушивается*). Нет! Вперед, ребята! Это их кто-то бьет сзади!..

И партизаны дружно бросаются в лес. Слышен звук боя. Орлов, бледный, поднимается.

Наташа (*тихо*). Простите, Петя.

Орлов (*усмехаясь*). Бог простит!

Сразу гаснет свет. Пауза. Медленно возникает свет. Весь отряд в сборе. Он сильно пострадал в бою. Это видно по мрачным, утомленным лицам, есть и раненые. Лунная ночь. Тишина. Наташа стоит рядом с Орловым. У всех головы опущены, шапки в руках. Ротман, Маруся Глуценко — слева, около Саши Русова.

Кочет (*стоит отдельно*). Десяти наших товарищей не стало. Они пали смертью героев, защищая советскую землю. Тяжелая это потеря, потому дорог нам каждый из них. Погиб Потапенко, лучший мой друг, храбрый из храбрых, образец большевика-ленинца, погиб Борисов, добрый бухгалтер, честный и скромный. Не стало и комсомольца Кости

Кричевского. Погибли товарищи, близкие и родные, плоть от плоти нашего народа. Враг заплатил за эти смерти дорогой ценой. *(Пауза.)* Десять верных сынов Родины ушли от нас, но на их место станут сотни других. *(Пауза.)* На хуторе Михайловском гестаповцы взяли еще четверых. Среди них Гаврила Федорович, отец нашего Саша. Схватили они и товарища Глущенко. У него здесь осталась жена. *(Показывая на Марусю.)* Вот она — перед нами! Не поддалась Маруся своему горю, не заголосила, а взяв в руки оружие, пришла к нам на помощь, ударила фашистам в тыл, эта простая русская женщина. За ней поднялись и другие, такие же, как и она! Наш новый товарищ — сержант Орлов. Он подпустил врага на такую дистанцию, что только нервы командира единственной армии в мире, Красной Армии, могли это выдержать! Вы назначаетесь начальником штаба отряда, товарищ Орлов!

Орлов *(козырнув, тихо)*. Есть! Благодарю за доверие!

Наташа *(тихо)*. Еще раз простите! Я тогда погорячилась.

Орлов. Ничего, бывает!

Кочет. Прощаемся с вами, наши боевые товарищи! Спите спокойно! Мы продолжаем борьбу, и знаете, — мы победим!

Пауза. Кочет надевает шапку. Все следуют его примеру и расходятся. В землянку спускаются Кочет, Ротман, Орлов и Саша. Маруся Глущенко идет за ними. Наташа остается дежурить у входа.

Маруся. Что же вы решили, Степан Григорьевич?

Кочет *(мрачно)*. Думаем, Маруся, все время думаем! Конечно, я понимаю: тебе тяжело! Но и нам, поверь, не легко!

Маруся. Я к вам, товарищ секретарь, не за сочувствием пришла. Мне и бабам нашим надо мужей своих отбивать. Не могли же их немцы так уж сразу — и на тот свет.

Саша. Вот и я так полагаю! Разрешите мне в город...

Кочет. погоди! Партизан они, конечно, повезли в тюрьму. Можно налететь на острог, ударить на ворота и попытаться освободить друзей! Отбили же Орлова!

Орлов. Только надо сначала произвести командирскую разведку!

Кочет *(задумчиво)*. Ну что же! Я готов!

Ротман. А я — против! Вот — читайте! *(Он вытаскивает из кармана объявление.)* За поимку Кочета сто тысяч рублей предлагает германское командование. Сумма ведь эта — немалая, и они заплатят ее, сукины дети! А вдруг найдется такая паскуда и соблазнится? Опасность надо обходить с умом, а он *(кивнув на Кочета)* ей прямо в глотку лезет!

Саша. Верно, Степан Григорьевич! Вам никак нельзя! В тюрьме сидит мой отец, значит, мне и идти. А вам не нужно судьбу искушать!

Кочет. Судьбу, говоришь? Хм! Не гоже нам с тобой, коммунистам, о судьбе говорить. Судьба, Саша, понятие не очень-то марксистское! Но раз уж ты коснулся этого слова, расскажу я тебе, друг мой, одну старую сказку. Совсем молодым служил я в Баку у Сергея Мироновича Кирова. И вот у подножья Девичьей Башни от мудрого деда услышал я эту историю! Жил когда-то в Персии шах — великий, знаменитый государь. И был у него любимый садовод — Гассан. Выходит этот Гассан в парк погулять и видит — на скамейке сидит... смерть!

Наташа. Кто сидит?

Кочет. Смерть! Знаешь, такая бабка с косой. И смотрит она на Гассана злым-презлым

взглядом. Перепугался Гассан, вбежал во дворец и все это рассказал шаху. Тот говорит. «Мда! Значит, плохо твое дело, Гассан! Надо тебе скорей из Тегерана смываться. Рекомендую город Тавриз. Жизнь там тихая — провинция, и все-таки довольно далеко отсюда!» Гассан так и сделал: ночью собрал караван, сложил свое барахлишко и дал ходу из Тегерана в далекий Тавриз. На следующий день шах выходит в парк и опять же видит — сидит на скамейке все та же смерть. Когда он приблизился, она встала и низко, любезно ему поклонилась. Тогда шах сказал: «Объясните мне, мамаша, в чем дело? Вчера на Гассана вы зло посмотрели, а со мной сегодня так мило поздоровались!» И смерть ответила шаху: «Потому есть у меня причина на него сердиться. Ведь Гассан у меня числится по спискам в Тавризе, а до сих пор болтался здесь, в Тегеране».

М а р у с я (после паузы). Значит, поехал Гассан в Тавриз, чтобы там умереть?

К о ч е т. Вот именно! А думал, что спасает свою жизнь. Никто не знает, где он в списках состоит! И я не знаю. В тюрьме сидит твой отец, Саша, а попытаться спасти его — дело мое! Никому я его не уступлю. Понятно? Теперь ложитесь и спите спокойно. Через два часа уйдете на дальние хутора. Здесь оставаться опасно! Ротмана назначаю своим заместителем. И помните: о моем походе чтобы ни одна душа...

Кочет уходит в глубь землянки. Все ложатся спать. Наташа устраивается на свежем воздухе — около аппарата. Рядом с ней Орлов. В двух шагах от них Саша. Орлов кладет руку на ключ передатчика и что-то выстукивает.

О р л о в. Будем сегодня заниматься?

Н а т а ш а. Нет, Петя, не будем. *(Приподнимается и спрашивает у Саши.)* Накрыть тебя, Саша?

С а ш а. Спасибо... Не надо.

Пауза. Лагерь спит. В дверях землянки появляется К о ч е т. Он в крестьянском тулупе, опирается на палку. Смотрит на спящую Наташу. Орлов спит рядом с ней, его рука лежит на ее руке.

Пауза.

К о ч е т (усмехнувшись, с грустью). А я мечтал, старый дурак! *(Он идет по просцениуму, проходит мимо часового — Седова.)*

С е д о в. Счастливый путь, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Спасибо! Я недалеко... Осмотрю местность — и назад! *(Уходит.)*

Тишина. Падают листья.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет Макенау. Он помещается в бывшем кабинете Кочета. Сцена пуста. Макенау выходит с обер-лейтенантом.

Макенау (*швыряет на стол перчатки, фуражку, сбрасывает шинель*). Безобразие! Какой вы к черту комендант района?! Мы каждый день теряем десятки солдат... И не вшивых итальянцев, а наших отборных строевиков...

Обер-лейтенант. Господин полковник!

Макенау. Они до того обнаглели, что на переезде чуть было не захватили меня, полковника Макенау.

Обер-лейтенант хочет что-то сказать, но Макенау обрывает его.

У этих негодяев наши методы расправы! Солдаты начинают их бояться! Железный Тарас нагнал такой ужас на полевую жандармерию... Докладывайте!

Обер-лейтенант. Имеются некоторые успехи, господин полковник! Два взвода должны захватить сегодня всю банду секретаря! Затем: пойманы партизаны...

Макенау. Так это моя заслуга!

Обер-лейтенант. Так точно!

Макенау. Это я вам сообщил местонахождение отряда Кочета... Это я вам указал на хутор Михайловский...

Обер-лейтенант. Так точно!

Макенау. Это я понял, что раз их нельзя взять силой оружия, то надо искать другой способ! И я нашел его, я, все — я! А не вы, идиот! Чем вы там занимались?

Обер-лейтенант. Допрашивал этих оборванцев.

Макенау. Хочу на них посмотреть!

Обер-лейтенант нажимает кнопку звонка, и два здоровенных гестаповца вводят Глущенко и Русова. Руки связаны у них за спиной. Макенау стоит у окна.

Продолжайте!

Обер-лейтенант. М-да! Ну-ка, подойдите поближе!

Гестаповцы подводят партизан к столу и сажают их на стулья.

Так вы старый солдат, господин Русов! (*Показывая на кресты.*) Эти награды получили от русского царя, вашего батюшки! Ай-ай-ай! И вам не стыдно? Германская армия хочет крестьянам добра, хочет освободить их от гнета большевиков. А вы что? Пойманы с оружием в руках! Знаете законы военного времени?

Русов (*усмехаясь*). Да знаем!

Обер-лейтенант. У вас, мужики, есть только одно спасение: точно отвечать на мои вопросы!

Глущенко смотрит на сидящего рядом с ним Русова.

Р у с о в (*закинув ногу на ногу, прищуривает глаза, лениво*). Валяй, задавай!

О б е р - л е й т е н а н т. Знаешь партизанский отряд Кочета?

Р у с о в. Еще бы!

О б е р - л е й т е н а н т. Сколько в нем бойцов?

Р у с о в (*задумывается, в уме подсчитывает, затем, опасливо озираясь, наклоняется к обер-лейтенанту и, как бы выдавая страшную тайну*). Около тысячи наберется!

О б е р - л е й т е н а н т (*недоверчиво*). Врешь!

Р у с о в (*кивнул на Глущенко*). Да спроси хоть у свата!

Г л у щ е н к о. Верно, верно, господин офицер! Если ошибка, так на десяток-другой, не больше!

О б е р - л е й т е н а н т. Откуда же вооружение для такого количества?

Р у с о в. Все понемногу помогают. Городские, колхозники это... это... из вашей армии... тоже... помогают!

М а к е н а у (*вмешиваясь*). Солдаты?

Г л у щ е н к о. Не только! И офицеры!

М а к е н а у. Фамилии?

Р у с о в (*кивая на обер-лейтенанта*). Да хоть их возьмите!

О б е р - л е й т е н а н т (*бледнея*). Это шантаж, господин полковник!

Р у с о в. Зачем шантаж? Никакого шантажу нету. Разве мало мы у тебя достали оружия, в твоём районе?

О б е р - л е й т е н а н т (*вскакивая*). Долго я с вами возиться не буду! Или вы скажете все и будете свободны, или я вас повешу!

Р у с о в. Ты, брат, потише! Не дома! Меня — на бас — бесполезно!

Г л у щ е н к о. Это верно. С ним надо поделикатней, господин офицер!

Р у с о в. И давай по делу! Скажем правду — освободишь?

О б е р - л е й т е н а н т. Освобожу. Денег дам. Первыми людьми будете!

Р у с о в. Ну, а если промолчим?

О б е р - л е й т е н а н т. Повешу. Так что решайте! Дам по десять тысяч!

Р у с о в (*что-то высчитывает, улыбается*). Большие деньги, а?

Г л у щ е н к о (*толкает его в бок, крикнув*). Десять тысяч! На них три коровы купить можно!

М а к е н а у. Дома дадим самые лучшие. Каждому по паре коней. Львы, а не кони!

Р у с о в. И не обманешь?

О б е р - л е й т е н а н т (*вынимает из портфеля пачки денег и подвигает их к партизанам*). Пересчитать?

Р у с о в. Зачем? Мы верим теперь.

О б е р - л е й т е н а н т (*протирая руки*). Значит, решили?

Р у с о в. Окончательно! Вешай, мать твою так!

О б е р - л е й т е н а н т (*вскакивая, с искаженным злобой лицом*). Ах, вы смеетесь надо мной?

Р у с о в. Конечно, смеемся! С начала войны смеемся!

Г л у щ е н к о. Эх вы, чижики!

И партизаны дружно хохочут.

Маке на у. Резать этих шутников на куски, пока не заговорят! А потом — на крючках повесить за подбородки то, что от них останется! Убрать!

Партизан уводят. Они идут гордые, спокойные, с высоко поднятыми головами. Макенау и обер-лейтенант молчат и смотрят друг на друга.

Гаснет свет.

Он возникает медленно. Тот же кабинет Макенау. Открыто только одно окно. Осень. В камине горят дрова. На улице идет дождь. Маке на у — у стола. Перед ним — а д ъ ю т а н т.

Маке на у. Я получил шифровку... Сведения — самые точные. Кочет сегодня будет в городе... Раз вы его прохлопали тогда, в лагере, то теперь отвечаете мне за него головой...

А д ъ ю т а н т. Я принял все меры, господин полковник! Пока не доставлен ни один подозрительный... Я сам сейчас иду на поиски... Полагаю, что он явится на площадь: ведь там будут вешать его друзей!.. Рота СС наблюдает за толпой... На ноги подняты все взводы полевой жандармерии! Город оцеплен со всех сторон... Пропускают только наших офицеров и солдат...

Маке на у. Посмотрим!

Быстро входит обер-лейтенант.

Ну?

Обер-лейтенант. Господин полковник! На площади во время приведения в исполнение вашего приказа бандит Русов, умирая, крикнул с помоста: «Не забывайте нас!», и мужик, которого я доставил сюда, громко ответил ему: «Не забудем». Это слышали солдат Шульц и ефрейтор Мюллер.

Маке на у. Где он?

Обер-лейтенант (в дверь). Сюда!

Гестаповец вводит Кочета. Он хромает, опирается на палку. Ищет угол с иконами, хочет перекреститься. Не найдя его, низко кланяется.

Маке на у. Садись, мужичок!

Кочет. Покорно благодарю, ваше превосходительство!

Маке на у. Фамилия!

Кочет (приподнимается). Охрименко, ваше пре...

Маке на у. Сиди, сиди! Откуда?

Кочет. Из Воробьихи... ваше...

Маке на у. В город зачем пожаловал?

Кочет. За спичками, ва...

Маке на у. Шел за спичками, а попал на площадь?!

Кочет. Так там же кооперация, лавка тоись!

Маке на у. Видел казнь?

Кочет. Видел! Страшно! За что их так, ваше...

Маке на у. За бандитизм! Убийцы, насильники, негодяи! А ты с ними в разговоры

вступил?

К о ч е т. Я? Помилуй бог!

М а к е н а у. Кто сказал: «Не забудем»?

К о ч е т. Я не говорил.

М а к е н а у. Эти слова слышали мои солдаты!

К о ч е т. Так как же я мог говорить, когда даже знакомства с ними не имею?.. Первый раз этих... не знаю, как назвать, вижу в глаза...

М а к е н а у. Вы называете их партизанами! Вы помогаете им!

К о ч е т. Что вы, что вы, ваше...

М а к е н а у. Ну и много у вас партизан в Воробьихе?

К о ч е т. А мы про это даже не слышали... У нас ведь земля не пахотная.

Обер-лейтенант и адъютант усмеваются.

Топа, болота. Глушь страшная, ваше превосходительство! На седьмой только день про войну узнали, обратите внимание! Дорога плохая, пешему — можно, а...

М а к е н а у (*адъютанту*). А ну-ка давайте народ!

А д ъ ю т а н т (*в дверь*). Входите! (*Спрашивает у первого на пороге.*) Это — Кочет?

Идет вереница жителей города. Они проходят мимо Кочета. Кто задерживается дольше, кто меньше, но реакция у всех — одинаковая: все отрицательно качают головой, никто в этом грязном, бородатом мужике не узнает секретаря райкома. Последней идет старуха. Она разглядывает Кочета дольше всех.

М а к е н а у. Ну? Узнаете? Сто тысяч рублей!..

С т а р у х а. Ваше превосходительство! Отец! Кормилец! Спаситель! Хочу по секрету...

М а к е н а у. Короче! (*Отходит с ней в сторону.*)

С т а р у х а (*шепотом*). Мы никогда не встречались, никогда не имели ничего общего с коммунистами... Я его в глаза не видела, этого проклятого секретаря! Но тут — совсем рядом — живет один старичок, наш сосед. Он здесь полы натурал... Он знает... Если будет удача, прошу учесть, что это я подсказала... Хоть половину суммы.

М а к е н а у (*уже не слушая ее — фельдфебелю*). Побрить, причесать.

Гестаповцы уводят Кочета.

Проводить почтенную женщину и привести сюда старика! Она укажет.

С т а р у х а (*кланяется, уходя с гестаповцем*). Помните, ваше превосходительство... Если я буду права...

М а к е н а у (*оставшись с офицерами*). Накрыть завтрак. Все, что есть в запасе, — на стол!

А д ъ ю т а н т. Слушаю, господин полковник!

О б е р - л е й т е н а н т. Я не совсем понимаю!

М а к е н а у. Не сомневаюсь! Впрочем, это и не обязательно! Главное, чтобы понимал я! (*Адъютанту.*) Графины с водкой и вином!

Адъютант и децик торопятся выполнить этот приказ.

Вот теперь посмотрим: кто хитрее — полковник Макенау или секретарь райкома Кочет... если только это он.

А д ъ ю т а н т. Готово, господин полковник!

М а к е н а у. Так значит, не понимаете, господин обер-лейтенант?

О б е р - л е й т е н а н т. Нет еще, господин...

М а к е н а у. Плохо! Не понимать может солдат! Солдат должен только точно исполнять распоряжения, спокойно умирать и — больше ничего! А офицер — ему же для чего-то даны мозги?! (*Адъютанту.*) Проверьте: здесь ли старик? Вы введете его тогда, когда я налью водку!

А д ъ ю т а н т. Слушаюсь, господин полковник. (*Уходит.*)

М а к е н а у. И теперь не понимаете, обер-лейтенант?

Офицер отрицательно качает головой. Тогда Макенау идет ко вторым дверям и широко открывает их.

Прошу, дорогой гость!

Входит, хромя, Кочет. Он чисто выбрит и причесан. Одет в новенький немецкий офицерский костюм. На ногах — лакированные сапоги. На лице Кочета — недоумение и та же глупая растерянная улыбка. Он щупает себя, рассматривает в зеркале.

К о ч е т. Чудеса, мать святая...

М а к е н а у. Прошу — чем бог послал!

Гестаповцы усаживают Кочета с одной стороны стола, Макенау садится с другой.

Кушай, милый!

К о ч е т («непривычной» рукой трогает напозаженные волосы и, несмотря на офицерский наряд, застенчиво сидит на краю стула). Премного благодарен, ваше превосходительство! Мы сроду такого продукту не видали! (*Отставляет тарелку.*)

Обер-лейтенант недоуменно пожимает плечами. Тогда Макенау наливает Кочету и себе по рюмке водки. Кочет даже не дотрагивается до своей. Макенау чокается рюмкой со стоящей на столе рюмкой Кочета. В этот момент а д ъ ю т а н т вводит старика п о л о т е р а.

М а к е н а у (*Кочету*). Ну, будьте здоровы! (*Быстро, старику.*) Вы знакомы с этим господином, дедушка?

Полотер присматривается; его лицо меняется. Он рвется вперед, к Кочету. Адъютант едва успеваает схватить старика за плечо.

П о л о т е р (*пытается ударить Кочета по лицу, кричит*). Ах ты гадина! Гитлеру служишь, секретарь райкома! С бандитами водку пьешь, сволочь, подлец!

Макенау целится и стреляет.

(Полотер вздрагивает, тихо произносит, смотря на Кочета.) Будь ты проклят. *(И падает на пол.)*

К о ч е т *(тихо)*. Эх, дед, дед!

Безжизненное тело старика уволакивают. Кочет смотрит ему вслед.

М а к е н а у *(откинувшись в кресле, улыбается)*. Ну, вот и все, дорогой Кочет!

Кочет оборачивается, резко берет рюмку, пьет и закусывает; офицеры тупо уставились в стол со снедью. Макенау подает знак: всем уйти. Адъютант и оберлейтенант кивают на занятого едой Кочета: не опасно ли оставлять их одних? Макенау гладит свой маузер, кивает на звонок, и офицеры покидают кабинет. Пауза. Кочет ест молча и сосредоточенно, ест так, как будто он у себя в отряде.

М а к е н а у *(встает, пересаживается за свой письменный стол, любезно предлагает)*. Икры?

К о ч е т. Куражитесь, полковник. Жрать ведь самым нечего.

М а к е н а у. Какие глупости! У нас громадные запасы.

К о ч е т. Брехня! Я же в зеркале видел, как ваши холуи смотрели на все это великолепиие... Глаза как у голодных шакалов... А скоро вам будет совсем плохо...

М а к е н а у. Вы лучше побеспокойтесь о себе...

К о ч е т. Позабочусь! Что ж, как всегда — на провокации работаете?

Макенау вздрагивает, внимательно слушает.

Хотя чего от вас ждать...

М а к е н а у *(тихо)*. Каждый работает, как умеет. Важен результат! Вот — первая встреча! И она закончилась в мою пользу!

К о ч е т. Это — не первая. На переезде — помните, ведь это был я! Ох, и быстро же вы удирали. Так что пока счет наших встреч: один — один!

М а к е н а у. Но третьей встречи не будет, Кочет!

К о ч е т. Пугаете?

М а к е н а у. Предупреждаю. Хотите сигару? Это «Ван-Хупман», — лучшие в мире.

К о ч е т *(подсаживается к письменному столу, издевательски)*. Во Франции эти сигары покупали?

М а к е н а у. Мы не покупаем! Они отобраны у побежденных.

К о ч е т. Это, конечно, проще! Если позволите, я уж свой — самосадик-табачок курит русский мужичок! Потому краденым, простите, не пользуюсь! *(Развязывает кисет и крутит «козью ножку».)*

М а к е н а у *(подвигая ему спички)*. Вы надеетесь своей дерзостью вывести меня из терпения, полагая, что я — безболезненно — пристрелю вас... Ничего не получится, мой дорогой! Это старый, известный даже в литературе, прием...

К о ч е т *(удивленно)*. А разве вы что-нибудь в жизни читали?

М а к е н а у *(бледнея)*. Да, читал! Я тридцать лет изучал ваш язык! Вы сидите, как мышь, весь в моих руках... Сидите и дрожите от мысли о повешении! И правильно дрожите: у меня

вы легко не отделаетесь.

К о ч е т. Что же: пытаться предварительно будете? Не трудитесь, полковник, на меня это не подействует!

М а к е н а у. Ох, Кочет! Кочет, кажется, по-русски — петух? Вы петушитесь, мой друг... Партизаны, которых я вздернул сегодня, валялись у меня в ногах, моля о пощаде...

К о ч е т. Врете, полковник! *(И подается вперед.)*

М а к е н а у *(берясь за маузер)*. Но-но-но! Слушайте, секретарь райкома... Вы — умный человек. Я хочу предложить вам спокойную службу... Люди нам нужны...

К о ч е т. Победителю-немцу нет нужды предлагать пленному коммунисту спокойную службу! Победитель — хозяин положения, а вы... Вы же не знаете, как выскочить живым из нашей страны. И я вас предупреждаю: если когда-нибудь попадетесь мне в руки — расстреляю, как куропатку! Так и зарубите себе на носу... «победитель»! *(Откидывается на спинку стула и затягивается дымом. Пауза.)*

М а к е н а у. Есть одно хорошее и очень подходящее для вас русское слово: вы — трепач, Кочет! И перестаньте валять дурака. Вы лучше меня знаете, что еще этой осенью мы вас прикончим. Зимы вам не дождаться. Борьба бесполезна... Ваши Советы разгромлены, правительство бежало, как бежит ваша армия! Радио что-то лепечет уже из Сибири, Москвы — нет! И вообще, наша беседа затянулась. Не хотите по-хорошему, так я заставлю вас заговорить!

Лицо Макенау передергивается от ярости, монокль выпадает и виснет на шнурке. Рука полковника тянется к звонку. Сделав это движение, Макенау оказывается почти рядом с Кочетом, и в ту же секунду горсть мельчайшей махорки летит в глаза полковника. Макенау хватается за лицо. Кочет хватается лежащий на столе маузер и наносит им удар по бритому черепу врага. Не успев крикнуть, полковник откидывается в кресле. Схватив пилотку и накинув шинель, Кочет подходит к окну. Он спокойно шагает через подоконник и оказывается на улице. Стоит, оглядывается. Проходящие два солдата отдают ему честь. Кочет небрежно козыряет в ответ и, натянув перчатки, спокойно поворачивает влево. Идет дождь.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая

Комната в домике на дальних хуторах. Перед домиком небольшой дворик. Вечер. В помещении полным-полно п а р т и з а н. Идет оживленная беседа.

М а р у с я. Он должен был уже вернуться!

Н а т а ш а. Да! Ведь прошли почти сутки.

О р л о в. Все ясно: Кочет — в опасности! *(Пожимая плечами.)* Я в первый раз вижу таких спокойных людей... У нас, в Красной Армии...

Р о т м а н. Надо ждать!.. И мы будем ждать!

О р л о в. Чего? Пока его повесят?

Все замолкают.

Этого я не допущу! Мне стыдно за вас! Ведь там твой отец, Саша! Твой муж, Маруся! Неужели мы позволим...

С а ш а *(вскакивая)*. Нет! Он прав, надо идти!

Р о т м а н *(решительно)*. Я запрещаю рисковать отрядом! Это безумие, товарищи! Степан Григорьевич оставил меня своим заместителем...

О р л о в. Но-но! Вы здесь еще не начальник! *(Усмехнувшись.)* А может, вам хочется вместо Кочета стать командиром?

Р о т м а н. Это демагогия, товарищ Орлов! И я на такие вопросы не отвечаю! Будь Кочет на моем месте, он поступил бы точно так же.

С а ш а *(Орлову)*. Ты это... зря...

Н а т а ш а. Как вам не стыдно, Петя...

О р л о в. Ничего мне не стыдно! Речь идет о жизни секретаря райкома. Кто со мной — выходи вперед!

Саша, Маруся, две женщины и еще несколько человек движутся за Орловым. Он, сделав три шага, открывает дверь и резко останавливается. Лицо его меняется. Орлов медленно отступает.

Пауза.

С а ш а. В чем дело?

Орлов не отвечает. В дверях появляется Кочет. Он весь в лохмотьях, сапог не видно под облепившей их грязью. Все бросаются к нему.

К о ч е т *(поднимая руку)*. Подождите! *(Идет вперед, смотрит на Сашу, Орлова.)* Куда собрались? *(Устало садится на ящик.)*

О р л о в *(тихо)*. Шли вас спасать, Степан Григорьевич.

К о ч е т *(вытирая лицо)*. А почему вы решили, что меня надо спасать?

Орлов (*пожимая плечами*). Думали, что и вы к немцам попали.

Кочет. А почему вы думали, что и я к немцам попал?

Орлов. Вас так долго не было...

Саша. Беспокойство взяло... Что с отцом?

Кочет (*молча снимает пилотку, встает*). Почтим память наших товарищей: Русова, Глущенко, Бородко и Полосатова.

Партизаны встают. Медленно — один за другим — снимают головные уборы. Отвернувшись, тихо плачут Саша, Маруся и две женщины. Кочет, подняв голову, гневно заканчивает.

С этой минуты приказываю: врагу никакой пощады! Кровь за кровь! Смерть за смерть! Все! Проверьте посты, товарищ Орлов! Каждому смотреть в оба... Менять место будем через день... Разошлись!.. (*Подходит к Саше, Марусе и женщинам.*) Я успел с ним, Саша, попрощаться... Ответил отцу, не сдержался... За это меня и схватили... Они погибли от страшной казни, но приняли ее как герои! Мы отомстим!

Саша молча жмет ему руку.

Маруся. Отомстим, Степан Григорьевич! Ужасной будет наша вдовья расплата... Пойдемте, женщины... Будем думать об этом.

Все уходят. Остаются Кочет, Наташа и Ротман.

В дверях задерживается Орлов. Он останавливается и слушает, оставаясь незамеченным.

Кочет. Какие сводки, Наташа?

Наташа (*подает листки*). Вот все, что успела записать!

Кочет (*просматривая сводки*). Сильный бой идет под Москвой! Вот ведь куда допер, паразит! Но наши, видать, держатся крепко! И это хорошо! А вот то, что немцы узнали, что я в городе, — плохо! Как это понять?

Ротман. Чистая случайность!

Кочет. И нападение на лагерь, и хутор Михайловский — тоже случайность? Нет, враг заранее узнаёт о наших действиях!

Наташа. Что же вы думаете? Предательство?

Орлов, взволнованный, ждет ответа.

Кочет. Вот не разберусь еще! Кто знал о моем уходе? Ротман, Маруся, Орлов, Саша и ты!

Пауза.

Тебе я верю, девочка моя!

Наташа (*впервые услышав отцовскую нотку, смущенно шепчет*). Спасибо, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Ротман! Кровь его братьев, которой фашисты поливают землю, вся жизнь его — верная порука. Отпадает мой друг Ротман! Марусе Глущенко тоже верю! Дальше! Саша Русов...

Н а т а ш а (*не выдержав*). Я за него, если так можно, три раза головой ручаюсь!

Р о т м а н. И я!

К о ч е т. Это хорошо! Хорошо, когда не боясь можно за человека головой поручиться! Согласен! Не о Саше идет речь! Кто же мог польститься на сто тысяч целковых? Сержант Орлов?

Орлов вытягивает шею.

Тоже как будто надежный человек. Правда, мы его еще мало знаем, а теперь людей сто раз надо проверить!

Р о т м а н. Ну, знаете! Вспомни, как он к нам попал!

Н а т а ш а (*оживляясь*). И как показал себя в бою... Вы же сами хвалили его, начальником штаба назначили. Я почти все время с ним нахожусь, Степан Григорьевич...

Кочет смотрит на Наташу. Она, смутившись, объясняет.

Своему делу его учу. Он после войны хочет стать радистом, на зимовку уехать...

К о ч е т. Хорошая, дельная мысль.

Н а т а ш а. Только Петя не очень способный. Даже смешно: никак до сих пор азбуку освоить не может.

К о ч е т (*тихо*). А что, он часто на аппарате занимается?

Н а т а ш а. Да! (*Улыбается.*) Если б кто другой, так можно было даже за шифр принять: тычется, как слепой щенок... (*Наташа замечает вдруг настороженный взгляд Кочета, и улыбка сразу слетает с ее лица.*) Может, прекратить уроки?

К о ч е т (*удивленно*). Зачем? Это ему в жизни пригодится. Ну, что же мы решаем? Выходит: немцы меня действительно случайно обнаружили? Так, что ли?

Р о т м а н. Конечно! Ведь сам виноват, Степан Григорьевич! Не утерпел — наверно, слишком громко попрощался с дорогим дедом Гаврилой...

К о ч е т. Да... Ну ладно, так и будем считать... О разговоре нашем — никому ни слова.

Н а т а ш а. Но что все-таки с вами произошло?

Р о т м а н. И как ты оказался в немецком мундире?

Орлов вытирает лоб, впервые облегченно вздыхает и бесшумно отходит от дверей.

К о ч е т. Сейчас расскажу. Добрался я до города вполне благополучно...

Медленно гаснет свет.

Пауза.

Свет возникает так же медленно. В комнате К о ч е т и Р о т м а н. Падает первый снег. Двор быстро пересекает С е д о в, взбегаем по ступенькам и влетает в комнату.

С е д о в. Гостей встречайте! Ура! (*Шутливо сбрасывает шапку и по-старинному, низко кланяется.*)

Слышен звук подъехавшей упряжки. Кочет смотрит в открытую на улицу дверь. Голос: «Тпру! Стой! Приехали!»

К о ч е т (Ротману). Пушку привезли!

Р о т м а н (протирая очки). И два зарядных ящика! Кто это?!

С е д о в. А вы угадайте!

К о ч е т. Халков! Ах, сукин кот! Ей-богу, он!

Кочет и Ротман выходят во двор.

Здорово, Халков!

Х а л к о в. Я, Степан Григорьевич! Почтение, товарищи! (Целуется с Кочетом.) Как увидел наш лагерь... (Сокрушенно.) Все сгорело, значит?

К о ч е т. Да! Пришлось самим уничтожить...

Х а л к о в. Ай-ай-ай! Плутали-то мы недолго, я же помнил, куда надо было направляться в случае чего...

К о ч е т. Да где ж ты два месяца болтался, Федор Матвеевич?

Х а л к о в. Два месяца! Это я еще скоро управился. Район-то чужой... Не доверяют...

К о ч е т. Видал Тараса?

Х а л к о в. Нет, не пришлось! Они очень личность секретная и никого до себя не допускают... Но доложить ему о моем деле все-таки доложили... и письмо ваше передали. Вот видите: даже подарки прислал — орудию и к нему снарядов комплект!..

Входит Сазонов — старичок лет семидесяти. Его сугубо гражданский вид резко контрастирует с внешностью двух мрачных громадных бойцов-партизан, идущих за ним. Старичок кивает головой, и великаны останавливаются. Сазонов одет в «партикулярное», давно вышедшее из моды платье, черный «чеховский» плащ-крылатку. Волосы гладко зачесаны, голова, несмотря на холод, не покрыта: шляпа висит сбоку, приколотая к плащу английской булавкой. На самом кончике носа — пенсне, держится оно на широком черном шнуре. Орлов, переглянувшись с Ротманом, улыбается.

С а з о н о в (тихо). Я осмотрел гаубицу. Она в полной исправности.

К о ч е т. Наверно, одна из тех, что вы тогда вместо нас захватили.

С а з о н о в. Очень возможно. Твердо не помню, но очень возможно.

Х а л к о в (кивнув на Сазонова). Это — товарищ... (Тихо.) Тоже штучка — я вам скажу... Были мы с ним в одном налете. Он вошел сам в штаб полка и забросал офицеров гранатами... Чистый дьявол... (Уже громко и вежливо.) Это товарищ Сазонов. Они от Железного Тараса уполномоченным будут...

К о ч е т. Очень приятно! (Представляясь.) Кочет, командир здешних партизанских отрядов!

Сазонов молча кланяется, отходит в сторону, к своим бойцам.

Х а л к о в. Я вам сейчас быстро все растолкую, Степан Григорьевич! Говорят в ихнем районе об этом Тарасе такое, что аж голова кружится... Как послушать, так перед ним сам

Гитлер дрожит! Все наши успехи против его дел — чистая жеребятина, Степан Григорьевич, детские игрушки! Он их, гестаповцев и полицаев, значит, уже тысячи две изничтожил... Между прочим: лазит в соседние районы потому, что в своем всех фашистов дочиста вывел!.. Сам — роста саженного, борода как у Фридриха Энгельса, а силищи и суровости в нем... *(он кивает на стоящих за Сазоновым партизан)* аж свои боятся! Верно я говорю?

П а р т и з а н *(почесывая бороду, будто извиняясь, грохочет)*. Так точно. Боимся, конечно!

Сазонов испуганно отдергивает голову от этого бычьего баса и отодвигается от гиганта.

Х а л к о в *(продолжая)*. Лютый на оккупантов ужась! Они ему предложение делали: «Переходи, мол, Железный Тарас, к нам — генералом!» Так он их за это официально — на машинке даже велел письмо отстукать — по известной матери послал! Нет, никуда мы против него не годимся!

Пауза.

Р о т м а н. М-да! Видно, серьезный мужчина!

К о ч е т. Определенно! *(Подходя к Сазонову.)* Я еще не поблагодарил вас за подарок! Нам это орудие будет сильно кстати!

С а з о н о в. Очень приятно, очень приятно...

К о ч е т. Прошу в дом, товарищ Сазонов! Потолкуем...

Сазонов снова вежливо кланяется Кочету и молча поднимается по ступенькам. Все расступаются перед ним, и он медленно проходит в дом. В комнате за стол садятся Сазонов, Кочет, Ротман, Саша Русов и Орлов. Пауза.

С а з о н о в. Так вот... Мой начальник интересуется: зачем вам с ним встреча понадобилась, уважаемый секретарь райкома? *(Он смотрит при этом на Кочета поверх пенсне.)*

К о ч е т. Это я вам сейчас объясню! Наша армия отступала; вы и мы, находясь в глубоком тылу, действовали — и правильно действовали — мелкими группами, делая все, чтобы затормозить наступление врага!

С а з о н о в. Так, так, так...

К о ч е т. И мы добились некоторого результата! За четыре месяца уничтожено: двадцать шесть складов горючего, сто два обоза с продовольствием... У вас, кажется, записаны точные данные, товарищ Орлов? Скажите о самом главном; оружие и другие трофеи — не стоит!

О р л о в *(читает по бумажке)*. Сто восемнадцать грузовиков, двести четыре легковых автомашины, три моста, четыре хлебопекарни; нарушена связь на многие десятки километров. Потери людьми: больше семисот пятидесяти фашистов одними убитыми! *(Прячет бумажку в карман.)*

С а ш а. Разрешите добавить: наш отряд увеличился лишь вчетверо только потому, что мы были уж очень разборчивы!

С а з о н о в *(качая головой)*. Так, так, так...

К о ч е т. Не знаю, какие у вас достижения, товарищ Сазонов...

С а з о н о в (*скромно*). Несколько большие, но это неважно! Я вас внимательно слушаю!

К о ч е т. Теперь Красная Армия перешла в наступление, приближается к нам. В связи с этим тактику партизанской войны, я полагаю, надо менять. Объединив районные отряды, мы создали бы большое партизанское войско. Это войско, теперь хорошо вооруженное, мощными ударами по вражеским тылам, заставит Гитлера снять войска с фронта. Взятые с двух сторон в стальное кольцо, оккупанты почувствуют нашу силу...

С а з о н о в. Так, так, так...

К о ч е т. В городе, я сам это видел, остался, например, небольшой гарнизон. Можно ударить совместно, уничтожив и штаб и гестаповские отряды. В общем, поговорить есть о чем. Созвать на такое совещание надо всех начальников партизанских групп. Вот для чего я хотел встретиться с Железным Тарасом и посоветоваться с ним.

С а з о н о в. Так, так, так... Понимаю-с! Ну что ж, можно!

К о ч е т. Назначайте место свидания, товарищ Сазонов.

С а з о н о в. А зачем? Вы — инициатор, товарищ Кочет: ведь мы организовали наш отряд, узнав о вашей деятельности!

К о ч е т. Спасибо за комплимент.

С а з о н о в. Это чистая правда! Так что вам и выбирать!

К о ч е т. Я не продумал еще, откровенно говоря...

О р л о в. Разрешите мне, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Давай, давай, начальник штаба!

О р л о в. Я считаю, что свидание должно произойти на границе двух районов: чтоб всем было близко. Во-вторых — не залезать в глушь, а, наоборот, — прямо под носом у немцев.

С а з о н о в (*хихикнув*). Это совершенно справедливо! Под носом у себя никто партизан искать не будет.

О р л о в (*довольный поддержкой*). То есть у самой пасти зверя! Вот посмотрите! (*Вынимает карту.*) Я крестиком отметил эту церквушку — и недалеко от города и, в общем, на отлете!

Все склоняются над картой.

Р о т м а н. Что ж, место вполне удобное! Церковь пустая: ведь они батюшку, отца Андрея, расстреляли!

К о ч е т. Вы согласны, товарищ Сазонов?

С а з о н о в. Да, нас это вполне устраивает!

К о ч е т. Тогда послезавтра, часика в четыре утра...

С а з о н о в. Отлично! Значит: послезавтра, в четыре часа утра, вместе с командирами своих отрядов, в этой церквушке вас будет ждать Железный Тарас!

К о ч е т. Очень хорошо. Заседание окончено!

Все встают.

Вас не отпускаю, дорогой гость. Попьем чайку, покалякаем!

С а з о н о в. Зимой чаек — большая улада.

Кочет проходит в другую комнату. Когда он возвращается с самоваром в руках, у стола сидит только один Сазонов. Кочет разливает чай, угощает старика. Прихлебывая крепкий настой и надкусывая крошечные кусочки дешевой конфеты, пьют сначала молча.

С а з о н о в. Это, конечно, хорошо, что вы встретитесь с Железным Тарасом! Я твердо знаю, Степан Григорьевич, что у него до вас тоже вопросы найдутся... Потому многого еще разрешить не можем: кругозор, в общем, не очень велик!

К о ч е т. С удовольствием, товарищ Сазонов, помогу, чем смогу! Вы сами по профессии, простите, кто будете?

С а з о н о в. Учитель! Более сорока лет преподаю русский язык.

К о ч е т. И, очевидно, очень дружны со своим начальником?

С а з о н о в. Естественно!

К о ч е т. Ну и что же — он действительно таков, как о нем рассказывают?

С а з о н о в (*вдруг*). Нашу беседу может кто-нибудь услышать?

К о ч е т. Никто! А почему вы об этом спрашиваете?

С а з о н о в. Видите ли, Степан Григорьевич... вам лично, я, конечно, могу сказать: Железный Тарас... это — я!

Кочет смотрит на Сазонова широко раскрытыми глазами.

Вас, конечно, удивляет мой кроткий вид. Не можете понять: почему такую фитюльку, полумощи, прозвали «Железным»?

К о ч е т. Простите, но... я вас действительно представлял себе несколько иным...

С а з о н о в. Ничего, ничего... Я не обижаюсь! Вот когда встретимся на деле, перестанете удивляться!

К о ч е т. Охотно верю! Вашу... работу я видел...

С а з о н о в. Тогда продолжим нашу беседу: зачем вам нужно лезть прямо в пасть к зверю, как удачно выразился ваш начальник штаба, товарищ Орлов? Почему не вы назначили место? Почему его совета послушались? Ведь риск большой — всех начальников собрать! А ведь у вас уже были случаи...

Дверь с треском открывается, и в комнату влетает Н а т а ш а.

Н а т а ш а. Степан Григорьевич...

К о ч е т. Ты почему не спросишь?

Н а т а ш а. Степан Григорьевич! Это шифр!

К о ч е т. Что шифр?

Н а т а ш а (*с дрожью в голосе, возможно даже не заметив Сазонова*). Орлов передает! Шифром!

К о ч е т. Ты что, в своем уме?

Н а т а ш а (*тряся головой*). Я запомнила его лицо. Оно уже было сосредоточенным, когда он — вроде случайно — взялся за ручку! Понимаете? Он думал о том, что передавал... Думал!.. Орлов говорил мне в это время о совершенно другом, Степан Григорьевич! О личном... Это шифр... шифр!..

Кочет смотрит на Тараса. Только тут Наташа понимает, что совершила большую ошибку.

К о ч е т. Ты это... не распускай себя, Наталья. Нервы у тебя гуляют. Слышишь?

Н а т а ш а (*у нее на глазах слезы*). Степан Григорьевич, мне вам говорить подобное очень тяжело, но, уверяю вас, что это — шифр!

К о ч е т (*строго*). Запомни! Орлов — мой ближайший помощник и пусть продолжает сколько хочет упражняться на аппарате! Понятно? (*Тарасу.*) Вы извините ее, пожалуйста, дуреху такую! (*Наташе.*) Чего наболтала?! Иди!

Наташа смотрит на Кочета. Он подходит к ней, обнимает и от души целует в обе щеки. Затем подталкивает к дверям и выпроваживает из избы. Возвращается к столу довольный.

Теперь я вам все объясню, Тарас... Простите, не знаю отчества...

С а з о н о в. Борисович... к вашим услугам... Не надо объяснять — все ясно! Фантазия еще работает хорошо. Столько выдумок в детских тетрадках, в сочинениях ребят, что и сам умным становишься!

К о ч е т. Неужели догадались, Тарас Борисович?

С а з о н о в. Я знал, что у вас не все благополучно! Было уже несколько случаев неудачи — мне ведь все сообщают: и о друзьях и о врагах. Верно ведь: были неудачи? Поэтому, когда я приехал к вам — не доложил при всем честном народе: смотрите на меня, граждане! Это я и есть — Железный Тарас! Зачем себя перед врагом раскрывать? А вам хотел помочь разобраться, но вижу, вы уже сами справились... Ладно, мы им устроим спектакль! (*Он улыбается и протягивает Кочету руку.*)

Кочет с жаром пожимает ее.

Картина вторая

Церковь. Царские врата в глубине. Посредине — стол. У стола К о ч е т, О р л о в, Р о т м а н и Н а т а ш а. Справа подходит С а з о н о в. За ним т р о е б о р о д а ч е й, двоих из них мы уже знаем. Сазонов останавливается в нескольких шагах от стола.

С а з о н о в. Мы прибыли в срок!

Пауза.

Н а т а ш а. А где Железный Тарас?

С а з о н о в. Это — я!

Наташа, Орлов и Ротман с любопытством разглядывают Сазонова.

К о ч е т. Вы же назвали себя Сазоновым?

С а з о н о в. Это моя фамилия, товарищ Кочет! Приступаем к делу... Я обдумал ваши

предложения...

К о ч е т (*всматривается в третьего спутника Тараса, перебивает Сазонова, не отрывая глаз от бородатого*). На одну минуточку... можно вас...

С а з о н о в. Меня?

К о ч е т. Да, да!

Они отходят в сторону.

Кто этот человек? Очень знакомые черты...

С а з о н о в. Моя правая рука, бывший прокурор вашего района, товарищ Марычев!

К о ч е т. А как он к вам попал?

С а з о н о в. С первых дней. Рассказывал о ссоре с вами... Предложил организовать отряд по примеру секретаря райкома Кочета... Великий воин, доложу я вам, Степан Григорьевич! По справедливости, его, а не меня надо было железным назвать...

К о ч е т. Благодарю, Тарас Борисович! (*Идет к Марычеву.*) У нас получилось недоразумение, товарищ Марычев.

М а р ы ч е в. Никакого недоразумения не было, товарищ Кочет!

К о ч е т. Я погорячился.

М а р ы ч е в. А это всегда напрасно, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Но вы, наверно, сердитесь...

М а р ы ч е в. Уже нет!

К о ч е т. Надеюсь, вернетесь к нам...

М а р ы ч е в. Не надейтесь, Степан Григорьевич! Сейчас отряд Тараса Борисовича я не оставляю... А в свое время на партийном собрании поговорим! (*Отходит.*)

Р о т м а н. Здравствуй, Марычев!

М а р ы ч е в. Здоров, Абраша! (*Наташе.*) Не узнала меня, Наташенька? А я помню тебя! «Не стучите трубкой, товарищ прокурор!»

Н а т а ш а. Мы думали...

М а р ы ч е в. А вот не надо было думать!.. Начинайте, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Предполагался созыв широкого совещания всех начальников, но потом решили предварительно собраться сами... Выберем председателя?

Р о т м а н. Обязательно! Предлагаю товарища Сазонова...

Все бесшумно хлопают в ладоши.

К о ч е т. На этой кандидатуре и остановимся. Кто за? Прошу поднять руки.

Все поднимают руки.

Р о т м а н (*поднимая обе*). Голосую двумя!

О б е р - л е й т е н а н т. Так и держите их!

Он показывается слева. За ним, с направленными на партизан автоматами — отборные г е с т а п о в ц ы. Пауза. Слышен рев подлетевшей к церкви мощной автомашины. Партизаны стоят с поднятыми руками. Обер-лейтенант идет навстречу полковнику Макенау и возвращается вместе с ним и его а д ъ ю т а н т о м.

М а к е н а у. Обыскать!

Оружие у партизан отобрано моментально.

Опустить руки!

О р л о в (*идя к Макенау*). Господин полковник! Ваше приказание выполнено!

М а к е н а у (*забыв о своем высоком звании, обнимает и целует Орлова*). Рад видеть вас живым и здоровым, дорогой Альбрехт! (*И обернувшись к обер-лейтенанту.*) Вот как надо работать! Учитесь, молодой человек!

Обер-лейтенант подвигает полковнику большое удобное кресло. Макенау садится, осматривается и улыбается.

Представьте мне ваших друзей, лейтенант!

О р л о в. Знаменитый Железный Тарас! Эти двое бородатых из его шайки! Прокурор Марычев! Мой друг и начальник товарищ Кочет!

М а к е н а у. О, мы знакомы! Вы, кажется, мечтали о третьей встрече, Кочет?

Кочет молчит.

О р л о в. Это Ротман! Иудей! Наташа — мой друг и первая помощница. Для связи с вами я пользовался ее рацией.

Н а т а ш а. Мерзавец!

М а к е н а у. Ого! У барышни много темперамента! Я чувствую, что его хватит на добрую роту моих солдат... Они так нуждаются в женской ласке... Ну что ж, они ее получат!

О р л о в (*с издевкой*). Таким образом, перед вами лучшие люди этой страны, отборные сливки партизанского общества, господин полковник!

М а к е н а у. Благодарю вас! Так вот, друзья мои! Будь вы другими, я, быть может... Но вы — неисправимы! Вы не хотите счастливой жизни под сенью германского флага... (*Вдруг зло.*) Я вас повешу, как уже повесил многих из вас... (*Ротману.*) А тебя, собака... (*он ткнул стеком в грудь инженера*) ...тебя я распну на кресте!

Р о т м а н (*кланяясь*). Мерси за такое внимание...

Тарас и его бородачи стоят как окаменевшие. Склонив голову набок, старик через пенсне с любопытством разглядывает полковника.

С а з о н о в (*вдруг*). Нехорошо! Некрасиво! Взять всех — и повесить! Очень некультурно!

М а к е н а у. Что поделаешь! Ну, вот и все! Пришла зима, а с ней и ваш конец! Как говорят наши друзья итальянцы: финита ля комедия.

Он произносит последнюю фразу с итальянским акцентом и хочет уже встать, когда Кочет делает шаг вперед.

Хотите что-нибудь сказать?

К о ч е т. Да, хочу! Самое святое в нашем деле, господин полковник, это — вера!

М а к е н а у. Вы же безбожник! Вы растоптали религию, Кочет! Зачем вспоминать о ней... Разве коммунисты молятся перед смертью?

К о ч е т (*продолжая*) ...самое святое для нас, это — вера в победу над вами, вера в свою страну, в нашу армию, которая бьет ваши непобедимые доселе дивизии, вера друг в друга... Вы правильно сделали, подослав к нам Орлова, — ведь мы люди доверчивые...

С а з о н о в. Эх, Степан Григорьевич!

К о ч е т. Мы поверили Орлову и попали в ловушку!

О р л о в. Я этим горжусь, идиот!

К о ч е т. Но «комедия» еще далеко не окончена! Страшно вам бороться с нашим народом... Мы — неробкие противники! За одну нашу смерть — вы ответите десятью! Оглянитесь, полковник! Трупы ваших солдат гниют по дорогам, ими покрыта вся наша земля.

М а к е н а у. Кочет! Скорее! Скучная речь! Моя охрана не понимает по-русски. А меня агитировать — стоит ли?

К о ч е т. Я двадцать шесть лет служу партии и своей стране! И какой-то немчик решил меня перехитрить? Смешно, честное слово... Извините меня, но вы хоть и полковник, а дурак!

Ротман вдруг рассмеялся. Жутко звучит его смех под сводами церкви.

М а к е н а у (*вздрагивает. Подавшись вперед, приказывает Ротману*). Замолчи, падаль! Или я тут же... (*Но сдерживается. Снова откидывается в кресло и — уже спокойно.*) Продолжайте, Кочет! Договаривайте! Но помните: я считаю количество сказанных вами слов! Перед тем как повесить, я прикажу выпустить из вас кровь: по стакану за слово!

К о ч е т. И это учтем! В общем, я все сказал, и пора кончать эту петрушку. Вы — звери, которых надо истреблять как бешеных псов! (*Показывает на темные лики святых.*) Богу стыдно за вас, немцы! Сотни загубленных вами женщин и детей требуют мести! «Отомстите!» — кричат наши друзья: твой муж, Маруся Глущенко, твой отец, Саша Русов, и многие другие, казненные вами...

М а к е н а у (*Орлову*). Он, кажется, сошел с ума. С кем он говорит?

К о ч е т. Невинные души зовут вас на суд. Они здесь, в этих могилах... Итак, суд начинается! Вставайте, мертвые!

Распахиваются царские врата — два пулемета направлены на немцев. На хорах — г р а н а т о м е т ч и к и Маруси Глущенко. Поворачиваются большие портреты святых: а в т о м а т ч и к и Саши Русова. В нишах — б о й ц ы - п а р т и з а н ы. Оцетинилась церковь оружием. Мертвая тишина.

Р о т м а н (*вдруг смеется. Показывает на Макенау, качает головой*). Вы слышали? Он хотел меня распять! Эх ты, распятель!

Макенау сидит бледный. Губы его дрожат. Орлов растерянно смотрит вокруг. Кочет шепчет что-то Ротману, и тот приказывает по-немецки.

Клади оружие!

Гестаповцы и офицеры молча кладут автоматы, ножи, пистолеты. Растет куча оружия.

С а з о н о в (*полковнику*). А ну-ка, встаньте!

Макенау встает. Сазонов преспокойно садится в кресло на его место.

Всех вещать собрались, а вежливости не научились. Я ведь все-таки старше вас! У меня дети в школе и те знают, что старикам надо уступать место!

М а к е н а у (*Кочету*). Прошу учесть, что я — полковник, а не рядовой офицер!

К о ч е т. Непременно учтем! И тут же, не отходя ни на шаг. Что? Не ожидали? То-то и оно! Забыли про нашу русскую смекалку? Расстреляли батюшку и думали, что взяли церковь? Кукиш! Прихожане остались! Это здание старинное, часть монастыря. Три века назад в нем отсиживались русские люди от иноземного завоевателя. Ход длиной в полторы версты ведет к оврагу и речке. Вот как наши сюда попали! А вы нас там встречали, у дверей! И тут оплошали, господин полковник!

Снаружи слышны выстрелы.

Это приканчивают вашу наружную охрану! И еще могу сообщить вам одну приятную новость: три тысячи бойцов ждут моего сигнала для нападения на город! (*Смотрит на часы.*) У нас есть еще несколько минут до назначенного срока! Товарищ прокурор! (*Показывая Марычеву на Тараса.*) Вот председатель военного трибунала. Мы все — члены суда... Начинайте, быстро!

М а р ы ч е в. Есть!

С а з о н о в. Обвиняемых слушать не будем: им сказать нечего! Пусть сразу говорит прокурор!

Марычев подходит к столу и раскладывает вынутые из полевой сумки бумаги и книги.

К о ч е т. Что это за канцелярия?

М а р ы ч е в. Уголовный кодекс РСФСР! Надо по всем правилам, товарищ секретарь райкома. Чтобы знали: за что я буду требовать для них высшей меры социальной защиты!

Орлов, пятясь, доходит до рампы и ступает уже на лесенку, ведущую в зрительный зал.

К о ч е т (*заметив это*). Не пытайтесь уйти, лейтенант Альбрехт! (*Показывая на зал.*) Там тоже наши люди! Они вас не пропустят!

Наташа быстро подходит к Орлову, размахивается и бьет его по лицу.

Наташья! Ты что? Он — пленный и будет судим!

Н а т а ш а. Это я не по военной линии, Степан Григорьевич, а по... личной! Чтобы не врал мне...

К о ч е т (*переглядываясь с Марычевым*). Можно по личной, товарищ прокурор?

М а р ы ч е в. Видите ли... закон учитывает момент аффектации и обычно ограничивается только выговором. Но в данном случае...

К о ч е т. Тогда все в порядке. Слово имеет государственный обвинитель.

М а р ы ч е в. Товарищ председатель, товарищи члены чрезвычайного суда! Мне поручено огласить и поддерживать сегодня обвинительное заключение! Задача моя необычайно легка потому, что находящиеся на скамье подсудимых люди...

С а з о н о в. ...Не заслуживают того, чтобы на них тратили время... Военный трибунал — за все злодеяния ваши, за кровь жен и детей наших, за разгромленные города и сожженные деревни — приговаривает вас к расстрелу. Приведите приговор в исполнение, товарищ прокурор!

Фашистов уводят. Пауза.

Как время, Степан Григорьевич?

К о ч е т. Одна минута осталась.

С а з о н о в. Я сам полезу на колокольню! И пусть по знаку набата встанут наши леса и поля... *(Уходит.)*

Пауза. Слышен залп.

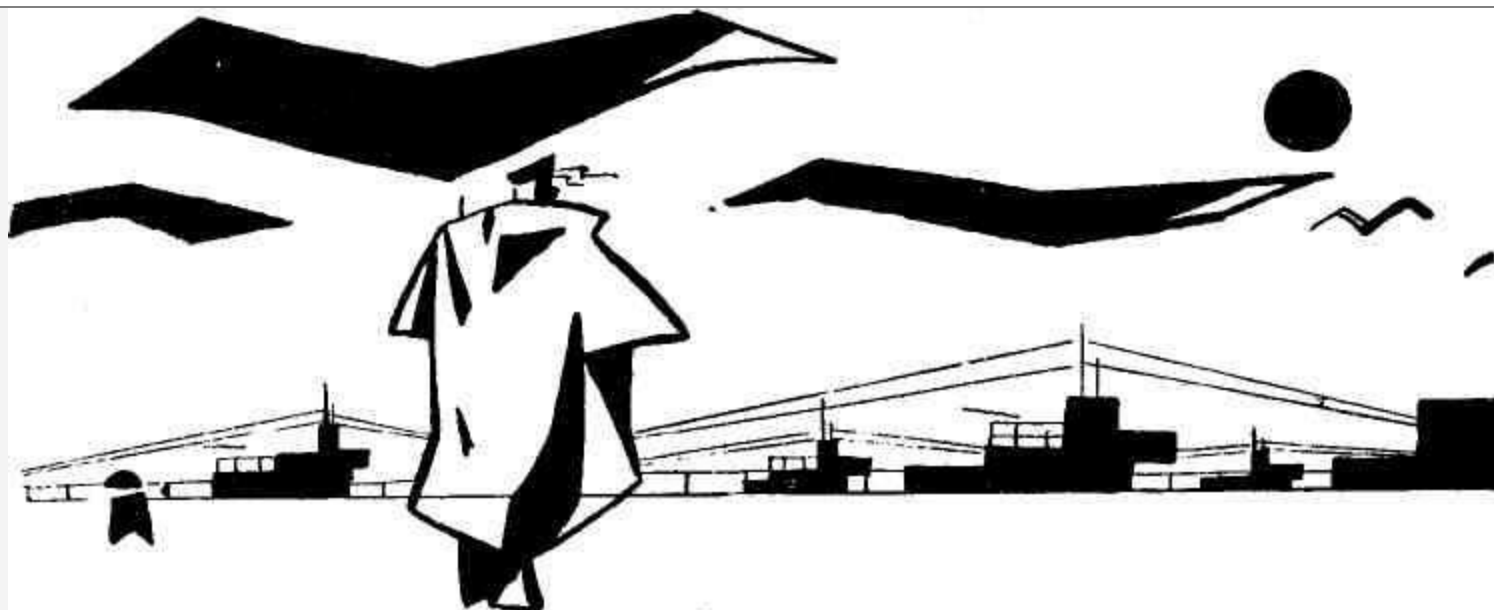
К о ч е т. Третья встреча не состоялась, полковник!

Гудит большой колокол.

(Кричит.) На город!

ТИХИЙ ОКЕАН

Пьеса в четырех действиях, восьми картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Афанасьев Иван Ильич — капитан-лейтенант, командир подводной лодки „Дельфин“, 30 лет

Афанасьева Вероника Ильинична — его сестра, 35 лет

Орлов Григорий Александрович — старший лейтенант, помощник Афанасьева, 26 лет

Денисов Михаил Иванович — капитан-лейтенант, начальник штаба отдельного дивизиона подводных лодок, 28 лет

Денисова Анна Степановна — его мать, 50 лет

Филиппов Иван Степанович — ее брат, 58 лет

Дмитриев Константин Яковлевич — бывший водолаз, 53 лет

Смирнова Елена Львовна — капитан медицинской службы, 24 лет

Григорьев Фома Петрович — мичман, старшина группы торпедистов, 30 лет

Григорьева Зинаида Трофимовна — его жена, 23 лет

Панычук Павло — торпедист, 21 года

Грушевский Александр — торпедист, 21 года

Покровская Надя, 18 лет

Берман Иосиф — электрик, 21 года

Куракин Сергей — кок, 23 лет

Пивоваров-первый — радист }

Пивоваров-второй — матрос } — братья-близнецы, 21 года

Джибели Вахтанг — трюмный, 21 года

Егоров — лейтенант, 25 лет

Акулов — завхоз базы, отец Зины Григорьевой, 56 лет

Первый офицер

Второй офицер

Иностранец

Японец

Тихий океан. Наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Из полной темноты слева возникает свет настольной лампы. Она освещает кресло, в котором сидит человек в штатском. Это и н о с т р а н е ц. Он читает какие-то бумаги.

Пауза.

Голос из темноты: «Разрешите доложить, сэр?»

И н о с т р а н е ц. Да, да.

Голос из темноты: «Капитан Идзико прибыл!»

Пусть войдет. (Быстро прячет бумаги в папку.)

Раздается легкое покашливание.

Подойдите ближе, Идзико!

Из темноты появляется фигура к а п и т а н а И д з и к о.

Садитесь!

Японец садится в кресло рядом.

Как чувствуете себя?

Я п о н е ц (усмехаясь). Я нахожусь в тюрьме, сэр!

И н о с т р а н е ц. Да, ничего не поделаешь, капитан! Как вас там кормят?

Я п о н е ц. Превосходно!

И н о с т р а н е ц. Прогулки?

Я п о н е ц. Три раза в день.

И н о с т р а н е ц. Чем занимаетесь в свободное время?

Я п о н е ц. А... в тюрьме все время — свободное... если так можно сказать! (Смеется.)

Это очень милая шутка — «в свободное время»...

И н о с т р а н е ц. Я хотел сказать: в остальное время.

Я п о н е ц. Ага! Читаем! Вспоминаем недавнее прошлое!.. У нас есть о чем подумать!

Играем в карты...

И н о с т р а н е ц. Крупные ставки?

Я п о н е ц. Нет.

Пауза.

И н о с т р а н е ц. Скучаете по семье?

Я п о н е ц. Даже кошка скучает по своим котяткам!

И н о с т р а н е ц. Вы не просто военнопленные. Вами и вашими коллегами совершены

тягчайшие преступления, и нет ничего удивительного, что мы вас посадили за решетку!

Японец. Вы пригласили меня, чтобы напомнить об этом?

Иностранец. Нет. Слушайте меня внимательно, Идзико. Вы мне нужны.

Японец. Я?..

Иностранец. Да. Обращаюсь к вам — самому крупному специалисту в японском флоте...

Японец. Пожалуйста!

Иностранец. ...с предложением. Мы даем вам подводную лодку. Вы сами подберете себе экипаж — офицерский, из тех самураев, которые сидят вместе с вами.

Японец. Зачем?

Иностранец. На этой лодке, воспользовавшись маневрами советской эскадры, вы пойдете к русским берегам и разведаете подходы к военно-морской базе сорок четыре. На вашем корабле — никаких документов, ни одной книги, кроме русских. Банки с консервами будут иметь русские этикетки, команда наденет рабочие комбинезоны советского флота. Вы понимаете, зачем это нужно?

Японец. О да! Предусмотрительность!

Иностранец. Совершенно верно!

Японец. И это все?

Иностранец. Нет! Если вы оставите в русских водах... несколько мин, то мы возражать не будем! Если ваша экспедиция окончится благополучно и ни этих минах подорвутся русские корабли, вы и ваш экипаж получите полную свободу и по двадцать тысяч иен каждый. *(Пауза.)* Все ясно?

Японец. Все. Можно вопрос?

Иностранец. Конечно.

Японец. Если... мы откажемся?

Иностранец. Тогда всех вас завтра же перевезут на один остров. Там чудесные болота, которые надо осушить... Обыкновенно в этой каторжной колонии...

Японец. ...через пять-шесть месяцев умирают от малярии?

Иностранец. Да, примерно так. У вас имеются еще вопросы?

Японец. Нет.

Иностранец. Если вы вздумаете перейти на сторону русских...

Японец. Русские — наши враги!

Иностранец *(мрачно)*. Если вы все же вздумаете это сделать, то помните: здесь остаются ваши семьи...

Японец *(вздвигнув)*. Понятно! *(Снова спокойно)*. Всё?

Иностранец. Да.

Японец. Хм! Не очень заманчивые перспективы!

Иностранец. К сожалению, генерал Макартур ничего другого не может вам предложить. Свобода или смерть!

Японец. Ха! Это красивый, немножко революционный лозунг: свобода или смерть! *(Пауза.)* Я не могу сразу ответить, сэр! Должен посоветоваться с моими уважаемыми друзьями.

Иностранец. На размышление вам дается двадцать четыре часа. *(Кричит в темноту.)* Я закончил беседу.

Японец *(встает)*. До свидания, адмирал!

И н о с т р а н е ц. Надеюсь, что до очень скорого свидания, капитан.

Свет медленно гаснет.

Тишина. И в эту тишину начинает отчетливо проникать идущий справа равномерный гул мощных моторов. Медленно возникает свет. Первый отсек маленькой подводной лодки «Дельфин». Слева, у торпедных аппаратов, стоит дежурный матрос Пивоваров - первый. Из соседнего, второго отсека появляется командир подводной лодки капитан-лейтенант Афанасьев.

П и в о в а р о в - п е р в ы й (*докладывает*). Товарищ капитан-лейтенант! Вахтенный первого отсека матрос Пивоваров! За время моей вахты никаких происшествий не произошло!

А ф а н а с ь е в. Есть! (*Осматривает первый отсек. Пауза.*) А ну-ка, товарищ Пивоваров, уберите...

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Есть убрать! (*Быстро исполняет приказание командира — как пушинку поднимает очень тяжелый баллон со сжатым воздухом.*) Готово, товарищ командир!

А ф а н а с ь е в. Хм! И силенка же у вас!

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Все у нас такие.

А ф а н а с ь е в. Да, ваш брат тоже, знаете...

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Я, товарищ командир, не о брате говорю. На нашей лодке слабых нет... Вот Фома Петрович в солдатской стойке двухпудовой гирей свободно крестится.

А ф а н а с ь е в. Здорово! (*Останавливается у телефонного аппарата аварийного бую, снимает трубку, прикладывает к уху, продувает.*) А почему треск?

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Я ежедневно проверяю аппарат, товарищ командир.

А ф а н а с ь е в (*снова продувая*). А все-таки треск имеется! В мембране! Телефон аварийного бую должен работать безотказно. Разберите его и удалите шум.

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Есть! Разрешите сейчас?

А ф а н а с ь е в. Да, пожалуйста! (*Уходит во второй отсек.*)

Пивоваров-первый открывает крышку аппарата, вывинчивает части, кладет их в карман, аппарат же ставит на место. Продолжает стоять вахту в первом отсеке.

Пауза.

Через переговорную трубку доносится приказание: «Очередной смене приготовиться на вахту!»

Пауза.

«Очередной смене приготовиться на вахту!» Правая дверь открывается, и один за другим в отсек входят матросы Грушевский, Джибели, Берман и Панычук.

Б е р м а н. Вот и все! Закончили плаванье. Дальше дежури́м на берегу.

Д ж и б е л и. Я тоже так думаю. Вы, конечно, довольны, товарищ Грушевский?

Г р у ш е в с к и й (*взволнованно*). Очень!

П а н ы ч у к (*вдруг*). А это еще неизвестно...

Г р у ш е в с к и й. Что именно?

П а н ы ч у к. Что не придется в море дежурить. На флоте о некоторых вещах не принято говорить с полной уверенностью. Командир нашей лодки, например, сроду не скажет: «Я приду туда-то в шестнадцать тридцать».

Б е р м а н. А как же?

П а н ы ч у к (*многозначительно*). Он скажет: «Я надеюсь прийти!»

Пауза.

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Слушай, товарищ Грушевский...

Г р у ш е в с к и й. Да.

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Сделай одолжение, подежурь за меня в отсеке.

Г р у ш е в с к и й. Ну вот! (*Берману.*) А ты говорил, что дежурить больше не придется.

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Всего несколько минут. Мне надо только наладить...

Г р у ш е в с к и й. Давай, но прошу — поскорей. (*Становится на место Пивоварова-первого.*)

П и в о в а р о в - п е р в ы й. Я моментом! (*Быстро уходит.*)

Матросы расходятся по отсеку. Джибели причесывается. Берман устраивается поудобней около своего шкафчика и, вынув оттуда тетрадку, начинает что-то писать. Панычук направляет бритву. Входит с таршина Григорьев. Он сразу же проходит к торпедным аппаратам.

Г р и г о р ь е в. Аппараты сухие?

П а н ы ч у к. Так точно!

Г р и г о р ь е в. Проверим! (*Проверяет аппараты. Видит Бермана.*) Как свободное время, так все пишет и пишет. Неужели у вас такая обширная родня, а?

Б е р м а н. Это так... личные записи...

Г р и г о р ь е в. Дневник ведете, что ли?

Б е р м а н. Нет, не дневник.

Г р и г о р ь е в. А что же тогда?

П а н ы ч у к. Очередное задание выполняет!

Г р и г о р ь е в. Пока общие фразы. Нельзя ли конкретней?

П а н ы ч у к. Можно, Фома Петрович. Мы же все учимся на заочных курсах...

Г р и г о р ь е в (*глядя под аппарат*). Это плохо!

Г р у ш е в с к и й. Что плохо: что учимся?

Г р и г о р ь е в. Нет, что грязь под аппаратом. Раньше чем готовиться к увольнению и наводить на себя красоту, надо ее навести в своем заведовании! А ну-ка, прекратить бритье!

П а н ы ч у к. Есть, Фома Петрович! (*Грушевскому.*) Пошли, Саша!

Панычук и Грушевский идут к торпедным аппаратам и принимаются за чистку.

Г р и г о р ь е в (*Берману и Джибели*). А что вы все учитесь, это хорошо! Желаю успеха!

Б е р м а н. Спасибо, Фома Петрович.

Г р и г о р ь е в. Читайте побольше, слушайте специалистов и тогда всего добьетесь. Но практику не забывайте. Без нее всем вашим знаниям — копейка цена!

Д ж и б е л и. Вот как раз я хотел сказать, дорогой Фома Петрович. В том учебном

практическом походе у меня опыта прибавилось больше, чем за два года занятий.

Г р и г о р ь е в. Это вы хватили, товарищ Джибели.

Д ж и б е л и. Честное слово, нет. Смотрите: ведь мы все делали так, как на войне. Разве это в книгах прочтешь? Хотя бы позавчера: ночь, тишина... вокруг тебя вода чернее крыла горного ворона. Лодка плывет, как человек, у которого остановилось сердце.

Г р и г о р ь е в (*хитро*). Значит, как покойник?

Д ж и б е л и. Нет. Тихо плывет. Только перископ — зоркий глаз — смотрит вперед... А впереди — враг. Опасность вокруг нас: она рядом, здесь. Но нам не страшно. Мы должны победить!

Г р и г о р ь е в. Меньше страсти, товарищ Джибели.

Д ж и б е л и. Есть меньше страсти, товарищ старшина. (*С возрастающим азартом.*) Наш «Дельфин» подкрадывается все ближе и ближе. Вот уже хорошо видим корабли противника. Короткий приказ... Торпеды несутся на врага, и каждая достигает цели! (*Пауза.*) В этом походе я научился воевать.

Г р и г о р ь е в. Приятно слышать! (*Поднимает крышку люка и спускается в трюм под палубу.*)

Пауза.

Г р у ш е в с к и й (*Панычуку*). Я ее увижу сегодня, Паша.

П а н ы ч у к (*продолжая работать*). Обязательно! И я по ней сильно соскучился.

Г р у ш е в с к и й. Много передумано за это время, Паша. Может, я был к Наде недостаточно внимательным?

П а н ы ч у к (*пожимая плечами*). Неблаговидных поступков я лично не замечал.

Г р у ш е в с к и й. Ведь в плаванье вот уже сколько...

П а н ы ч у к. Ну, за такое время, я думаю, ничего особенного случиться не могло. Все обойдется... Сегодня воскресенье, Надя свободна, встретит тебя. А чтобы больше не было думок, завтра же все приведете в законный порядок.

Г р у ш е в с к и й. Обязательно. Я вчера, Паша, видел какой-то необычайный сон.

П а н ы ч у к. Когда любишь девушку, так она и во снах с тобой.

Г р у ш е в с к и й. Нет, Наденька тут ни при чем. Думал я о ней, а сон был... исторический. Будто наша лодка — «Наутилус». Я — капитан Немо. Вы все — мои верные спутники, смелые борцы за свободу... Я стою, скрестив руки, и смотрю на тонущий военный фрегат. Сабля, пистолеты за поясом...

Все притихли, слушают.

Г р и г о р ь е в (*появляясь из люка*). Литература!

Грушевский оборачивается.

(*Садится на палубу.*) Литература, говорю, товарищ Грушевский. Я все-таки удивляюсь: человеку с десятилетним советским образованием, — подчеркиваю, советским, — торпедисту Грушевскому снятся почему-то какие-то очень... нереальные сны. Я, например, снов никогда не вижу: нервы мои в исключительном порядке, но если бы мне и причудилось какое приключение, то уж наверняка из нашего морского быта! (*Вылезает из люка и*

закрывает его.)

П а н ы ч у к *(улыбаясь)*. Так это же не кино, товарищ старшина. Что приснится, то и приснится!

Г р и г о р ь е в. А я знаю причину таких сновидений! Больно спокойно настроены, товарищ Грушевский! Я вам советую чувствовать себя всегда как перед боем, а не как после боя. Корея в огне? Во Вьетнаме, в Индонезии — война, в Испании — гад Франко. Дальше! Атлантический пакт! Американцы создают заново западногерманскую армию и «стращают» сверхатомными, водородными бомбами! Обстановка не очень-то спокойная. И не те сны вам снятся, товарищ Грушевский, явно не те! На кой черт вам этот Немо, — я ничего не говорю, он вполне приличный был мужчина, — когда мы имели таких героев, как товарищ Лунин, Фисанович, Стариков, Гаджиев или Колушкин, Иван Александрович? Их атаки, их прорывы в базы врага... Вот у кого нам учиться! С кем из них может сравниться ваш капитан Немо?

П а н ы ч у к. Да что вы, товарищ старшина, до этого бедного Жюль Верна причепылысь? Он сам по себе, а мы...

Г р и г о р ь е в. Вы подождите! Уж раз вас так тянет на события прошлого, то у меня и для вас тоже кое-что найдется. Вы с Украины?

П а н ы ч у к. Так точно, Киевской области.

Г р и г о р ь е в. Одну историю — не помню, где я ее прочел, — лично вам изложу. Ну конечно, вкратце, а то я плохой рассказчик. Значит, лет четыреста тому назад с тихого днепровского берега в далекий поход собрались запорожские казаки. Они проскочили Босфор, Дарданеллы и на легких своих чайках рванули в Средиземное! Огляделись — и пошли на Испанию... Штурмом взяли город Сарагосу, и среди неизвестных мне, мо, безусловно, субтропических растений три дня была там Запорожская республика. Вот это сон!

Г р у ш е в с к и й. Как вы назвали город, товарищ старшина?

Г р и г о р ь е в *(несколько смущенно)*. Возможно, что это была и не Сарагосса, а именовался он по-испански иначе, — я за это не ручаюсь, — но факт остается фактом. А как русский флот адмирала Ушакова взял неприступную крепость Корфу?

П а н ы ч у к *(показывая под аппараты)*. Готово, товарищ старшина!

Г р и г о р ь е в. Ну и как?

П а н ы ч у к. Как паркет!

Г р и г о р ь е в. Сейчас проверим! *(Лезет проверять.)*

Входит кок Курაკин. У него перевязан лоб.

К у р а к и н. Здорово, дельфины!

П а н ы ч у к. Здорово, профессор!

К у р а к и н. Что это вы притихли?

Пауза.

П а н ы ч у к *(вдруг)*. Неприятности! *(Махнул рукой.)*

К у р а к и н. Какие?

П а н ы ч у к. Белуга забила под правый винт.

Г р у ш е в с к и й *(сразу входя в роль)*. Слушай, Паша!.. А что, если мы ее протащим

через торпедный?..

К у р а к и н. Я что-то не пойму... Кто, вы сказали, под правым винтом?

П а н ы ч у к. Белуга! Пудов на двенадцать штучка! Вот почему лодка на одном винте вертится на месте. Здоровая рыба: одной икры там, наверно, больше тридцати кило. (Григорьеву.) Почему она туда залезла?

Григорьев пожимает плечами.

К у р а к и н (недоверчиво). А... как же ее достать?

Входит старший лейтенант Орлов. Все встают.

Г р и г о р ь е в. Смирно! Товарищ старший лейтенант! Отсеки прибраны, механизмы в порядке!

О р л о в. Вольно! Сидите, товарищи! (Куракину.) Почему голова забинтована?

К у р а к и н. Лоб расшиб, товарищ старший лейтенант. Клапана всюду понатыканы, никак я не уберегусь.

О р л о в. Техника, ничего не поделаешь!

К у р а к и н. Больно ее много. Как бы не подвела!

О р л о в. Не беспокойтесь. Кого это вы хотели достать?

К у р а к и н. А! Белугу!

О р л о в. Какую белугу?

К у р а к и н. Да ту, что забилась под правый винт.

О р л о в (удивленно). О чем вы толкуете?

Все молча улыбаются. Пауза.

К у р а к и н (глядя на товарищей). Так, так, понятно! (Качая головой.) Им только смех, товарищ старший лейтенант. Они все время меня разыгрывают.

О р л о в (улыбаясь). Что вы тут делаете?

К у р а к и н. Я, товарищ старший лейтенант, пришел в первый отсек за продуктами. Разрешите пройти в провизионку?

О р л о в. Идите!

Кок открывает люк и спускается под палубу.

(Смотрит ему вслед.) Вы его не терзайте, товарищи!

П а н ы ч у к. Да мы же без всякой обиды!

Голос Афанасьева через переговорную трубу: «В первом!»

О р л о в (в трубу). Есть в первом! Старший лейтенант Орлов.

Голос Афанасьева: «Вы сообщили на базу, что мы предполагаем подойти в двенадцать ноль-ноль?»

Так точно, сообщил, товарищ командир. (Пауза. Отходит от переговорной трубы, и

смотрит на часы.) Через тридцать минут, рассчитываю, будем дома. Осталось пройти мили четыре, а может, и меньше. Довольны?

Все улыбаются.

Что молчите?

Г р и г о р ь е в. Стесняются, товарищ старший лейтенант. Конечно, довольны. Ведь каждого кто-то ждет на берегу... Я по дочке ужасно соскучился...

О р л о в (задумчиво). Да, это понятно! Ну, готовьтесь к выходу, товарищи!

Орлов поворачивается, чтобы уйти, но не успевает сделать и шага, как раздается взрыв. Корпус лодки вздрагивает. Все падают. Моментально гаснет свет. Сквозь шум бьющегося стекла резко звучит аварийный сигнал. Орлов бросается к двери, ведущей во второй отсек, и задраивает ее. Глухой удар. Все снова покачнулось.

Г р и г о р ь е в. Лежим на грунте.

О р л о в (включает фонари отсечного аварийного освещения). Осмотреться в отсеке!

Панычук и Грушевский бросаются к торпедным аппаратам, Берман — к плафонам, Джибели — к телефону, Григорьев — к динамомашине.

Д ж и б е л и. Совершенно поломан отсечный телефон.

Г р и г о р ь е в. Помпа сорвана с фундамента, вышла из строя.

Г р у ш е в с к и й. Четвертый номер заполнился...

Б е р м а н. Разбиты плафоны!

К у р а к и н (из трюма). Вода!

Григорьев быстро спускается в трюм и кричит оттуда: «Просачивается через сальники переборок!» Голос Афанасьева: «В первом!»

О р л о в. Есть в первом!

Голос Афанасьева: «Доложить обстановку!»

У четвертого номера открылась передняя крышка. Аппарат заполнен водой! Разбит отсечный телефон. Помпа сорвана с фундамента и вышла из строя. Плафоны — вдребезги. Через сальники переборок трюма незначительно фильтрует вода.

Голос Афанасьева: «Ясно! Быстро навести порядок в отсеке!»

Есть! *(Команде.)* Привести отсек в порядок, исправить повреждения!

К у р а к и н (показываясь из люка). Что это вы, тонуть собираетесь?

Г р у ш е в с к и й. Помолчите, товарищ Куракин!

П а н ы ч у к. Вот и пришли в двенадцать ноль-ноль...

З а н а в е с.

Картина вторая

Берег. Голубая даль моря. Улица-аллея у домика начальника штаба отдельного дивизиона подводных лодок Михаила Ивановича Денисова. На крылечке, выходящем в сад, стоит Вероника Ильинична. Вдалеке в парке репетирует духовой оркестр.

Вероника Ильинична. Наденька, вы скоро?

Голос Нади из дома: «Иду!»

Входят Надя и Анна Степановна. Старушка держит в руках новое белое платье.

Ну как?

Надя. Я примеркой очень довольна.

Анна Степановна. Все будет как надо! Заходите, Вероника Ильинична.

Вероника Ильинична. Нет, нет, мне рассиживаться некогда... Сегодня наши из плавания приходят. Надо их встретить хорошо... Да и Наденьке...

Надя. Честное слово, мы не опоздаем...

Анна Степановна. Я при такой беготне туды-сюды работать не могу...

Вероника Ильинична. Вы поймите, Анна Степановна, у нас буфет не готов? Не готов! Я Наденьку своим заместителем назначила для чего? По часу платья мерить?

Надя. Ну уж и час...

Вероника Ильинична. Ведь хочется побаловать их чем-нибудь домашним, вкусным, своими руками сделанным! Верно?

Анна Степановна. Да кто спорит?..

Вероника Ильинична. Эх, помощница!

Надя. Ну зачем вы так говорите, Вероника Ильинична! Обидно даже! Буфет будет богатый... хороший концерт... Правда, Анна Степановна?

Анна Степановна. По-моему, хороший.

Вероника Ильинична *(с укором)*. Надя, Наденька! Уже разболтала?

Надя. Я только Анне Степановне...

Вероника Ильинична. А ведь программу мы держали в тайне... Хотели сюрпризом! Ох, прямо беда с вами! Я надеюсь, Анна Степановна, что дальше вас это не пойдет?

Анна Степановна. Будьте спокойны! Никому ни слова!

Надя. А вы успеете закончить платье?

Анна Степановна. А тебе уж не терпится! Ты меня не торопи! Такой красавицей, павой будешь на вечере, что у всех дух захватит!

Надя. Мечтала встретить его в этом платье. Мы так и условились: как только Саша вернется, сразу же и поженимся. Не дождусь я его. *(Смущается.)* Ведь у меня никого нет на свете, кроме Саши.

Анна Степановна. Доля уж наша такая. Жена моряка — значит, жди!

Вероника Ильинична. Мы всегда ждем. По традиции!

Анна Степановна *(усмехнувшись)*. М-да! Вот она идет, моя традиция!

Приближаются старики Филиппов и Дмитриев.

Дмитриеву трудно идти: он хромает и опирается на суковатую палку.

Филиппов. Да что ты мне, Костя, рассказываешь! Я же это своими глазами видел. Сегодня утром водолазы уходили! Театр, понимаешь? Будто не на работу, а на курорт собрались! *(Раздраженно.)* Все как один чистенькие, подстриженные, молоденькие...

Дмитриев. Ну и что? Наша смена! *(Вдруг.)* Тихо! *(Кивнув на женщин.)* Дамы! *(Прикладывает руку к козырьку.)*

Женщины молча отвечают ему кивком головы. Филиппов даже не смотрит в их сторону.

Филиппов. Что-то я утомился! Посидим?

Дмитриев. Пожалуй, пойдём, Ваня! До хаты ведь совсем близко.

Филиппов. Ну, ты иди. А я посижу. *(Вдруг.)* Боишься, что ли?

Дмитриев. А чего мне бояться?.. Я человек уважаемый, по линии, так сказать, культуры и поведения.

Филиппов. Улица, она общественная! А кому не нравится, пусть заборы повыше строит! *(Садится.)*

Дмитриев. Обязательно здесь. Можно было для отдыха и другое место выбрать.

Филиппов. А мне и тут хорошо.

Анна Степановна *(Наде)*. Иди-ка в дом... От греха подальше.

Надя. От какого греха, Анна Степановна?

Филиппов *(громко)*. От меня. Это я — брат родной — грех! Мешаю ей своим присутствием.

Входит Лена. Останавливается.

Лена. О чем шумите, Иван Степанович?

Филиппов. Никакого шума тут нет, женщина-врач.

Дмитриев. Пошли, Ваня. Нетактично, честное слово.

Филиппов *(Лене)*. Что? Думаете, я пьяный? Можете освидетельствовать! Дыхнуть?

Лена. Да нет, не надо! Но и шуметь не стоит.

Филиппов *(с угрозой в сторону дома)*. Ладно, сестричка! Ладно. *(Встает и уходит.)*

Дмитриев ковыляет за Филипповым. Пауза. Лена входит в сад.

Лена. Из-за чего началось?

Анна Степановна. Не знаю. Я его не трогала.

Надя. Мы тут сидим, разговариваем... *(Вдруг.)* Может, он такой от одиночества, Анна Степановна? *(С грустью.)* Это очень тяжело — одиночество! *(Спохватившись.)* Особенно на старости лет.

Лена. А что произошло сегодня?

Анна Степановна. Ничего. Все с тех пор... злится...

Надя. Я так и не знаю точно... *(Смущенно.)* Может, неудобно спрашивать?

Анна Степановна. Почему это неудобно? Он довел моего сына до того, что

Миша выгнал его со службы.

Вероника Ильинична. Ну-ну-ну...

Анна Степановна. Ничего не «ну-ну-ну». Племянник вынужден был уволить своего родного дядю за грубость и поганый характер.

Вероника Ильинична. Но ведь Михаил Иванович сам же ходатайствовал о его пенсии.

Анна Степановна. А это братцу Ивану как с гуся вода. Вы же видите — волком смотрит.

Вероника Ильинична. Чтобы в морской семье были такие отношения!

Анна Степановна. Неисправимый. *(Лене.)* Вы ко мне, Лена, что ли?

Лена. К вам, Анна Степановна.

Вероника Ильинична. Мы пойдем.

Лена. Но мне никто не мешает.

Вероника Ильинична. Нет, нет, у нас дел много. Вы заходите часика в три проверить нашу стряпню.

Анна Степановна. Ты, Надюшка, далеко не забегай. Примерю в последний раз.

Надя делает ей какие-то знаки.

Я помню. Никто на твою фигуру и внимания не обратит.

Все смеются.

Надя. Анна Степановна, ну как вам не стыдно!

Анна Степановна. А чего тут стесняться? Дите наше, военно-морское, и отец его нам хорошо известен.

Надя, смущенно махнув рукой, быстро уходит.

(Ей вслед.) И не гоняй. Уже не девочка. В твоём положении это не годится.

Вероника Ильинична *(улыбаясь)*. Надя, Наденька! *(Идет за Надей.)*

Пауза.

Анна Степановна. А все-таки, Леночка, вам гражданское больше идет. Шелк-то какой тяжелый! Но не слишком ли коротко, мать моя?

Лена. Нет, ничего, точно по журналу.

Анна Степановна. А ну-ка повернитесь.

Лена поворачивается.

Хороша, очень хороша! В мое время за такой барышней целый хвост ходил бы уже.

Лена. Ну, это многовато, а... *(Вдруг.)* Где Михаил Иванович?

Анна Степановна. Звонил с берега, что идет домой. Хорошо, что не встретился с дядей. Тут однажды уже было представление.

Быстро входит Зина Григорьевна.

Зина (*скороговоркой, запыхавшись*). Второй час ищу вас, Елена Львовна! Здравствуйте, Анна Степановна! С лампочками для вечера ничего не получается.

Лена. То есть как не получается?

Зина. Отец не дает!

Лена. Но мы же с ним договорились.

Зина. А когда дело дошло до получения, он мне отказал! Очень вас прошу: пройдем сейчас к нам, пока он дома. И кстати Светланочку посмотрите: ей опять нездоровится...

Лена (*укоризненно*). Обкормили!

Зина. Что вы! У меня режим! Муж вот-вот с похода вернется... Хочется, чтобы она встретила его здоровенькой. Один ваш взгляд ей так помогает.

Лена. Зиночка считает меня волшебницей. Что с вами делать?

Зина. Я ведь на минуточку. Уверяю вас, на одну только минуточку. У меня и у самой-то нет больше времени.

Анна Степановна. Тебе же на работу сегодня не надо. Чем же это ты так в воскресенье занята?

Зина. Как чем? Концерт — раз! Ответственность — два! Наши возвращаются — три! Свадьба — четыре!

Анна Степановна. Постой, постой. Чья свадьба?

Зина. Как чья? Саша Грушевский и Покровская Наденька! Для них в загсе все готово! Ну, потом на вечере все и поздравят молодых. А уж после отправимся на их новую квартиру — к Наде... Я уже забегала, горшочки с цветами — исключительная красота!

Лена. Вы говорите об этом с таким увлечением, что, того и гляди, вас послушав, еще кто-нибудь последует их примеру.

Зина. А что ж! И прекрасно! Я очень люблю, когда люди женятся! Моя бы воля, я бы всех записала! Пойдемте, Елена Львовна!

Лена (*Анне Степановне*). Передайте, пожалуйста, Михаилу Ивановичу, что я скоро приду!

Лена и Зина уходят.

Анна Степановна. Как выходной день, так все летают, порхают, мельтешат перед глазами. Суэта, прости господи! (*Входит в дом.*)

Пауза.

Справа к калитке идет Михаил Денисов; он проходит в сад, снимает фуражку, кладет ее на скамью. Голос Анны Степановны: «Пришел?»

Михаил. Пришел!

Анна Степановна (*появляясь*). Все наши вернулись?

Михаил. Нет еще. (*Смотрит на часы.*) Уже тринадцать двадцать... (*Качает головой.*) Море как разгулялось!.. (*Пауза.*) А как у вас прошла утренняя вахта?

Анна Степановна. Без особых происшествий. Братец мой приходил...

Михаил. Ну?

Анна Степановна (*спокойно*). Прошел — и все. (*Пауза.*) Леночка тут была. Она

еще зайдет. *(Спускается в сад, садится на скамейку и продолжает шить платье.)* Нравится тебе подвенечное?

М и х а и л. А кого жените?

А н н а С т е п а н о в н а. Надю Покровскую. Сегодня Саша Грушевский возвращается! *(Пауза.)* Вечером концерт будет хороший!

М и х а и л. Кто выступает?

А н н а С т е п а н о в н а. В свое время узнаешь.

М и х а и л. Вероника Ильинична удивительно изобретательный человек. Она просто находка для нашего драмкружка... Вы знаете, мама, у нас вечера не хуже профессиональных, честное слово...

А н н а С т е п а н о в н а. С этим не спорю... Но только должна отметить, что если капитан-лейтенант Белогубов на скрипке играет, то ему его жена на рояле аккомпанирует; супруги Нестеровы, например, пьесу вдвоем представляют; мичман Зарядьев с женой украинский танец пляшут, а ты, сын мой, всегда один... вступительное слово или лекция! В общем — бобыль!

Михаил усмехается.

А ну-ка, Миша, сядь рядом!

Михаил садится.

Давно мы с тобой не беседовали.

М и х а и л *(улыбаясь)*. О чем?

А н н а С т е п а н о в н а. Да так, о жизни.

М и х а и л. А чего нам о ней говорить? Существоем тихо, мирно. Наша жизнь — как на ладони.

А н н а С т е п а н о в н а. Вот и я так думала. А выходит по-другому. Есть нам о чем потолковать... *(Пауза.)* Тебе уже двадцать восемь... Воевал ты хорошо. Сейчас делом большим управляешь.

М и х а и л. К чему вы это?

А н н а С т е п а н о в н а. Не пора ли, Мишенька, своей семьей обзавестись?

М и х а и л. А вы думаете, что пора?

А н н а С т е п а н о в н а. Пора.

М и х а и л. Ну что же! Я не против.

А н н а С т е п а н о в н а. Сама постараюсь найти тебе...

М и х а и л. Поздно, мама. Я уже нашел.

А н н а С т е п а н о в н а *(не ожидала такого ответа. Подняв голову)*. Кто такая?

М и х а и л. Этого я вам пока не скажу. Любовь — тайна.

А н н а С т е п а н о в н а. Вот как? Значит, ты ее уже сильно любишь, Миша?

М и х а и л. Да, очень люблю. Это я понял недавно. Меня потянуло к... к этой девушке с первого дня знакомства.

А н н а С т е п а н о в н а. Смотри, сынок, тебе видней.

М и х а и л. Я никогда не говорил ей о своем чувстве. Не решался. Она, вероятно, и не подозревает ничего. А сегодня я ей все скажу.

Пауза.

А н н а С т е п а н о в н а (*вздыхнув, целует сына*). Говори! (*Встает.*) И дай бог тебе с ней такую жизнь, какую я прожила с твоим отцом. (*Погладила голову сына, ушла в дом.*)

М и х а и л (*срывает ромашку, обрывает лепестки, шепчет, усмехается*). Любит... не любит... (*Остается последний лепесток. Улыбается.*) Любит!

Входит Л е н а.

Здравствуйте, Елена Львовна!

Л е н а. Здравствуйте, Михаил Иванович! Ну и тип же наш Акулов, я вам доложу.

М и х а и л. А что такое?

Л е н а. Просто скупой рыцарь!

М и х а и л. Есть за ним такой грех!

Они садятся рядом. Это видит из окна Анна Степановна и улыбается.

Л е н а. Пришлось устроить ему очередное внушение... Лампочки не давал...

М и х а и л. Но вы все-таки своего добились?

Л е н а. Конечно, хотя с большим трудом! Я к вам вот по какому вопросу: прибыли фрукты — яблоки и мандарины. Надеюсь, что мое хозяйство будет обеспечено в первую очередь?

М и х а и л. Будьте спокойны, Елена Львовна! Ваши больные останутся довольны. После трепки, что вы задали товарищу Акулову, он теперь сам об этом позаботится.

Л е н а. И все-таки я прошу вас дать соответствующее распоряжение.

М и х а и л. Будет сделано, товарищ капитан! Деловая часть закончена?

Л е н а. Да, у меня все.

М и х а и л. Тогда разрешите вам сказать, что... вы сегодня какая-то... необыкновенная.

Л е н а. Да как всегда, ничего особенного!

М и х а и л. Нет, нет, честное слово! Я сейчас, кажется, начну вам в любви объясняться!

Л е н а. Вечно вы шутите, Михаил Иванович.

М и х а и л (*тихо*). А что, если не шучу... Что, если...

Л е н а. Тогда подождите, Михаил Иванович. (*Пауза.*) За то время, что лодки были в походе, я смогла проверить свои чувства, внимательно выслушать голос своего сердца... Поэтому готова теперь сделать вам одно признание...

М и х а и л. Слушаю вас внимательно.

Л е н а. Я, Михаил Иванович, поняла, что... люблю.

М и х а и л. Кого... же вы любите... Елена Львовна?

Л е н а. Я думала, что вы знаете, что вы догадываетесь... (*Поднимает глаза на Михаила.*) Я люблю... Гришу Орлова.

Пауза.

М и х а и л (*глухо*). Почему же... вы решили сказать об этом мне, именно мне?

Л е н а. Потому что он приходит сегодня, потому что вы самый близкий друг Гриши... И

потом — только вы не сердитесь, пожалуйста, — я чувствую, что вам я не безразлична... Может, это нескромно так думать... Но вы понимаете... А если мне только показалось...

М и х а и л. Показалось, Елена Львовна...

Л е н а. Тогда я счастлива вдвойне. И прошу простить мою... самоуверенность!

М и х а и л. Я рад... за Гришу, за вас...

А н н а С т е п а н о в н а выходит на веранду.

А н н а С т е п а н о в н а. Леночка! Поднимайтесь ко мне, надо посоветоваться.

Л е н а (*Михаилу*). Извините! (*Поднимается на веранду.*)

Пауза.

М и х а и л (*невольно вырывается*). Мама! Что же это такое?

А н н а С т е п а н о в н а. Ты меня, Миша?

М и х а и л. Нет!

А н н а С т е п а н о в н а (*Лене*). Ну-ка, прикиньте на себя.

Лена примеряет платье.

Может, и вам сшить такое? А?

Л е н а (*обнимает ее*). Скоро, скоро, Анна Степановна, упаду на колени, просить буду.

Звонок телефона.

(*Снимает трубку.*) Да! Хорошо! (*Михаилу.*) Вас срочно вызывают в штаб, Михаил Иванович!

М и х а и л. Спасибо. (*Быстро уходит.*)

Пауза.

Л е н а. У лейтенанта Егорова был несколько встревоженный голос...

А н н а С т е п а н о в н а (*улыбаясь*). А что может случиться в такой день, Леночка?

Л е н а (*улыбаясь, счастливая*). Вы правы, Анна Степановна! Сегодня у меня действительно чудесный день! (*Уходит.*)

А н н а С т е п а н о в н а. А Миша говорит: «Любовь — тайна». Эх, молодежь! Разве от матери что скроешь?

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Лодка. Тишина. Панычук и Грушевский пытаются привести в порядок торпедный аппарат № 4 — выкачать из него воду. Берман чинит электроцит. Джибели возится с помпой. Орлов слушает стук из второго отсека. Из люка вылезает Григорьев.

Григорьев (*Куракину, сидящему рядом с люком*). Клинья! Дюймовые!

Куракин (*передает ему клинья*). Держите, товарищ старшина!

Григорьев (*с раздражением бросает поданные ему Куракиным клинья*). Дюймовые, я сказал!

Куракин идет обратно и подает нужные клинья. Григорьев исчезает в люке. Стук из второго отсека прекращается.

Куракин (*Орлову*). Ну что, товарищ старший лейтенант?

Орлов. Живы, здоровы и работают!

Куракин. Все трое?

Орлов. Да, Пивоваров, Семенов и Антонов.

Голос Афанасьева: «В первом...»

Есть в первом!

Голос Афанасьева: «Отдайте аварийный буй!»

Есть! (*К Джибели.*) Отдайте аварийный буй!

Джибели. Есть отдать аварийный буй. (*Подходит к ручке аварийного буя и вращает ее.*)

Пауза.

Орлов (*смотрит на часы*). Сейчас тринадцать десять. Мы здесь уже около часа... Аварийный буй будет сразу замечен с поста СНИС...

Куракин (*тихо, Берману*). С чего?

Берман (*тихо, Куракину*). С поста СНИС — службы наблюдения и связи.

Орлов. Начальнику штаба сообщат немедленно. Ходу сюда около двадцати минут. Прибавлю еще четверть часа на подготовку к выходу, — в общем, надо рассчитывать, что в тринадцать пятьдесят, то есть максимум через сорок минут, мы услышим голос капитан-лейтенанта Денисова. Товарищ Панычук, станьте у телефона и будьте особенно внимательны.

Панычук (*подходя к телефону*). Есть быть внимательным, товарищ старший лейтенант!

Г р и г о р ь е в (*высовывается из люка. Куракину*). Дай ключ!

Вдруг справа раздается глухой звук.

О р л о в. Заработала помпа!

Г р и г о р ь е в. И вторая...

К у р а к и н (*проходя с ключом, Берману*). Откачивают?

Б е р м а н. Да.

К у р а к и н. А почему не попробуете сначала моторами?

Г р и г о р ь е в (*беря ключ у Куракина*). Во-первых, винты могут сломаться о грунт. Если песчаный — еще ничего... (*Скрывается в люке трюма*.)

О р л о в. А потом лодка прижата ко дну затопленным отсеком. Она сейчас слишком тяжела... Такая попытка была бы бесцельной. (*Поза кока настолько комична, что Орлов улыбается*.) Вы не согласны со мной, товарищ Куракин?

К у р а к и н (*растерянно*). Ведь я, товарищ старший лейтенант, собственно говоря, не подводник в узком смысле этого слова. Имел возможность плавать на линкоре и крейсерах, а для начала службы сюда попросился — ради интереса, из любопытства. А зачем мне это понадобилось, черт его знает! (*Пожимает плечами*.) Весь мой продукт здесь, а там команда обеда дожидается. В камбузе на плите мясо горит...

О р л о в. Очень печально, товарищ Куракин, что у вас горит мясо, но к нашему делу это прямого отношения не имеет.

Помпы перестают работать. Все переглядываются. Из люка высовывается Григорьев.

К у р а к и н (*Григорьеву*). Почему они остановились?

Г р и г о р ь е в. Значит, пробойна слишком велика... Помпы не справляются с поступлением воды. Они, понимаешь, работают, а вода там, в отсеке, не убывает. Вот!

К у р а к и н. А если... если весь балласт воздухом продуть?

Г р и г о р ь е в. Это зачем же?

Куракин пожимает плечами.

Лодка все равно не поднимется, а только станет на попа. Получится довольно глупый цирковой номер. И вообще, товарищ Куракин, зря вы здесь оказались. Если бы там, хоть помогли чем-нибудь, а тут без дела торчите...

О р л о в. Ну, в этом он не виноват.

Г р и г о р ь е в. Это, конечно, верно! (*Снова уходит вниз*.)

К у р а к и н. Разрешите вопрос, товарищ старший лейтенант?

О р л о в. Ну?

К у р а к и н. Сколько времени мы можем находиться в таком положении?

О р л о в. Пока не всплывем!

Куракин молча ждет дальнейших объяснений Орлова.

Вижу, что вас не удовлетворяет мой ответ. Ничего другого сказать не могу. Если не

поднимемся своими силами, дождемся помощи. Наверху подойдет катер, и мы услышим звонок телефона.

Куракин беспомощно смотрит на своих товарищей. Грушевский с досадой махнул на него рукой.

К у р а к и н (*Грушевскому, шепчет*). Ты не серчай на меня, товарищ Грушевский, ведь я в первый раз в таком переплете...

Г р у ш е в с к и й (*тихо*). При чем тут в первый или в последний? Приказано ждать... Понимаешь... приказано — и все!

К у р а к и н (*упавшим голосом*). Понимаю.

Пауза.

Г р и г о р ь е в (*Куракину, высунув голову из люка*). Легче, когда точно представляешь себе обстановку. Вы поймите, товарищ Куракин: произошел взрыв, от него нарушилась герметичность второго, соседнего с нами отсека, и он заполнился водой.

К у р а к и н. А как же там трое парней живыми остались?

Г р и г о р ь е в. Воздушная подушка: воздух не дает воде дойти до потолка. Вот они там и сидят наверху, как птички... Ребята здоровые, выдержат!.. Потом у каждого из них имеется маска. Иди-ка сюда!

Куракин спускается в люк к Григорьеву.

П а н ы ч у к. Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант?

О р л о в (*глядя на часы*). Да, да...

П а н ы ч у к (*медленно*). Я полагаю, что мы не услышим звонка телефона.

О р л о в (*встает*). Почему?

П а н ы ч у к. Только сейчас заметил: у него не хватает частей, и он работать не сможет.

О р л о в (*подходит к Панычуку и вместе с ним осматривает аппарат, затем оборачивается*). Вы знали о порче аппарата, товарищ Джибели?

Д ж и б е л и. Нет, товарищ старший лейтенант! Когда я уходил на вахту, телефон был в полной исправности.

Г р у ш е в с к и й. Кто же его испортил?

О р л о в (*резко*). Так вопрос не ставится, товарищ Грушевский.

Г р у ш е в с к и й. Виноват!

О р л о в. Дежурный электрик, очевидно, унес недостающие части либо для замены, либо для чистки. Наш буй плавает на поверхности; будет работать телефон или не будет — водолаз все равно спустится к лодке в течение двух-трех часов! (*Подходит к переговорной трубе.*) Центральный!

Голос Афанасьева: «Есть в центральном!»

Телефон аварийного бую не работает: части разобраны!

Голос Афанасьева: «Ай-ай-ай! Ведь это же я приказал Пивоварову... Вот не везет! Вы

знаете, что бывает, когда не везет?»

М-да, примерно! *(Пауза. Панычуку, протягивая ему трубку разбитого отсечного телефона.)* А ну-ка посмотрите, может, отсюда какие части подойдут?

Панычук берет трубку, садится у телефона аварийного буя и принимается за работу. Пауза.

Д ж и б е л и *(тихо, работающему рядом с ним Берману)*. Я, конечно, извиняюсь, товарищ Иосиф! Но меня одна вещь удивляет.

Б е р м а н. Что вас удивляет, товарищ Вахтанг?

Д ж и б е л и. Сейчас скажу. Сердце человека, оно живет, — как бы вам объяснить? — своей самостоятельной жизнью... Вот любишь девушку, например... Почему любишь, за что любишь — неизвестно. Спросишь у сердца, а оно одним словом отвечает: «Люблю». И все! Голова, разум, как мудрый судья, тогда объясняет сердцу: «Слушай, дорогой товарищ сердце, неважная твоя барышня. Посмотри хорошо». А упрямое сердце опять свое: «Правильно говоришь, товарищ голова. Правильно. А я все-таки ее люблю!»

Б е р м а н. А к чему вы произвели такой анатомический анализ, товарищ Вахтанг? Когда вы начинаете говорить так, я никогда не знаю, куда вы гнете.

Д ж и б е л и. Все скажу, дорогой! Вот голова мне говорит: «Ты, Вахтанг Джибели, — военный моряк! Тебе доверили большое дело! На тебя надеется весь комсомол!» И я согласен с головой: правильная голова! А сердце? Сейчас сердце говорит: «Лежишь ты, Вахтанг, на дне тихого моря... Подумай минуту о доме, о стариках, о девушке с голубыми глазами, которая провожала тебя».

Б е р м а н. И ваша девушка, конечно, без всяких дефектов?

Д ж и б е л и. Первая девушка, товарищ Иосиф. Конечно, немножко бьется у меня сердце, хотя голова ему этого не позволяет. Ну, скажите честно: разве вы, так сказать, не волнуетесь?

Б е р м а н. Конечно, волнуюсь. Только я это делаю по-своему — молча! У меня это мало заметно! Бабушка у нас была очень нервная, больная. И мы с Костькой — это мой младший брат — старались ее не тревожить. В доме всегда говорили шепотом... Все держали в себе... Конечно, я немножко волнуюсь, но... как и все, работаю и вопросов товарищу старшему лейтенанту не задаю.

Г р и г о р ь е в *(вылезая из люка)*. Балластную магистраль разорвало в трех местах... Помпа никак не сможет работать.

О р л о в. Плохо!

К у р а к и н показывается из люка.

Г р у ш е в с к и й. И крышку никак не закрыть, товарищ старший лейтенант!

О р л о в. А ну-ка попробуем с вами, Фома Петрович!

Он с Григорьевым пытаются повернуть маховик, но это им не удается.

(Подходя к переговорной трубе.) В центральном!

Голос Афанасьева: «Есть в центральном!»

Балластную магистраль восстановить не имеем никакой возможности! Четвертый аппарат заполнен: заклинилась наружная крышка.

Голос Афанасьева: «Ну вот, еще одна радость!»

Пауза.

Куракин опускает голову. Орлов идет мыть руки, через плечо видит Куракина.

Орлов (*вытирает руки, смотрит на часы и как ни в чем не бывало говорит*). Чем собираетесь нас кормить, товарищ Куракин? Уже время обеда!

Все удивленно поднимают головы.

Куракин. Я не прикидывал, товарищ старший лейтенант, потому что не знаю, будет ли... обед. Ведь еще что-нибудь может случиться...

Орлов. А я вам предлагаю продумать меню.

Куракин. Есть продумать меню!

Орлов. Что там у вас имеется?

Куракин. Придется ограничиться одними консервами, так сказать, холодной закуской. В общем, кое-что найдется. Если разрешите, я сам соображу.

Орлов. У кого есть чистая тетрадка?

Берман. Пожалуйста. (*Протягивает тетрадку.*)

Орлов берет складной стул, садится к столу и начинает что-то писать.

Грушевский (*сидящему рядом Панычуку*). Слушай, Паша! А может, неожиданно... началась?

Панычук (*флегматично*). Что?

Грушевский. Какая-нибудь провокация! Ведь лезут же эти паразиты!

Панычук (*с невозмутимым спокойствием*). А кто его знает! Время серьезное! (*Подумав.*) Нет, не посмеют.

Грушевский. Ведь наглецы! Что в Корее творят! Ужас! Даже на китайские города налетают...

Панычук. Потому что цепляются за каждый клочок азиатской земли... Ох, не хочется им из этих богатых стран уходить... Конечно, Трумэн и компания на всякую авантюру способны...

Грушевский. Неужели их война ничему не научила?

Панычук. Не научила — так научим! Повторение — мать учения!

Орлов (*не отрываясь от записей и не поворачивая головы*). О чем разговор, товарищ Панычук?

Панычук. Да все о том же, товарищ старший лейтенант. Так сказать, о бытие!

Орлов кивает головой и продолжает писать. Тишина.

Орлов (*кладет карандаш, встает*). Ну, как самочувствие? (*Пауза.*) Я спрашиваю: как

самочувствие?

Г р и г о р ь е в. Вы к кому обращаетесь, товарищ старший лейтенант?

О р л о в (*молча смотрит на старшину и подходит к Берману*). Как вы, товарищ Берман?

Б е р м а н. Почти нормально, товарищ старший лейтенант.

О р л о в (*двигаясь дальше*). Джибели?

Д ж и б е л и. Я ни на что не жалуюсь.

О р л о в. Добро! (*Подходит к Грушевскому.*) А вы?

Г р у ш е в с к и й. Можете на меня рассчитывать, товарищ старший лейтенант!

О р л о в. Как себя чувствуете, торпедист Панычук?

П а н ы ч у к. Я, товарищ старший лейтенант, пока еще ничего такого особого не чувствую. Несу службу — и все!

О р л о в. Хорошо! Я хочу напомнить вам: мы — советские военные моряки, носители лучших традиций русского флота! Сохранить себя и наш корабль для Родины, верить в свои силы и до последней минуты поддерживать друг друга, поддерживать любой ценой, — вот наша святая обязанность.

Д ж и б е л и. Иначе и быть не может, товарищ старший лейтенант!

О р л о в. Отлично. Это, собственно говоря, все, что я хотел вам сказать.

В люке появляется Куракин.

К у р а к и н. Обед готов к раздаче, товарищ старший лейтенант. Разрешите начинать?

О р л о в. Начинайте.

Г р и г о р ь е в (*подает команду*). Приготовиться к обеду!

Все встают.

К у р а к и н (*передавая Орлову две тарелки*). Филе из осетрины, соус бордолэз. Беф-бульи с маседуаном из овощей.

О р л о в (*улыбается*). Никогда не знал, товарищ Куракин, что мясо с горохом можно назвать столь непонятно!

К у р а к и н. А так полагается. Я учился при кухне ресторана «Аврора». Ах, какие там были повара! Мы...

О р л о в. Продолжайте раздачу, товарищ Куракин.

К у р а к и н. Есть, товарищ старший лейтенант!

Кок выдает каждому порцию. Все расходятся по углам. Куракин с тревогой следит за тем, как команда будет принимать пищу. Но обед ни у кого не имеет успеха. Орлов видит это: он сам ест через силу.

(*Обижается.*) Обратите внимание, товарищ старший лейтенант: плохо едят.

О р л о в. Не понимаю, почему. Прекрасная пища. Рекомендую! Да и силы нам еще понадобятся... в любом случае.

Г р у ш е в с к и й. В глотку не лезет. Состояние какое-то напряженное, товарищ старший лейтенант. И хоть кричи «караул», а никто из нас ничем не может сейчас помочь нашим товарищам. Вот что меня злит больше всего...

О р л о в. Да, положение обидное. Но все-таки есть рекомендую побольше, товарищ Грушевский. Смотрите на мою тарелку — блестит, бриться перед ней можно. Как там с добавкой, товарищ Куракин?

Кок накладывает новую порцию в тарелку Орлова. Орлов ест «с аппетитом». Вся команда постепенно следует его примеру. Пауза. В соседнем отсеке, справа, будто начиная кипеть, бурлит вода.

Голос Афанасьева: «В первом!»

О р л о в. Есть в первом.

Голос Афанасьева: «Как чувствуете себя?»

Нормально. Сейчас пообедали.

Голос Афанасьева: «Завидую. Нам не до еды, да и продуктов не густо!»

А как обстановка в затопленном отсеке, товарищ командир?

Голос Афанасьева: «Я прекратил подачу воздуха: пробоина слишком высока. Будем пробовать помпами и воздухом вместе».

Пауза.

К у р а к и н (*Григорьеву*). А все-таки, отчего произошел взрыв? Может, нас ударили торпедой?

Г р и г о р ь е в. Кто? Детские вопросы какие-то...

О р л о в. Нет, это не детские вопросы, Фома Петрович! (*Куракину*.) Торпеда отпадает, товарищ Куракин. От прямого удара торпеды нас бы могло разорвать пополам! (*Григорьеву*.) Мы подорвались на mine. Это ясно! Но откуда здесь, на протраленном фарватере, оказалась мина?

Г р и г о р ь е в. Может, плавучая? Разве их выловишь? В прошлую войну японцы немало мин поставили, да наши дорогие союзнички еще добавили, чтобы нам было труднее.

О р л о в. Не то. Японские минные поля находятся значительно южнее. В общем загадочная история!

К у р а к и н (*поднимает голову, старшине*). Вы... ничего не чувствуете?

Г р и г о р ь е в. А что?

К у р а к и н. Какой-то... странный запах...

Все молчат.

Острый запах... Неужели не чувствуете?

Г р и г о р ь е в (*тихо*). Чувствую. Это — хлор.

К у р а к и н. Вредный газ?

Г р и г о р ь е в. Пользы от него, конечно, не много.

К у р а к и н. А откуда он взялся?

Г р и г о р ь е в. Раз второй отсек затоплен, значит, вода попала в его аккумуляторы. От

этого хлор сразу начинает выделяться... и распространяться по всей лодке... Он проходит через сальники в переборках.

К у р а к и н. Что же делать?

О р л о в (*отвечает за Григорьева*). Выполнять свой долг, долг советских моряков! Понятно?

К у р а к и н. Понятно, товарищ старший лейтенант!

Пауза. Тишина.

З а н а в е с.

Картина четвертая

Улица перед штабом дивизиона. Виден кабинет начальника штаба Михаила Денисова. У двери штаба П и в о в а р о в - в т о р о й, матрос на часах. У телефонного аппарата дежурный по базе л е й т е н а н т Е г о р о в. В кабинете о ф и ц е р ы базы, Л е н а.

Е г о р о в (*передает телефонную трубку Михаилу*). У аппарата командующий.

М и х а и л (*быстро берет телефонную трубку*). Капитан-лейтенант Денисов слушает, товарищ вице-адмирал! Место расположения «Дельфина» известно совершенно точно. Глубина района — тридцать метров. Аварийный буй держится на тросе и от лодки не оторвался. Однако я приказал еще сбросить и свой буюк... Пытались, товарищ вице-адмирал! Лодка на мои неоднократные телефонные вызовы не отвечала... Все необходимые меры принимаются... (*Пауза.*) Командир дивизиона капитан второго ранга Ильин уведомлен и срочно возвращается на базу. (*Пауза. Кивает головой.*) Есть! Ваши распоряжения будут выполнены. До свидания, товарищ вице-адмирал. (*Кладет трубку на место.*) Начнем с вас, Андрей Капитонович.

Первый офицер делает шаг вперед.

Вам, как дивизионному механику, поручается срочно подготовить все имеющиеся в вашем распоряжении аварийно-спасательные средства. Одновременно договоритесь с главной базой о немедленной переброске подъемного крана... И пусть его поведут скоростные буксиры. Выполняйте!

П е р в ы й о ф и ц е р. Есть! (*Быстро уходит.*)

М и х а и л. Как с водолазами, лейтенант Боровой?

В т о р о й о ф и ц е р. Водолазы ушли на обеспечение двух наших лодок, находящихся на учении в другом квадрате. Я вызвал их, они идут сюда полным ходом.

Л е н а. И когда смогут быть здесь?

В т о р о й о ф и ц е р. Полагаю, что в шестнадцать сорок.

М и х а и л. Прошу вас быть у пирса. Как только водолазы подойдут, отправляйтесь прямо к месту.

В т о р о й о ф и ц е р. Есть! (*Уходит.*)

Л е н а. Значит, только через два часа.

М и х а и л (*Егорову*). Акулова ко мне!

Е г о р о в. Есть! (*Уходит.*)

Пауза.

Л е н а. Зачем вам Акулов, Михаил Иванович?

М и х а и л. Хочу попытаться до подхода водолазов подать лодке воздух... У вас все готово по медицинской линии... на всякий случай?

Л е н а (*тихо*). Все.

М и х а и л. Хорошо.

Л е н а. Вы думаете, что... понадобится моя помощь? (*Вдруг взглядывает на Михаила с нескрываемым ужасом.*) А быть может, там уже не...

М и х а и л. Трудно точно определить обстановку. Я твердо уверен...

Л е н а (*перебивая его*). Что экипаж невредим, да?

М и х а и л. И не только потому, что я страстно хочу этого.

Л е н а. А почему?

М и х а и л. Потому, что я знаю Ивана Ильича Афанасьева, Гришу Орлова и других офицеров, знаю мичмана Григорьева, верю, что сила воли и железная дисциплина молодой команды победят все трудности...

Л е н а. Но самое трудное в их положении — это ждать, Михаил Иванович! Ведь без нашей помощи они...

М и х а и л. Они получают ее! Вас прошу держаться так, чтобы ни по жесту вашему, ни по взгляду никто ничего бы не узнал.

Л е н а. Есть! (*Уходит.*)

Пауза. В кабинет входят Акулов и Егоров.

А к у л о в. Мичман Акулов — по вашему приказанию!

М и х а и л. Садитесь, товарищ Акулов.

Акулов садится.

Разговор абсолютно секретный.

А к у л о в. Понятно, товарищ капитан-лейтенант!

М и х а и л. Вы бывший водолаз?

А к у л о в (*кивая головой*). Так точно!

М и х а и л. «Дельфин»... потерпел аварию. Водолазы будут только через два часа. Надо лодке подать воздух...

А к у л о в. Где она лежит?

М и х а и л (*показывая на карте*). Вот здесь.

А к у л о в. Ага! Кошкина Лапа! Знакомое местечко! (*Пауза.*) Ваше приказание выполню.

М и х а и л (*радостно*). Полагаете, что доберетесь?

А к у л о в. Не очень уверен. Тридцать метров — это четырнадцать сажень. Староват! Десять лет как не спускался.

М и х а и л (*мрачно*). Почему вы все-таки решили...

А к у л о в. А чудеса бывают, товарищ...

М и х а и л. Нет, мичман, на чудеса я рассчитывать не имею права... Вы всех знаете на базе, товарищ Акулов? Есть ли здесь человек, который наверняка дойдет до такой глубины?

А к у л о в. Двое имеются, товарищ капитан-лейтенант!

М и х а и л. Немедленно их ко мне! Да, подождите! Это все надо сделать спокойно, дипломатично.

А к у л о в. Слушаюсь!

М и х а и л. На базе все идет по-прежнему, все в полном порядке, понимаете?

А к у л о в. Есть! (*Уходит.*)

Пауза.

На улице появляются Зина и Надя.

Пивоваров-второй козыряет.

Н а д я (*проходя*). Никогда не знаю, товарищ Пивоваров: это вы или ваш брат.

П и в о в а р о в - в т о р о й (*улыбается*). Это — мой брат. Нас и мать путала. А уж вам не удивительно. Мы же с ним на одно лицо — близнецы!

Н а д я. Вернулся братишка? Ведь он у вас на «Дельфине»?

П и в о в а р о в - в т о р о й. Нет еще, ожидаем.

З и н а. Вероника Ильинична сюда не приходила?

П и в о в а р о в - в т о р о й. Нет, она не попадала в мое поле зрения.

Н а д я. Странно! Мы сговорились...

З и н а. Да вот они...

Подходят Анна Степановна и Вероника Ильинична.

А н н а С т е п а н о в н а. Нет, нет и нет! Даже и слушать не хочу. Глупые выдумки!

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Только тише, прошу вас.

З и н а. А почему «выдумки»? Я считаю нормальным, если мы...

А н н а С т е п а н о в н а. Нечего беспокоить начальника штаба по таким вопросам!

Н а д я. Ты, Зинуша, спросила бы сначала у отца! Он должен точно знать... Все-таки товарищ Акулов — завхоз базы...

З и н а. Да, так вот он вам все и расскажет, завхоз базы, товарищ Акулов, мой дорогой отец! Он же из всего секреты делает... Нет, надо идти к начальнику штаба!

А н н а С т е п а н о в н а. Я не пойду. Миша — мой сын...

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. А ведь Анне Степановне действительно неудобно.

Н а д я. Ну, нам-то он простит... Мы пойдем без нее...

З и н а. И не будем терять ни минуты...

А н н а С т е п а н о в н а. Раз вы твердо решили, так я уж вас хоть научу, как с ним надо разговаривать!

П и в о в а р о в - в т о р о й. Гражданки матери и жены! Давайте все-таки здесь не сосредоточивать свои силы! Даже неудобно, честное слово!

З и н а. Сейчас, подождите.

П и в о в а р о в - в т о р о й. Мне ждать нечего. Я попрошу не возражать. Вы же все-таки около штаба. Это учреждение официальное, и вам тут находиться не очень-то полагается.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Правильно, товарищ Пивоваров. Попросите дежурного

офицера.

Пивоваров-второй звонит. В кабинет входит Л е н а.

Егоров идет на улицу.

Л е н а (входя). Как ужасно тянется время...

М и х а и л. Мы готовимся. Понимаете, Елена Львовна, готовимся!

Л е н а. Надо быстрее, быстрее надо.

М и х а и л. Только спокойней...

Женщины шепчутся, о чем-то договариваются. Видно, что Вероника Ильинична и Надя слушают указания Анны Степановны.

Е г о р о в (выходя на улицу). Что такое?

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Мы просим разрешения на вход в штаб для беседы с начальником штаба!

Е г о р о в. Все пойдете?

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Нет. Надя Покровская и я.

Е г о р о в. Одну минуту! (Входит в кабинет Михаила.) Там женщины, товарищ капитан-лейтенант!

М и х а и л. Какие женщины?

Е г о р о в. Вероника Ильинична и Надя Покровская.

М и х а и л. Ага! Вот и начинается!

Л е н а. Неужели они...

М и х а и л. У Вероники Ильиничны удивительная интуиция. Она всю жизнь провела на берегу. Можно сказать, матерый разведчик. (Лене.) Теперь держитесь, Елена Львовна!

Л е н а. Понимаю!

М и х а и л. Ни единым словом, ни одним движением не должны мы выдавать нашу тревогу. Это трудно, Елена Львовна: люди будут заглядывать вам в глаза, прислушиваться к интонации вашего голоса... А вы должны сохранить полное спокойствие.

Л е н а. Есть сохранить спокойствие!

М и х а и л. Учитесь нашему трудному флотскому делу. Жене морского офицера без этого не прожить! (Егорову.) Зовите их!

Е г о р о в (выходит на улицу). Прошу!

Он идет вперед. Вероника Ильинична и Надя — за ним. Они входят в кабинет Михаила.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Здравствуйте, Михаил Иванович.

Н а д я. Здравствуйте.

М и х а и л. Добрый день. Книги для библиотеки получены, Вероника Ильинична. Очень хороший подбор... Я просматривал накладную.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Мы не по клубному делу, товарищ начальник штаба.

М и х а и л. Чем могу служить?

Пауза.

Н а д я. Что слышно в море, товарищ капитан-лейтенант?

М и х а и л. В море все спокойно. Почему вы меня об этом спрашиваете?

Н а д я. Мы ждем сегодня наших из плавания.

М и х а и л. Да, некоторые лодки уже вернулись...

Н а д я. А «Дельфин»?

М и х а и л. Думаю, что и он на подходе.

Пауза.

Н а д я. Вы нас извините, Михаил Иванович, но прошел слух... *(Замолкает.)*

Пауза.

М и х а и л. Слухам, Надя, вообще не надо верить.

Н а д я. Мы к вам по пустякам не пришли бы.

Пауза.

М и х а и л *(глухо)*. Что же это за слух?

Н а д я. Вы знаете, что мы готовимся к встрече... все самое лучшее для буфета.

Михаил облегченно вздыхает.

Стало известно, что прибыли фрукты... а их хотят пустить в продажу только послезавтра... Дайте распоряжение, чтобы яблоки и мандарины, ну хотя бы двадцать кило, выдали нам сегодня... Очень просим вас...

М и х а и л *(молча пишет, передает Наде)*. Пожалуйста... Найдите Акулова: он сделает...

Н а д я. Спасибо, Михаил Иванович. *(Улыбается.)*

М и х а и л. Что вас так рассмешило?

Н а д я. А мы волновались, думали — откажете. Спасибо еще раз.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а *(Наде)*. Я сейчас. Подождите меня.

Надя выходит на улицу.

Один вопрос, Михаил Иванович. Вас не смущает задержка «Дельфина»?

М и х а и л. Абсолютно. Что еще?

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Больше ничего. Теперь я спокойна. Ждем вас в половине десятого.

М и х а и л. Буду непременно.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. И вас, товарищ Егоров.

Е г о р о в. К сожалению, дежурю.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Обидно! Значит, до вечера, Елена Львовна!

Л е н а. Я уверена, что мы раньше увидимся!

Егоров провожает Веронику Ильиничну до выхода.

А тут готовятся к празднику, волнуются из-за яблок...
М и х а и л. Жизнь никто не остановит, Елена Львовна.

Вероника Ильинична выходит на улицу в сопровождении Егорова. Он тут же возвращается в штаб. Зина бросается к Веронике Ильиничне и Наде.

З и н а. Ну, что?
Н а д я. Все в порядке. *(Потрясая бумагой.)* Вот!
З и н а *(Анне Степановне)*. Видите?

Идет Акулов.

А мы вас в аккурат ищем, папаша.
А к у л о в. Ага! И моя тут. Ты что здесь шатаешься в такое время?

Вероника Ильинична резко поворачивает голову и смотрит на Акулова.

З и н а. А что за особенное время?
А к у л о в *(спохватившись)*. Как что? Воскресенье — день отдыха, надо дать людям покой, а не морочить им голову.

З и н а. Тише, тише, папаша. Расшумелись. Тут вам распоряжение имеется.

А к у л о в. От кого же?

З и н а. Читайте. Ваше дело — выполнять, а ругать меня можете дома.

А к у л о в *(надевает очки, читает)*. Так, так, уже пронюхали. Ладно! Идите на склад!

А н н а С т е п а н о в н а. Быстро за фруктами, девушки!

Акулов, Надя и Зина уходят.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Так вот, Анна Степановна... Несчастье!

А н н а С т е п а н о в н а. Вероника Ильинична, что вы такое говорите?

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Мать обмануть нельзя, а я своему брату как мать...

А н н а С т е п а н о в н а. Какое несчастье?

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. С «Дельфином»!

А н н а С т е п а н о в н а. Да будет вам!

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Нет уж, слушайте меня! Конечно, все, возможно, и окончится... благополучно, но пока... плохо, Анна Степановна! Меня предчувствие обмануть не может! Очень плохо моему Ване и его команде! Я спросила у Миши: не тревожит ли его задержка «Дельфина»? Если бы он сказал, что тревожит, я знала бы, что случилась какая-то неприятность, небольшая авария, ну, понимаете, настолько небольшая, что о ней не страшно было бы сказать всем. А он... сказал только одно слово: «Абсолютно».

А н н а С т е п а н о в н а. Да перестаньте вы.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. А мы с вами хорошо знаем, что значит, когда моряк равнодушно произносит сквозь зубы это слово! *(Вздыхнув.)* Но флот имеет свои законы... Будем ждать! Молча, терпеливо ждать! *(Услышав женские голоса.)* И забудьте то, что я вам сейчас сказала!

А н н а С т е п а н о в н а. Уж об этом меня просить не надо!

Входят Зина и Надя.

З и н а. Нам не донести, Анна Степановна. Отец вдруг так расщедрился... С чего бы это?

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. От полноты сердца. Зиночка! Любит он вас, а вы всё на него покрикиваете.

А н н а С т е п а н о в н а. Пойдем, Вероника Ильинична, поможем слабосильным девицам!

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Пойдем! *(Зине.)* Какие же яблоки, Зиночка?

З и н а. Первый сорт! Антоновка!

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. О, мои любимые! *(Уходит.)*

Анна Степановна, пожимая плечами, идет за ней. В кабинет входит Егоров.

Е г о р о в *(докладывая)*. Акулов на месте!

М и х а и л. Давайте.

Лена встает.

Е г о р о в *(в дверь)*. Проходите.

Входит Акулов.

А к у л о в. Разрешите доложить, товарищ капитан-лейтенант?

М и х а и л. Да, да, прошу.

А к у л о в. Что касается водолазов, то Дмитриев, на которого я рассчитывал, не подойдет. Сердце уже не то!

М и х а и л. Ну, а второй? Ведь вы же говорили о двоих!

А к у л о в *(чесет затылок, робко)*. Со вторым вам придется поговорить лично. Я не решился передать ему вашу просьбу.

М и х а и л *(удивленно)*. Кто такой?

А к у л о в. Ваш дядя.

Пауза.

М и х а и л. Как это я сам о нем не вспомнил? Тяжелая задача!

Л е н а *(видит, что Михаил задумался, резко)*. Михаил Иванович!

М и х а и л. Что?

Л е н а. Простите! *(Убегает.)*

А к у л о в *(с удивлением смотрит на Михаила)*. Что это... с доктором, товарищ капитан-лейтенант?

М и х а и л. Эх, мичман, мичман! У всех у нас есть основания для волнений, а у капитана медицинской службы — поверьте мне — особые! *(Решительно встает.)* Пойдем!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина пятая

Лодка. Тишина. Орлов слушает стук из второго отсека. Пауза.

Куракин. Ну, что?

Орлов. Живы, здоровы, работают! *(Отходит от переборки, смотрит на часы.)*

Грушевский *(Панычуку)*. Мы на дне уже пять часов.

Панычук. Что ж теперь делать?

Грушевский. Мне курить хочется.

Панычук. А мне сыграть на биллиарде!

Грушевский удивленно смотрит на него.

Ты думаешь, Саша, что я сошел с ума? Нет, это я так, шучу!.. Курить нельзя, ты же знаешь!

Григорьев *(подходя к Орлову)*. Разрешите обратиться, това...

Орлов. Ну?

Григорьев. Как я понимаю, командир пытался осушить отсеки и помпами и воздухом.

Орлов. Правильно понимаете.

Григорьев. Не получилось?

Орлов. К сожалению.

Григорьев. Значит, теперь главная надежда на... *(Кивает в сторону затопленного отсека.)*

Орлов. Да! Там наши три товарища героически борются с аварией. Они заделывают пробоину... Но работа эта адская... Вы же знаете: им приходится все делать под водой...

Григорьев *(тихо, наклоняясь)*. Дышать становится все труднее и труднее.

Орлов. К маскам прибегать нельзя... Их всего четыре штуки...

Григорьев. Столько в отсеке положено: здесь по расписанию должны находиться только четверо...

Орлов. Ясно! Особенно внимательно следить за дыханием. Оно должно быть спокойным; движений как можно меньше. *(Пауза.)* Опять пригорюнились, товарищ Куракин?

Куракин *(тяжело дыша)*. Да нет, товарищ старший лейтенант! Просто перспективы неясные. Думаю: выскочим ли отсюда?

Григорьев *(сердито)*. Вредная философия!

Орлов *(успокаивающе)*. Что за нетерпимость, товарищ старшина? Разве вы не думаете об этом?

Григорьев *(горячо)*. Думаю, товарищ старший лейтенант, и не строю, как говорится, никаких иллюзий. Думаю о жене и о дочке Светлане... У нее, между прочим, часто ангина бывает — гланды не в порядке... *(Кивнув головой в сторону второго отсека.)* О Сеньке переживаю... о Пивоварове. Ведь мой племянник! Но я — военный моряк! Прошел

такую войну, и, когда я научился побеждать, когда дошел почти до совершенства, приходится... Вот о чем жалею.

Б е р м а н. Но вы хоть воевали, Фома Петрович! А мы? Даже с врачом не успели схватиться... Ведь правильно говорит товарищ старшина — обидно умирать от такой нелепой случайности...

Г р и г о р ь е в (*перебивая Бермана*). Кто сказал «умирать»? А? Не было такого слова, и никогда я его не говорил! Смерти, душа из нее вон, я не боюсь! И буду с ней биться, а не нюни пускать, биться за жизнь до последней капли крови! Она еще стране нужна, моя жизнь! И мне она нужна!

О р л о в (*взволнованно*). Конечно, Фома Петрович! И мы ее дешево не продадим! Ведь мы с вами бывали и в более тяжелых переделках — и то не тужили! Верно?

Старшина молча кивает головой.

А насчет взрыва, товарищ Берман, — неизвестно, случайность ли это!

Пауза.

К у р а к и н. Разрешите мне влезть на торпедный аппарат, товарищ старший лейтенант! Может, там мне будет легче.

О р л о в. Влезайте!

Куракин поднимается под самый верх и устраивается на торпедном аппарате.

(*Орлов смотрит на часы и записывает что-то в свою тетрадку. Затем вынимает из кармана книжечку. Листает странички. Подходит к Панычуку.*) Пользуюсь случаем, чтобы, как парторг, переговорить с вами, товарищ Панычук! Я перед походом получил письмо от вашей матери. Она жалуется на вас!

П а н ы ч у к (*сразу становится хмурым, мрачно*). А что я такого сделал, чтобы она жаловалась?

О р л о в. Вы не отвечаете на ее письма. За все время службы, оказывается, ни разу ей не написали. Это правда?

П а н ы ч у к. Не хочу писать ей...

О р л о в. Причина?

П а н ы ч у к. Она для меня чужой человек, незнакомая женщина! А на письма незнакомых людей чего же отвечать?

О р л о в. А более понятно?

П а н ы ч у к. Есть более понятно! Мне исполнилось пять лет, когда она оставила меня и моего отца, ушла к другому человеку. А когда переехала в другой город, то и вовсе забыла о том, что у нее есть сын. Мой отец умер от горя: он любил ее, товарищ командир, понимаете, любил! Все это мне рассказывали потом, в детском доме... Год тому назад эта женщина стала вдовой. Тогда она вспомнила, что у нее есть сын, и разыскала меня. Пишет, а я ее даже и не помню! Прислала карточку (*пожимает плечами*), я смотрю и твердо не знаю, чи это она, чи просто так, открытка, что продают в ларьках за тридцать копеек.

Пауза.

О р л о в. Поступила ваша мать плохо. Но ведь ушла она к другому не из корысти?

П а н ы ч у к. А мне это безразлично!

О р л о в. Во всяком случае, беды не случится, если вы ей, старой уже женщине, черкнете несколько слов.

Панычук молчит.

Подумайте...

П а н ы ч у к. Я долго думал! Не напишу!

О р л о в (*пожав плечами*). Ну, как знаете!

П а н ы ч у к. Разрешите идти?

О р л о в. Идите!

Панычук отходит и садится рядом с Грушевским.

Г р у ш е в с к и й (*тихо*). Не знал, Паша, что у тебя такое жестокое сердце! И потом — все-таки мать!

П а н ы ч у к (*мрачно*). Мне сейчас не до этого! И не вмешивайся, Саша, не в свое дело! Что мое — то мое. Я сам разберусь.

О р л о в (*листает свою книжку; старается говорить обыкновенным, спокойным голосом*). Товарищ Грушевский!

Грушевский подходит.

Значит, скоро будем вас поздравлять?

Г р у ш е в с к и й. Так теперь... трудно сказать, товарищ старший лейтенант!

О р л о в. Это почему?

Г р у ш е в с к и й. Обстановка не очень спокойная, как (*кивает на Григорьева*) мичман говорит.

О р л о в. Ах, вот вы о чем! Я надеюсь, что Надю и вас мы все же поздравлять будем!

Г р у ш е в с к и й. Хорошо бы, товарищ старший лейтенант, а то... у меня случай очень сложный! Даже не знаю, как вам это объяснить.

О р л о в. А вы говорите напрямик.

Г р у ш е в с к и й. Надя скоро станет матерью!

П а н ы ч у к. А загс не в курсе этого дела!

Г р у ш е в с к и й. Дважды собирались оформить, и каждый раз что-нибудь мешало.

О р л о в. Как только сойдем на берег, торжественно свадьбу отпразднуем. (*Пауза.*) Вот и я... должен скоро стать мужем... прекрасной девушки... которую люблю! (*Сжав кулаки, закрывая глаза. Очнувшись.*) И я верю, что у вас и у меня будет семья! (*Пауза.*) Времени у нас сейчас много. Может быть, есть вопросы?

Все молчат.

Г р и г о р ь е в (*подходя*). Разрешите?

О р л о в. Пожалуйста!

Г р и г о р ь е в. Я хочу сказать, чтобы вы не утруждали себя.

О р л о в. Чем?

Г р и г о р ь е в (*тихо*). Вы ищете повод для беседы, чтобы как-то занять нас, оттянуть наши думы от... Только вы напрасно беспокоитесь: команда понимает свое положение... Не я один — мы все очень переживаем за наших трех соседей, волнуемся за остальную часть экипажа: ведь хлор — он повсюду! Но мы молчим... Даже Куракин сознает, что об этом нельзя говорить! А ведь все думают о наших товарищах и... очень страдают за них!

О р л о в. Я тоже о них думаю! Надеюсь, что они не в худшем положении...

Г р и г о р ь е в. Давай бог! Тогда тем более, пусть жизнь в отсеке идет нормально!

О р л о в. А я меньше всего собирался ее нарушать. Что там у нас по расписанию?

Григорьев смотрит в свою записную книжку. Молчит. Косится на Орлова. Пожимает плечами.

Г р и г о р ь е в. Прямо насмешка какая-то, честное слово! Вечер самодеятельности! (*Усмехается.*) Самодеятельность! Я, например, пою... Но мне на одно верхнее «си» литр воздуха необходим! Панычук и Грушевский — плясуны! А разве при таком дыхании спляшешь?

Б е р м а н (*вдруг*). Я могу вам почитать... (*Достает из-за пазухи тетрадку.*)

П а н ы ч у к. Ох, сейчас что-нибудь техническое...

Б е р м а н. Нет! Это стихи! У меня их целая тетрадка! Между прочим, пишу два года. Раньше не хотел об этом говорить... а теперь можно... Ситуация... вполне подходящая!..

О р л о в. Мы вас слушаем, товарищ Берман!

Б е р м а н (*открывает тетрадку*). Это стихотворение называется «Мать». (*Начинает с подъемом читать.*)

Не знаю точно месяц и число,
Но ясно помню, как легко и прямо
В меня вошло простое слово — «мама»
И это слово душу потрясло!

Оно лишь после выразилось в звуке,
Теплом наполнив детскую кровать,
Но первое, что я запомнил, — руки!
И телом понял: эти руки — мать!

Она входила в мужество со мной;
Я с ней прошел огнями и громами...
Я и теперь еще грущу о маме,
Такой далекой и такой родной!

Пусть мины рвутся и вода клубится,
Мне ясно виден свет ее лица,
С ним — легче жить! С ним — яростнее биться!
С ним — глуше вой железа и свинца!

Нам всем знакомы добрые морщины,
Движенье спиц по темному чулку...
Вот вы уже солдаты и мужчины,
Видавшие немало на веку,

Но слово «мать», как вечный голос жизни,
Звучит в душе всех радостней, и вот
Оно, как стяг, как преданность отчизне,
Нас в грозный час к бессмертию ведет!^[4]

О р л о в (*сразу*). Прекрасные стихи! Спасибо, товарищ Берман! А теперь... где баян, товарищ Панычук?

П а н ы ч у к. Простите, не понял!

О р л о в. Где баян, говорю? Кстати, и соседям будет веселее работать!

Панычук молча встает, подает баян.

Куракин... кажется, хорошо играет на баяне! Давайте Куракина!

Коку помогают сойти с торпедного аппарата.

К у р а к и н (*берет аккорд*). Что играть? (*Садится на ящик.*)

Г р и г о р ь е в. На ваше усмотрение. (*Орлову.*) Разрешите начать, товарищ старший лейтенант?

О р л о в. Пожалуйста!

К у р а к и н (*объявляет*). Старинная матросская песня: «Гибель «Варяга»».

О р л о в (*улыбнувшись*). Э нет, эта не пойдет! Давайте другую!

Тишина. Первый куплет кок играет нормально, затем переходит на вариации. Увлеченный игрой, поднимается и вдруг резко обрывает мелодию.

К у р а к и н (*виновато*). Простите... пальцы... не слушаются...

Д ж и б е л и (*после паузы*). Если разрешите, товарищ старший лейтенант, я могу рассказать про кино! То есть не совсем про кино, но в общем...

О р л о в. Начинайте, мы слушаем!

Д ж и б е л и. Это, может, сказка, а может, быль, не знаю точно! Когда я был в отпуску, у нас так девушки рассказывали. Жил-был около Красной Поляны, в высоком абхазском селении, маленький мальчик... звали его Гоги... По-русски это будет Георгий... И дороже звезд и луны, дороже ручейков и водопадов, представьте себе, даже дороже солнечного света был для него луч аппарата передвижки: очень любил кино Гоги! Многих артистов он знал в лицо, почти всех по именам и фамилиям, а с некоторыми даже был лично знаком: в Абхазию, нашу прекрасную солнечную страну, часто приезжали разные киноэкспедиции. Как раз группа из Москвы снимала фильм под названием... Вот забыл название, сейчас вспомню.

П а н ы ч у к. Ну, это неважно! Из теперешней жизни?
Д ж и б е л и. Конечно!

Вдруг справа раздается звук включаемых моторов.

Г р и г о р ь е в. Моторы!

Радость, надежда на лицах.

Б е р м а н (*Куракину*). Держись, Сережа! Это заработали моторы!

Звук мотора все сильнее и сильнее... Но вот он вдруг начинает идти на убыль. И снова тишина.

Пауза.

О р л о в (*тихо*). Не взяли!..

Слышится падение тела. Панычук подбегает к торпедным аппаратам. Григорьев — за ним. Они выносят Куракина. Он в глубоком обмороке.

(Быстро.) Наденьте маску... подержите несколько минут!

Свежий воздух начинает оживлять Куракина.

(Смотрит на часы, и впервые на его лице появляется настоящая тревога. Подходит к переговорной трубе. В трубу.) В центральном!

Голос Афанасьева: «Есть в центральном!»

Хлор скопляется в большом количестве... Куракин потерял сознание.

Голос Афанасьева: «У меня тоже не сладко... Какое у вас количество масок?»

Четыре!

Голос Афанасьева: «Принимайте все необходимые меры. И... терпите, сколько можете!»

Есть!

К у р а к и н (*придя в себя, слабым голосом*). Простите меня, товарищи!

З а н а в е с.

Картина шестая

Окраина местечка у самого моря. По обеим сторонам улочки расположились маленькие рыбацкие домики. На переднем плане, в палисаднике, сидит старик Ф и л и п п о в. Рядом с ним, опираясь на костыль, Д м и т р и е в. Они курят длинные трубки, следят со вниманием за колечками дыма. На столе — самовар, чайник, стаканы.

Д м и т р и е в. Боже ж мой, какая благодать кругом! Никогда еще птички так не распевались! Между прочим, как ты скажешь: если птичку напоить, она должна еще громче петь, а?

Ф и л и п п о в (*наливая очередной стакан*). Не знаю, не пробовал. Пил я со всяким народом, а с птицами — не пил!

Д м и т р и е в. Ты, Ваня, с понятием по этому делу. Не помню случая, чтобы тебя кто-нибудь осилил!

Ф и л и п п о в. И этого сказать не могу. Один раз меня все-таки...

Д м и т р и е в. Поклеп на себя возводишь, Ваня. Зря!

Ф и л и п п о в. Нет, один раз меня перепили! Стояли мы около шести суток в Коломбо, на острове Цейлоне. И очень полюбили одно тихое заведение: вдова матросская держала... Кроме нас, туда еще заходили американцы с «Алабамы». Так вот ихний капитан предложил потягаться. От наших меня выдвинули, а он сам взялся. Поставили перед каждым двадцать посуды — от такого горшка до такусенькой рюмочки. Он пил сидя, а я — стоя.

Д м и т р и е в. Сидя же легче, Ваня.

Ф и л и п п о в. Самолюбие меня заело и уверенность была! Дал американцу лишний шанс! Девятнадцать пили вровную! А двадцатую, самую маленькую, чувствую, не принимает нутро. Ну, никак не принимает. Довожу ее до роту — не запрокидывается голова! А он к своей дотянулся, до зубов дотащил, выпил — и победил! Я признал себя побежденным, за все красиво расплатился, со всеми вежливо попрощался и своим ходом, не шатаясь, пошел на корабль. А вот американец остался.

Д м и т р и е в. Такой пьяный был?

Пауза.

Ф и л и п п о в. Нет, он помер!

Д м и т р и е в. Потому излишество! Вот мы с тобой в полном порядке! Тишина, покой, красота! Солнышко греет, готов к труду и обороне!

Ф и л и п п о в (*строго*). Это хорошо, что готов! На берегу океана живем, Костя! Он границ не имеет!

Д м и т р и е в. К чему сказано?

Ф и л и п п о в. К тому, что внимательно смотреть надо! (*Пауза.*) Я, брат, одно дело большое задумал. По части рыбозаготовок... Нет, пока ничего тебе не скажу, но если мы его сделаем, значит быть нашему совхозу ведущим в государстве.

Д м и т р и е в. Ох, гордый ты, Ваня! Во все вмешиваешься, все норовишь по-особенному! Не зря мы тебя старшим на боте поставили! Любишь быть первым!

Ф и л и п п о в. Да, это я люблю! А вот одного только простить не могу! Родной племянник меня со службы прогнал! Но ничего! Я ему еще докажу, на что мы способны!

Дмитриев хочет что-то сказать, но, махнув рукой, молчит. Филиппов замечает этот

жест.

Ты не маши, Костя! А сказал — не прощу, — значит, не прощу! Молчи, понимаешь, а то поссоримся!

Д м и т р и е в. Я молчу, Ваня: рта не открывал!

Ф и л и п п о в. Все нынче больно умные стали!

Д м и т р и е в. Это верно. Идут давеча два молодых водолаза. Академики, знаете ли! И разговаривают не по-нашему. Я их останавливаю: «Что же вы, господа профессора, родную свою речь забыли?» А они мне в ответ: «У нас, Константин Яковлевич, изучение языка обязательно!.. Вот и практикуемся». *(Пауза.)* Погибла профессия, Ваня! Мы с тобой как на море ходили? Грудь на грудь, один на один! А эти заберутся в самовар, и вокруг каждого еще по две машины на подмогу... Окончилось водолазное дело...

Ф и л и п п о в. Да, уж опасность не та! Каждый может в таком инструменте под воду пойти. Прогулка...

В конце улочки появляется М и х а и л. Филиппов видит его. Вздвогнув, он быстро встает и входит в дом. Дмитриев, оглядываясь, ковыляет за ним. Филиппов закрывает за собой дверь. Михаил приближается к палисаднику и почти сталкивается с быстро подошедшей Л е н о й. Она хочет обойти его, но он берет ее за руку.

М и х а и л. Что вы тут делаете... Елена Львовна?

Л е н а. Право, и сама не знаю, Михаил Иванович!

М и х а и л. Да нет, знаете же!

Л е н а *(тихо)*. Знаю! Думала, что вам будет трудно прийти к Ивану Степановичу... хотела его привести к вам!

Михаил качает головой и усмехается. Пауза. Лена опускает глаза.

М и х а и л. Спасибо, Елена Львовна! Я сам! *(Идет через палисадник к дому.)*

За ним из-за занавески следит Филиппов. Михаил стучит в дверь. Лена подходит ближе и слушает. На первый стук никто не открывает. Михаил снова стучит.

Ф и л и п п о в. Кто там еще?

М и х а и л. Я, Михаил!

Ф и л и п п о в. Кто? А ну-ка, повтори!

М и х а и л. Это я, дядя, Михаил!

Ф и л и п п о в. Какой я тебе... дядя? Нет у меня родни! Мне этот дом и земля государством за службу даны! Я не позволю, чтобы всякие сюда таскались.

Пауза.

М и х а и л. С вами, Иван Степанович, говорит капитан-лейтенант Денисов!

Ф и л и п п о в. Ах, вот что! Надо было раньше так и сказать. Я вас не узнал, товарищ начальник штаба! Простите великодушно! Очень тронут вашим вниманием! Чем заслужил?

М и х а и л. Разрешите, я сначала войду. Мне с вами неудобно через дверь

разговаривать!

Ф и л и п п о в. Ах, вам неудобно! Как обидно! Но у меня гости, товарищ капитан-лейтенант! Я сегодня отдыхаю! Нахожусь в домашнем туалете. Приходите через часок!

М и х а и л. Я вас не задержу...

Ф и л и п п о в. И не просите, не могу, не могу, не могу... такого человека принять в «неглиже»... Нет, не смею!

М и х а и л. У меня неотложное дело, дядя!

Ф и л и п п о в. Как вы сказали?

М и х а и л. Откройте дверь! Нехорошо, люди уже начинают смотреть!

Д м и т р и е в (*шепотом*). Пусти его, Ваня!

Ф и л и п п о в (*резко*). Молчи! (*В дверь*.) Я людей не стесняюсь. Пусть люди знают, что он мне и теперь жить не дает! Но ведь вам это слушать неинтересно, дорогой товарищ начальник штаба, капитан-лейтенант Михаил Иванович Денисов! Я отчества не спутал? Кажется, правильно, а?

М и х а и л (*снимает фуражку и вытирает пот*). Я вас очень прошу, Иван Степанович, разрешить мне войти!

Ф и л и п п о в. А вы семь раз вашу просьбу повторите, тогда я подумаю.

Михаил берется за ручку и со всей силой бьет плечом в дверь. Она с треском открывается, и Михаил по инерции влетает в комнату.

Ф и л и п п о в (*отпрянув, кричит*). Убью! (*Старается поймать одну из бутылок, стоящих на полке.*)

Лена, видя, что Михаил захлопнул за собой дверь, мечется, затем, приняв какое-то решение, убегает.

Пауза.

Дядя и племянник стоят друг перед другом. Дмитриев опасливо уносит в угол всякие тяжелые предметы: бутылки в первую очередь. Пауза.

Ф и л и п п о в (*садясь спиной к Михаилу*). Всю жизнь буду помнить, как ты меня... Уйди отсюда, пока я народ не позвал!

М и х а и л (*не обращая внимания на его слова, Дмитриеву*). Оставьте нас, Константин Яковлевич! Нам надо поговорить!

Д м и т р и е в. Понимаю-с, Михаил Иванович! Иду!

Ф и л и п п о в (*хватает Дмитриева*). А я не хочу, чтобы ты уходил. Кто смеет гнать отсюда моего друга? Кто?

Д м и т р и е в. Да что ты, Ваня? Кто меня гонит? Меня никто не гонит. А только мне неудобно слушать личные разговоры. Интимные, так сказать. Мы ведь с понятием о культуре!.. А ты — поаккуратней!

Ф и л и п п о в. Иди к черту! Учить еще меня будет.

Дмитриев, ковыляя, уходит.

Пауза.

М и х а и л. Разговор у меня с вами, Иван Степанович, будет совершенно секретный! Я к

вам за помощью.

Ф и л и п п о в. И слушать тебя не желаю! Ты у меня раньше прощения проси, а потом разговаривать будем!

М и х а и л. Извините...

Ф и л и п п о в. Этого мало! Говори, как с дядькой говорят! И называй меня: «уважаемый дядя».

М и х а и л. Хорошо, уважаемый дядя.

Ф и л и п п о в. А чего у тебя при этом зубы скрипят? Ласковой говори!

М и х а и л (*сразу*). В пятидесяти кабельтовых на глубине тридцати метров затонул «Дельфин».

Пауза.

Филиппов, сидевший к Михаилу спиной, быстро поворачивается.

Ф и л и п п о в (*гневно*). Почему же ты сразу не сказал?

М и х а и л. Вы не давали мне говорить. Надо подать им воздух! А сейчас, до подхода водолазов, кроме вас, спускаться некому. Они срочно вызваны с ученья. Но... время идет...

Ф и л и п п о в. Сколько это в саженях получается?

М и х а и л. Четырнадцать с одной десятой!

Ф и л и п п о в. Глубоко! (*Пауза.*) Ладно! (*Вынимает из сундука свои водолазные «снасти»: шерстяной костюм и носки, любовно складывает вещи в чемодан и подходит к Михаилу.*) По улице будем идти врозь! Я сам приду на берег. А то, если меня с тобой вместе увидят, подозрительным покажется.

М и х а и л. Это правильно, дядя!

Ф и л и п п о в. Дядя всегда говорил правильно. Пойдешь первым и помни: делаю я это для себя, а с тобой мы по-прежнему чужие! Иди!

Михаил выходит из домика и быстро направляется к порту. В домике напротив, у окна, сидит Д м и т р и е в.

Д м и т р и е в. До свидания, Михаил Иванович!

М и х а и л. До свидания, Константин Яковлевич!

Дмитриев оставляет свой наблюдательный пост, пересекает улицу и входит в палисадник. Сталкивается с выходящим Филипповым.

Д м и т р и е в. Куда ты, Ванюша?

Ф и л и п п о в (*не останавливаясь*). По делу! Скоро вернусь! (*Уходит.*)

Пауза.

Дмитриев в недоумении. Вздохнув, он возвращается к себе домой. По улочке, стараясь двигаться спокойней, идут Л е н а и А н н а С т е п а н о в н а. Они приближаются к палисаднику Филиппова, бросая тревожные взгляды на затихший дом.

А н н а С т е п а н о в н а (*задыхаясь*). Что же тут происходит, Леночка?

Л е н а. Будто притихли!

А н н а С т е п а н о в н а. Зачем Миша приходил сюда, господи? Ну ладно, теперь-то уж делать нечего!

Анна Степановна и Лена входят в палисадник, и Анна Степановна робко стучит в дверь Филиппова. В своем окошке появляется Д м и т р и е в.

Д м и т р и е в. Напрасно беспокоитесь, Анна Степановна! Оба ушли!

Л е н а. Вместе?

Д м и т р и е в. Никак нет, товарищ Смирнова! Врозь!

А н н а С т е п а н о в н а (обеспокоенная). А как они, Костя, не повредили друг друга?

Д м и т р и е в. Да нет! Все в общем было довольно культурно, обошлось без контузий...

Да разве Михаил Иванович себе что-нибудь позволит?

А н н а С т е п а н о в н а. А старик на него не бросался?

Д м и т р и е в. Была, так сказать, попытка, но...

Л е н а. Вы не знаете, куда они пошли?

Д м и т р и е в. Товарищ командир — в порт, а Иван Степанович куда-то по своим надобностям.

А н н а С т е п а н о в н а (Дмитриеву). Спасибо тебе, Костя!

Д м и т р и е в. К вашим услугам! Пардон! (Уходит.)

Л е н а. И я пойду.

А н н а С т е п а н о в н а. Подождите! Сядьте со мной! И расскажите, что случилось.

Л е н а. Где?

А н н а С т е п а н о в н а. С «Дельфином».

Л е н а. Ничего!

А н н а С т е п а н о в н а. Правда?

Л е н а. Правда! Я бы знала...

Пауза.

А н н а С т е п а н о в н а. Так!.. Ну... а с вами... он говорил?

Л е н а. О чем?

А н н а С т е п а н о в н а. О главном!

Л е н а. Не понимаю...

А н н а С т е п а н о в н а. Да ты не скрывай: я ведь все знаю! Хотя Миша мне первый раз в жизни и не сказал, но я сама догадалась.

Л е н а. О чем, Анна Степановна?

А н н а С т е п а н о в н а. Ну ладно, ладно... Значит, можно будет скоро вас поздравить?..

Л е н а. Ах, вот что... Да... Можно... Спасибо...

А н н а С т е п а н о в н а. Да чего вы там бормочете?.. О счастье, Леночка, громко говорить надо... Ведь любит же он вас. Я-то это знаю! Что ж, так и будем в прятки играть?.. Ведь я сегодня утром сама видела...

Л е н а. Сегодня?

А н н а С т е п а н о в н а. В наше время помолвки справляли, а вы — все молчком... Ну, ваше дело... Будь ему хорошей женой, дочка... (Целует Лену.) Чудно... секреты устраивают.

(Уходит.)

Л е н а. Значит, мне... значит, не показалось.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина седьмая

Лодка. Тишина. Курак и н лежит на койке, бледный. Орлов у переборки, ведущей во второй отсек, слушает стук.

Пауза.

Орлов (*вытирая лоб платком*). Живы, здоровы, работают как будто успешно...

Курак и н. Я больше не могу терпеть, товарищ старший лейтенант. Разрешите попрощаться.

Орлов. Зачем?

Курак и н. Чувствую, что мне пора...

Орлов. Нет, рано! (*К Джибели.*) Маску!

Джибели быстро подносит маску ко рту Куракина, и тот порывисто дышит.

Пауза.

Курак и н. Ох, как хорошо!..

Орлов. Так вот, товарищи... Мы держались вместе до последней возможности. А сейчас количество хлора уже таково, что надо... расставаться. Здесь нас слишком много... Приходится принять решительные меры. Нам теперь остается индивидуальное спасение... Этот способ, как вам известно, трудный, и к нему надо быть особо подготовленным, учитывая (*кивает на глубомер*) тридцатидвухметровую глубину. У нас всего четыре маски на семь человек! Следовательно, наверх должны пойти четверо... в масках!

Все, кроме Куракина, переглядываются.

Да, да, уйдут четверо, а трое... останутся здесь... без масок! Это довольно рискованное мероприятие: выйти из лодки через торпедный аппарат. Но случаи такие бывали и заканчивались удачно. Поэтому попытаться надо. Действуйте очень осторожно. По выходе поднимайтесь медленно, ориентируясь по муссингу^[5]. (*Берет муссинг, показывает матросам.*) Напоминаю: метр пройдет — узел, значит — остановка. Предупреждаю вас, товарищи: малейшая торопливость — и вас раздавит вода. Понятно?

Все (*кроме Куракина*). Понятно, товарищ старший лейтенант!

Орлов. Вот теперь давайте с умом отбирать: кому — идти, кому — оставаться! Меня не считайте! Я офицер и поэтому лодку не покину. Значит, остается шесть человек.

Пауза. Все молчат.

Ну?

Григорьев. Это неправильно, товарищ старший лейтенант! Вы не должны подвергать себя такой опасности...

Орлов (*резко*). А вы обратили внимание, товарищ мичман, что я этот вопрос с вами не

обсуждаю? Я вам приказываю меня не считать!

Г р и г о р ь е в. Есть вас не считать, товарищ старший лейтенант! Значит, из шести человек...

К у р а к и н (*тихим голосом*). И меня не считайте... Я же нипочем не доберусь.

Григорьев косится на Орлова.

О р л о в. Ну что вы на меня смотрите? Куракин совершенно прав! Давайте быстрее!

Г р и г о р ь е в (*скороговоркой*). Жребий нам бросать не приходится. Обсуждаем кандидатуру товарища Джибели. Товарищ Джибели физически очень сильно развитый матрос. Имеет большой опыт по всплытию с глубины.

О р л о в (*тихо*). Правильно! Следующий. Товарищ Берман!

Г р и г о р ь е в. Товарищ Берман физически очень сильно развитый матрос. Имеет большой опыт по всплытию с глубины.

О р л о в (*тихо*). Такую оценку ваш старшина даст о каждом из вас. Зачем же время терять? (*Вдруг, быстро.*) Наверх пойдут: мичман Григорьев...

Г р и г о р ь е в (*делая шаг вперед, глухо*). Есть!

О р л о в (*глядя на остальных, стоящих плечом к плечу. После паузы*). Трюмный Джибели!

Д ж и б е л и (*делая шаг вперед, тихо*). Есть!

О р л о в. Электрик Берман!

Б е р м а н (*глядя на Грушевского и Панычука, делает шаг вперед, чуть слышно*). Есть!

Орлов смотрит на Грушевского и Панычука.

Пауза.

Панычук молча делает шаг вперед.

О р л о в. Что это значит?

П а н ы ч у к. Разрешите мне... остаться с вами, товарищ старший лейтенант! Я холостой, а у Грушевского — вы же знаете его положение! Пусть наверх пойдет он.

Г р у ш е в с к и й. Паша!

П а н ы ч у к (*удерживая Грушевского*). Молчи! Молчи, Саша!

О р л о в. Молодец, Панычук! (*Грушевскому.*) Торпедист Грушевский!

Г р у ш е в с к и й (*на секунду закрыл глаза, вздрогнул от оклика командира, шепотом*). Есть!

К у р а к и н. Bravo, Паша! Bravo!

О р л о в. Готовьтесь, товарищи! А мы пока напишем несколько слов.

Четверо уходящих наверх раздеваются, снимают обувь. Панычук подходит к Куракину. Кок берет его руку. Панычук тихо гладит светлые вьющиеся волосы Куракина, но искоса поглядывает на Грушевского. Тот ловит его взгляд.

Г р у ш е в с к и й. Паша! Дорогой!

П а н ы ч у к. Ты только, Саша, не волнуйся... Дыши глубоко... И поднимайся спокойно, как на ученье, и...

О р л о в. Вот мое письмо, Фома Петрович! Я завернул его в целлофан, чтобы не

промокло...

Г р и г о р ь е в. Кому прикажете его передать?

О р л о в. А там на конверте написано! *(Тихо.)* Отдайте его только в том случае, если мы не увидимся. Тогда скажите ей, что я любил только ее и думал только о ней!

Г р и г о р ь е в. Будет исполнено в точности... *(Голос его дрогнул.)* Лучше мне умереть, чем выполнить такое поручение.

О р л о в. Ладно! Ладно!

Григорьев прячет письмо за пазуху и становится в строй. Пауза.

Передайте там, наверху, что вы все вели себя так, как полагалось советским морякам! Запись о нашем пребывании я вел в этой тетрадке. Как только выберетесь на поверхность, сделайте все, чтобы быстрее помочь нам. А мы будем держаться... Держаться, сколько хватит сил! Вот... *(Забылся на мгновение.)*

П а н ы ч у к *(шепчет Грушевскому)*. И если нам не придется свидеться, вспомяни иногда с Надей и сыном обо мне... о нас!..

Г р у ш е в с к и й. Паша, я...

О р л о в. Найдите причину аварии и... служите, как служили до сих пор! Да здравствует Родина, товарищи! Ура!

И все трижды, чуть слышно, кричат «ура».

А теперь давайте прощаться...

Орлов первым подходит к Григорьеву и целуется с ним. Долго держат они друг друга в объятиях. Затем быстро жмет руки Джибели, Грушевскому и Берману.

К у р а к и н *(стоящему рядом с ним Паньчуку)*. Может, хочешь шоколаду, Паша? У меня там есть...

Паньчук целуется со старшиной, Берманом, Джибели и Грушевским. В это же время Джибели, Григорьев и Берман прощаются с Куракиным.

Г р и г о р ь е в. До свидания, Куракин... Держись, браток... Прости, если чем обидел...

К у р а к и н. Что вы, Фома Петрович!..

Д ж и б е л и. До свидания, дорогой Сережа...

К у р а к и н. Если будешь в Москве, Вахтанг, зайди в ресторан «Аврора», спроси на кухне старшего повара Петра Петровича, скажи, что Сергей Куракин... его ученик... в общем, парень — ничего!

Д ж и б е л и. Мне кажется, дорогой Сережа, что ты ему... сам это рассказывать будешь! *(Орлову.)* Товарищ старший лейтенант! Разрешите дать Куракину воздуху из моей маски, мне — хватит!

Г р и г о р ь е в *(Орлову)*. Дышите вволю, Григорий Александрович... Прошу вас, дышите как следует!

Грушевский и Берман подносят свои маски Паньчуку, и все трое, остающиеся в

отсеке, молча глотают кислород. Первым от маски Григорьева отрывается Орлов.

Орлов. По местам!

Четверо уходящих становятся у крышек торпедных аппаратов. Григорьев — первым.

Приготовиться!

И вдруг в стену отсека из моря раздается отчетливый стук. Все замирают. Кто-то молотком выбивает по азбуке Морзе.

Берман (*кричит*). Водолазы!

На всех лицах счастье. Хочется криком выразить свою радость, но Орлов поднимает руку.

Орлов. Спокойно! Старшина Григорьев! Передайте водолазу: «Мы живы». Пусть идет к центральному.

Григорьев, вооружившись молотком, немедленно выполняет приказ Орлова.

Орлов. (*В переговорную трубу*). К первому подошел водолаз.

Голос Афанасьева: «Слышал». Снова стук, но более глухой. Все поворачивают головы. Пауза. И ответный стук из центрального отсека.

Орлов (*слышит ответ Афанасьева и смотрит на Григорьева*). Что это такое? Мне послышалось или...

Григорьев. Нет. Командир передал: «В помощи не нуждаемся. Отойдите от лодки. Поднимаюсь сам!»

Орлов (*вздвигнув*). Это — галлюцинация. Может, и стука никакого не было?

Голос Афанасьева: «В первом!»

Есть... в первом!

Голос Афанасьева: «Пробоина почти заделана... делаю попытку всплыть!»

Слышится шум помп и воздуха. Корпус лодки вздрагивает. Гул включенных моторов все нарастает, и чувствуется, что лодка, снявшись с грунта, медленно поднимается и движется вперед.

Занавес

Картина восьмая

Декорация второй картины. Солнце садится. В саду Анны Степановны стол накрыт

белоснежной скатертью, расставлены обеденные приборы. Из дома в сад спускаются Михаил и Афанасьев.

М и х а и л (тихо). Откровенно говоря, за дядю я очень беспокоился. Хорошо, что подоспели водолазы. Старик вряд ли справился бы один! Так что — после взрыва?..

А ф а н а с ь е в. Вода сразу хлынула во второй отсек. Там в это время находились три матроса. Радист Пивоваров — толковый паренек. Он в течение шести часов руководил заделкой пробоины... Помпы и воздух сначала не дали эффекта... Только когда отверстие было уменьшено, мне удалось откачать воду, отремонтировать мотор и поднять лодку: не подвели советские механизмы! Это, знаете, была настоящая боевая проверка: и на море и на суше. Полезно все испытать заранее, чтобы... в более сложной обстановке не быть пойманным врасплох. *(Улыбается.)* А все-таки хорошо. С моими парнями меня ничто не страшит. Причем, учтите: таких, как они, сотни тысяч. Ведь нельзя же сказать, что на «Дельфине» плавают исключительные люди...

М и х а и л. Да, лодка как лодка, обыкновенный подводный корабль с рядовой командой.

А ф а н а с ь е в. Одно остается непонятным: откуда мина?

М и х а и л. Вопрос уточняется. Пока неизвестно! Жду сообщений!

А ф а н а с ь е в (вдруг). Наши идут! *(Сразу меняя тему разговора.)* В общем, продуктов хватило, топлива тоже, были всем обеспечены.

Из дома выходят Анна Степановна и Вероника Ильинична, спускаются в сад.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а (Анне Степановне). До скорого свидания! *(Брату.)* Пошли домой! Мне надо захватить ноты! *(Выходят за калитку.)* Чем же ты все-таки, Ваня, объясняешь свое опоздание? Подвел фамилию Афанасьевых...

А ф а н а с ь е в. Неужели подвел? Просто обидно! Ну, ничего не поделаешь, Вероника, бывает! Вы слышите, Михаил Иванович: сестра за опоздание ругает!

М и х а и л. А что ж, правильно!

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а (останавливаясь). Вы это серьезно, Михаил Иванович... или шутите? Я, право, не пойму...

М и х а и л. Значит, так надо было, Вероника Ильинична! Если ваш брат пришел в семнадцать сорок пять, значит, этот час был ему назначен! Мы гордимся точностью капитан-лейтенанта Афанасьева...

А ф а н а с ь е в. Спасибо, Михаил Иванович! Но теперь, Вероника, мы окончательно опоздаем и действительно подведем фамилию Афанасьевых.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а. Идем... идем! *(Уходят.)*

Пауза.

А н н а С т е п а н о в н а. Будешь обедать, сынок?

М и х а и л. Чуть позднее. Я скажу тогда...

А н н а С т е п а н о в н а. А мне ты ничего не должен сказать, Миша?

М и х а и л. А что?

А н н а С т е п а н о в н а. Ты же был у дяди... Зачем?

М и х а и л. Да так просто... Хотел с ним побеседовать... насчет грубости его.

А н н а С т е п а н о в н а. Ведь стыд на всю округу... Ну, а он?

М и х а и л. Буду, говорит, воздерживаться. В общем, ничего старик. Если его взять в руки, выйдет толк.

А н н а С т е п а н о в н а. Ну, не знаю.

Она замолкает, потому что проходят Акулов, Дмитриев и Филиппов.

Д м и т р и е в (Филиппову). Куда же тебя столько времени носило?

Ф и л и п п о в. Не беспокой меня, Костя. Не подлежит оглашению: сугубо личные дела.

Д м и т р и е в. Ах, личные! Без меня в гости ходил! (Акулову.) Может, ты чего-нибудь знаешь?

А к у л о в (пожимая плечами). Откуда? Я был весь день на огороде — в грядках копался.

Д м и т р и е в. Ой, что вы меня, старики, путаете?

Проходя мимо садика, Дмитриев и Акулов кланяются Анне Степановне и Михаилу. Филиппов отворачивает голову и проходит мимо.

А н н а С т е п а н о в н а. У, разбойник! С ним — как с человеком, а он даже не посмотрел в нашу сторону! Вот видишь, Миша, а ты говоришь, обещал воздерживаться!

М и х а и л. Ну, ведь не сразу же, мама!.. А старик он, право, стоящий...

А н н а С т е п а н о в н а. Так ведь все-таки наша кровь.

Михаил усмехается.

А где Лена?

М и х а и л. Вы, мама, ее не ждите сегодня. И вообще ничему не удивляйтесь. Я вам это объясню...

Звонок телефона.

Объясню... потом... (Уходит в дом.)

Мать молча смотрит ему вслед.

Пауза.

Быстро подходят Лена и Орлов.

О р л о в (держая Лену за талию). Здравствуйте, Анна Степановна.

А н н а С т е п а н о в н а. Здравствуй, Гришенька! (Внимательно смотрит на Лену.)

О р л о в. Вы разве не собираетесь на концерт?

А н н а С т е п а н о в н а (продолжая смотреть на Лену). Собираемся... но... позже!

Л е н а. А где... Михаил Иванович?

А н н а С т е п а н о в н а. Его... нет дома! Вот... жду к обеду...

О р л о в. Тогда мы вам займем места...

Л е н а. И... встретимся уже там...

А н н а С т е п а н о в н а. Хорошо... Садитесь поближе к сцене...

О р л о в. Как всегда: в третьем ряду...

Орлов берет Лену под руку, и они уходят.

Пауза.

Выходит М и х а и л. Мать смотрит на него.

М и х а и л. Кто меня спрашивал? Пакет из штаба? *(Спускается в сад.)* А?

А н н а С т е п а н о в н а *(качая головой)*. Тебе показалось!.. Показалось... Приходила...

Зина с мужем... Звала на праздник...

Михаил подходит к Анне Степановне.

А... вообще ты не волнуйся, сыночек... Бывает такое...

М и х а и л. Подождите! Не надо меня успокаивать! Не стоит! Вы, моя дорогая... такая чуткая и хорошая... Я сейчас думаю о другом! Собирайтесь на концерт.

Мать вздыхает и поднимается в дом. Солнце заходит. Михаил, постояв несколько секунд, медленно поворачивается и проходит в глубину сада. Пауза. По улочке идут Григорьевы с матросом Пивоваровым - вторым. Старшина везет в колясочке спящую дочь. Остановились на миг.

Г р и г о р ь е в *(поправляя одеяло)*. Ну, а как ты, племянник? Есть новости по службе?

П и в о в а р о в - в т о р о й. Ничего такого особенного, Фома Петрович. Все идет хорошо. Спасибо. Только вот ваша супруга... Ну и беспокойная же она! Вы на пустяк опоздали, а она вся в тревоге. Я ей говорю: «Поверьте — ничего не случилось!», а она, обратно, волнуется.

З и н а. Мое сердце что-то подсказывало.

Г р и г о р ь е в. Вот видишь, Зинуша, какой это неточный инструмент — твое сердце. *(Пивоварову.)* А Сенька молодец! Большой молодец твой брат. Ты с него пример бери, хотя он старше тебя всего на двадцать минут!

Проходят. Пауза. Секунду сцена пуста. Входят Панычук, Грушевский с Надей, за ними — Берман и Джибели.

Н а д я *(в подвенечном платье)*. Значит, у вас не было никаких неприятностей, волнений?

Г р у ш е в с к и й *(удивленно переглядываясь с товарищами)*. Никаких, Наденька. Только море немного волновалось.

Н а д я. Что это вы, Павел Захарович, все время вокруг меня вертитесь?

П а н ы ч у к *(тихо)*. А это, чтоб вас не толкнули, Надежда Филипповна.

Н а д я *(смутившись)*. Спасибо за внимание.

П а н ы ч у к. Пожалуйста. Если хотите знать, так только этот вопрос нас и тревожил на дне морском.

Г р у ш е в с к и й. Он, Надя, правду говорит.

Д ж и б е л и *(Наде)*. Исключительно, знаете ли, приятно после работы в спокойной

обстановке, как, например, было сегодня, послушать стихи... Товарищ Берман так скрашивал нам вечера. Ведь он оказался выдающимся поэтом.

Н а д я. Да что вы?

Д ж и б е л и. А вы разве не знали?

Н а д я. Нет.

Б е р м а н (*к Джибели*). Брось! (*Наде.*) Это он вас разыгрывает!

Д ж и б е л и. Не верите — спросите у товарищей. (*Декламирует.*) «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...» Видишь, я запомнил!

Все смеются.

Н а д я. Очень красивые стихи! (*Вдруг.*) А почему Сережа Куракин в госпитале?

Секундная пауза. Никто сразу не нашелся.

П а н ы ч у к (*выпаливает*). Грипп! Смешно сказать: простудился на верхней палубе... У него самый обыкновенный грипп!

Н а д я. Жаль, что он не с нами!

Все проходят по направлению к парку. Быстро идет, почти бежит, л е й т е н а н т Е г о р о в. Видит выходящего из-за дома М и х а и л а.

Е г о р о в. Разрешите?

М и х а и л (*нетерпеливо*). Есть ответ?

Е г о р о в. Да, товарищ капитан-лейтенант! (*Передает Михаилу бумагу.*)

Тот читает ее. Пауза.

М и х а и л (*гневно*). Им все равно ничто не поможет!

Проходят Афанасьевы: В е р о н и к а И л ь и н и ч н а и И в а н И л ь и ч. Михаил прячет бумагу за спину.

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а (*Михаилу*). Товарищи! Дорогие! Вы еще дома?

М и х а и л. Уже идем, Вероника Ильинична! (*Афанасьеву.*) На одну минуту, Иван Ильич!

В е р о н и к а И л ь и н и ч н а (*брату*). Тогда я тебя там буду ждать. (*Уходит.*)

А ф а н а с ь е в. Пожалуйста! (*Михаилу.*) Слушаю вас!

Входит Орлов.

О р л о в. Миша, друг сердечный. Ты же опаздываешь! Где мать?

М и х а и л. Сейчас пойдем, Гриша! (*Жестом подзывает его.*)

Орлов быстро подходит.

(*Вполголоса.*) Вас интересовал вопрос — откуда в мирное время — мина.

А ф а н а с ь е в. Да, я спрашивал...

М и х а и л. Так вот — получена шифровка командующего.

Замолкает, потому что по улочке, крадучись и озираясь, пробирается Филиппов.

О р л о в. Куда это вы, Иван Степанович?

Ф и л и п п о в (*мрачно*). Старик меня расспросами замучил!

Доносится голос Дмитриева: «Ваня, где ты?»

Слышите?

М и х а и л. Пройдите сюда, товарищ Филиппов.

Пауза.

Филиппов медленно входит в сад.

От имени командующего благодарю за участие в сегодняшней операции!

Ф и л и п п о в (*щелкнув каблуками, четко*). Служу трудовому народу!

Михаил протягивает ему руку. Филиппов крепко жмет ее. Выходит А н н а С т е п а н о в н а, останавливается на ступеньках.

А н н а С т е п а н о в н а. Это что?..

М и х а и л. Да вот — дядя! Пришел и приглашает вас на концерт!

Филиппов хочет что-то сказать.

А н н а С т е п а н о в н а. Правда... Ваня?

Ф и л и п п о в (*после паузы*). Правда... Аня! (*Подает ей руку.*) Мне сегодня музыку очень хочется послушать!

Ведя сестру под руку, Филиппов торжественно идет из сада. Проходят мимо появившегося Д м и т р и е в а.

Д м и т р и е в. Куда ты, Ваня?

Ф и л и п п о в (*важно*). На концерт! (*Уходят.*)

Д м и т р и е в (*Михаилу, показывая на ушедших*). Вот это — культурно! (*Ковыляет за ними.*)

Пауза.

А ф а н а с ь е в. Что... в шифровке?

М и х а и л (*читает*). «В квадрате сто семьдесят два дробь шесть подводные сигнальные приборы обнаружили неизвестную лодку. Она была уничтожена нашими катерами-охотниками! К тралению района приступить немедленно».

А ф а н а с ь е в. Вот тебе и мирное время!

О р л о в. Вот вам и Тихий океан!

М и х а и л. Только в этом Тихом океане еще черти водятся! Мы всегда должны зорко смотреть вперед и быть готовы уничтожить всякого, кто посмеет нарушить наши морские границы. *(Читает.)* «Приказываю: личному составу «Дельфина» и всем участникам спасения корабля за проявленное мужество объявить благодарность».

А ф а н а с ь е в, О р л о в и Е г о р о в. Служим Советскому Союзу.

З а н а в е с.

---

notes

«Существует очень небольшое число коронованных особ, личную историю которых следовало бы написать. Напрасно хитрость и лесть пытались возвысить почти всех государей — число оставшихся в нашей памяти очень незначительно. И это число было бы еще меньше, если бы мы помнили лишь о тех, кои были справедливы».

«Когда Петр Великий приблизился...»

Я не говорю по-французски!

Стихи Д. Еремина.

Муссинг — тонкий канат с узлами и маленьким буюм на конце.